

Дмитрий Соколов

**Любовные реки, семейные берега
(Архетипические сюжеты семьи и рода)**

*Посвящается светлой памяти
Виктора Владимировича Соколова,
моего дяди Вити*

Гидравлика

Уподобим любовь потоку, водной стихии, почти всегда движущейся или готовой к движению. Она движется так легко, как будто не ведает веса и трения. Как вода, она находит себе дорогу в любой (хотя бы и сопротивляющейся) среде, причем делает это без напряжения. Как вода, она питает; без нее всё живое умирает, становясь слишком сухим и твердым, сливаясь с неживым.

Уподобим любовь потоку воды, и увидим, что тело семьи состоит из любви на те самые девяносто с чем-то процентов, как человеческое и любое другое живое тело из воды.

Уподобим любовь в семье крови в теле: она незаметна, пока наполняет и течет, но каждая неполадка или потеря – драматичное событие.

Уподобим любовь течению сока в дереве Рода, который переносит питание и соединяет совсем разные части, находящиеся друг от друга, бывает, на огромных расстояниях, в единое тело.

И уподобив любовь воде, крови или соку, мы познаем важность берегов и стенок сосудов.

(А посмотрев на наш мир сверху, мы увидим, что берега - не искусственные линии, но что сама вода, когда передвигается значимыми потоками, находит себе русла и впадины, которых обычно долго держится.)

И так мы обозначим предмет нашего изучения: потоки любви внутри семьи.

Когда «каналы открыты», когда «всего хватает», то в счастливой семье – спокойные времена, и видимых сюжетов особо не наблюдается. Как сказки начинаются с «нехватки», «несчастий» и прочих неприятных дел, так и семейные сюжеты начинаются с нарушения

любовных потоков. А заканчиваются они (в хорошем случае) – их восстановлением.

Мы будем изучать берега и сосуды, их прочность и нарушения. Мы изучим движения потоков – «слишком мало» или «слишком много», завихрения, бури, движения вспять. Мы будем изучать почти невидимые вещи, которые, тем не менее, оказывают сильное влияние на течения, подобно подводным камням, ямам и прочим препятствиям. Мы будем, наконец, пытаться найти и понять «скрытые резервуары», подобные подземным водохранилищам, места обычно таинственные, где скапливается полу- или бессознательная любовь к тем, кого наяву в семье не увидишь.

Три вступления

Направляем луч осознания

Сюжетов взаимодействия между людьми множество. Их так много, что я бы не взялся назвать их поименно, как никто пока не взялся; а кто брался – с тем лично я мог бы очень поспорить. Кто из нас может сказать: я ВСЁ это знаю? Но собрав воедино знания разных из нас, мы можем приблизиться к реальной картине (да и то, пока мы складываемся в рамках одной культуры – многого мы опять так никогда и не увидим, потому что сама культура – это очень определенный способ смотреть на вещи, то есть, другими словами, многого не замечать).

И я хочу здесь собрать знания разных из нас. И все равно – надобно ограничиться. Я хочу ограничиться семьей, после размышлений и практики, длившихся годами, потому что именно на этом уровне анализ сказок производит, на мой взгляд, самый глубокий психотерапевтический эффект. Я скажу вам больше, уже чуть-чуть эзотерически, как бы с глазу на глаз: там ничего по важности рядом с семьей не стояло. И громко заору в сторону (чтобы нас с вами не услышали): да здравствует осознание чего угодно! А потом наклонюсь к вам и прошепчу: но мир бесконечен, и лучше примени свои мозги там, где это имеет больше всего смысла. И тогда ты меня спросишь: «А что имеет больше всего смысла?» И я тебе отвечу: семья. Я тебе не на духовном уровне это отвечу и не на материальном, а на психологическом. На духовном это тоже во многом верно, и для

многих народов «мир духов» и «мир предков» обозначается одним словом и означает одно и то же; но я же с тобой не как духовный авторитет разговариваю, а как психолог. И на материальном в этом тоже очень много правды – потому что деньги в основном из семьи берутся и в семью уходят.

И я здесь покажу вам немного другой взгляд на сказки, чем показывал до сих пор. Есть, ребята, такой уровень, где описываются движения любви, ее механика и динамика. Я вам это не как граф Калиостро говорю (потому что сей граф, пытавшийся открыть формулу любви, сделал нарушение одного из первых законов про любовь (которых, по идее, он не мог не знать, специалист хренов!), а именно закона, что любовь на собственную выгоду не обращают) и не как матушка-церковь говорит, а как простой (советский?) (нет, скорее антисоветский!) психоаналитик. Вот попробуйте представить сказку как описание всегда одного и того же процесса: как любовь искривила свое нормальное течение между близкими людьми, и как потом этот поток вернулся в русло (если вернулся). У вас это, скорее всего, не получится, как не получалось много лет у меня (хотя, может, вы талантливее?), но мы научимся этому. Для этого я сижу и пишу книгу. Я постараюсь говорить в ней на самом простом языке, потому что психологическое знание должно принадлежать любому нормальному человеку. Я постараюсь говорить достаточно сухим языком (хотя бы время от времени), без лишних сантиментов, чтобы мы могли увидеть «как оно все устроено».

Так вот, семья по такому определению является базовой формой организации людей в этом мире. Я могу вместо слова «семья» поставить «Род». Эти коннотации меня не очень волнуют. И эта базовая форма скреплена любовью, а любовь – это как раз то, что является базовой формой взаимоотношений людей, их долгов, расплат, обязанностей и всего прочего, что происходит между ними. Не коллектив, не работа, не хобби, не наблюдения за кузнечиками в тихую погоду – а именно семья является самым эмоционально значимым фактором души. Человек волнуется вроде бы по работе, а начнешь с ним разговаривать «вглубь» - он волнуется о семье. Потому что он волнуется о правильном течении любви вокруг себя, и течения денег или знаний его так никогда не затрагивают. И он волнуется о мнении предков (взгляд по роду назад), о своем «лице» перед женой-братьями-сестрами (взгляд по нынешнему уровню), о будущем детей (по роду

вперед), и вот именно об этом говорит его психика, вызывая сильные эмоции; а эмоции – это ответ сердца, господя!

И вот почему я пишу такую книгу: говорят, что семья умерла. Я много лет изучаю людей и, простите, пришел к тривиальному выводу: нет, не умерла, потому что не родилось никакой новой альтернативы. Другие форматы, кроме семьи, не работают (насколько-то работает дружба, но ведь, это, простите, то же самое – про поток любви между людьми). Родилась разве что альтернатива в форме бизнеса (в смысле, не родилась, она с нами с незапамятных пор, но сейчас эта модель мощно набрала обороты, мы всё так устроили, что душить друг друга стало значительно выгоднее, чем просто производить).

И то, что изучение семьи возвращается в течение человеческой мысли (семейная психотерапия даже на полвека младше психоанализа, а тому всего сто лет) – это как раз оживание семьи.

Вот что такое «семья»: это упорядоченные потоки любви между людьми, достаточно долгие и прочные, чтобы существовать столетиями (а может – тысяче... ? мы не знаем).

Изучение этих потоков, их «берегов» (порядков) – задача этой книги.

Мы будем изучать их на языке сюжетов. Это значит, что мы будем работать в формате, похожим на шахматы или карты: мы расставим фигуры (архетипические роли) и изучим их самые вероятные, основные формы взаимодействия (а это архетипические сюжеты). И когда мы учимся разбираться в законах этой игры, что действительно похоже во многих смыслах на учебу игры в шахматы или карты, мы подходим к возможности играть в эту игру осознанно. Обычное наше состояние по отношению к Знанию о Семье (Роде) более-менее похоже на состояние обезьяны или маленького ребенка по отношению к игрокам в шахматы. Вы уж меня простите, так мне кажется. Я имею в виду очень малую осознаваемость этого знания. Есть-то оно есть, но про это почти ни с кем в этой жизни невозможно даже поговорить (это и есть указатель на малую осознанность, потому что между собственной осознанностью и высказываемой осознанностью у большинства из нас зазор очень мал. В смысле (но не только): врунов мало. Казаться глупее, чем ты есть, искусство известное, но как во всяком искусстве, истинные мастера своего дела редки.)

Так что зацепите свою сознание за метафору (то есть поиграйте, если простыми словами), как будто ваш папа – король, ваша мама – королева, и мы начинаем игру, в которую вы, скорее всего,

бессознательно играете всю жизнь, а осознанно вам может быть на первых порах трудно... А впрочем, я, наверное, преувеличиваю, просто как простой купец, товар нахваливаю: ай, какой хороший! Самый главный! Самый непонятный! А на самом деле оно все просто, как три копейки. Но нахваливать надо, это эзотерическая истина. Какой товар ни есть. Самому нравится – вот и продавай.

Потому что (последняя эзотерическая истина в этой главе) человек занимается только тем, что ему важно. И психотерапевт, частный случай, занимается только тем, что ему самому помогло, иначе он – падла безобразная. Он лечит людей так, как вылечил себя (или как лечит). Я долго шел через голову, занимаясь анализом. И постепенно стал понимать, что голова думает в основном о сердце и о пипиське. А наш товар – нечто вроде карты каналов между ними.

Ну нет, всё, хватит эзотерических истин, переходим к основному тексту.

Об архетипических сюжетах

Дело на первый взгляд кажется невозможным. Количество сюжетов огромно. Как ввести в единую систему Спящую Красавицу, Синюю Бороду, Зевса, мальчика-с-пальчика и прочих, прочих, прочих? Я бы никогда не взялся за такой труд, если бы мне не казалась такая система натуральной, содержащейся в каждом из нас. Естественной, но не осознанной.

Каждый из нас *на самом деле* знает эти сюжеты. Каждый из нас знает базовую сюжеттику человеческих путей, пусть смутно, подспудно, в виде простого здравого смысла, традиций, морали, расхожих анекдотов, сказок. Основная проблема понять и описать эти сюжеты заключается, мне кажется, вовсе не в объеме работы: описаны же миллионы видов насекомых, у которых вообще не разобрать, где хвост, где голова. Основная проблема заключается в том, что мы, человеки, находимся внутри этих сюжетов, и крайне склонны исказить ближайшее к себе поле.

И получается: чужие сюжеты неинтересны, а свои непонятны. И – будто сказочное заклятие! – чем интереснее, тем непонятнее. Огромна сила идентификации, то есть отождествления с “должной” ролью, когда все, что не “вмещается” в требуемый образ, становится невидимым для сознания. Огромна сила построения “персоны”, то есть социально адекватного образа, заслоняющего реальные

психологические происшествия. Огромны силы вытеснения “тени” – нежеланных, страшных, трудных сторон действительности.

И тем не менее, в реальной психотерапевтической практике мы постоянно видим, что осознание, во-первых, возможно, и во-вторых, целительно. Видение собственной сюжетики, понимание своей роли и целостного действия, в котором эта роль разворачивается, полезно по меньшей мере настолько, насколько полезны открытые глаза; а часто имеет для людей критически важное значение.

(То, что я только что высказал, совершенно не очевидно для множества людей, и даже, кажется мне, для огромного их большинства в эмоционально значимых ситуациях. Давайте запишем этот гимн осознанию как “символ веры”. Весь данный труд делается внутри такой парадигмы, где “осознание” – это “хорошо” и даже “нужно”. Конечно же, есть сюжеты, и таких множество, где осознание прямо или косвенно запрещено: например, сюжеты обмана, внушения, опьянения, или часто даже просто “праздника легкокрылой младости”, «молодежной колбасы». Мы и эти сюжеты, даст Бог, изучим.)

Это книга – не философский труд, а пособие по сказкотерапии и архетипическому анализу. Поэтому мы не будем вдаваться в общие вопросы осознания, а будем им заниматься. Причем не в любом произвольно взятом направлении (осознавать можно что и как угодно, и поле осознания по определению бесконечно), а именно в плане сюжетики человеческих судеб. И матрицами для описания этих сюжетов и судеб для нас будут служить сказки и истории. Как и основным языком описания: лаконичным, конкретным, общепонятным. Недостатком сказочного языка можно назвать перенасыщенность символикой, но сдается мне, что в сказках эта символичность и метафоричность просто виднее, чем в других способах описания жизни; мир, кажется, гораздо более взаимосвязан и “целен”, чем принято считать в бытовой реальности или материалистической философии. Отсюда и насыщенность символами: одно указывает на другое.

“Сад расходящихся тропок”... В принципе, можно представить себе все разнообразие сюжетов как варианты одной жизни. В этом есть некоторая осмысленность (особенно духовного порядка), но, я думаю, обычно она нам не нужна. На “этом” уровне, где я осуществляю свой труд, мы разные люди, и жизнь наша строится как последовательность историй, происходящих в основном между нами. Это и является психологическим уровнем. Этим и займемся.

Печальное предисловие

К сожалению, это книга в основном про «несчастные» семьи. Здесь мало сюжетов здоровой и счастливой жизни. Это вызвано многими причинами, один из которых – эти «здоровые» сюжеты внешне очень просты, и их не очень интересно описывать. (Я вспоминаю, как моя двоюродная бабушка рассказывала про наших предков. Когда моя тетя включала диктофон, она говорила: «Значит так, такой-то и такая-то, родились там-то, жили хорошо, дети их уважали». И так про всех, примерно одно и то же. Как только диктофон выключался, она оживала: «значит так, был он а-а-агромным бабником, а она...» И пока не включался диктофон, мы наслаждались живыми и классными историями. А как только он включался, опять: «Жили хорошо, дети их уважали».)

В «здоровой» семье половина описанных в этой книге сюжетов присутствовать не должна. Там не должно быть ни измен, ни разводов, ни аборт, ни гипер-опеки, ни прочей «дряни». И очень многие семьи стараются делать вид, что у них этого и нет. И это тоже совершенно нормальное и достаточно здоровое желание. Но если мы изучаем семейную сюжетику всерьез, то мы не можем позволить себе такой роскоши, как обращать внимание на «хорошее» и не обращать на «плохое». Получается, на самом деле, в аккурат наоборот, и это естественно при занятиях психотерапией, которая обычно начинается с серьезной проблематики.

Увы, здесь мы сильно похожи на медиков, и нам в первую очередь видны болезненные и грустные стороны жизни. И вот что важно: когда мы изучаем патологию, мы видим, как правило, те вещи, которые подспудно существуют и в здоровой норме. Просто в «жестких» сюжетах они становятся выпукло-видными. И мы изучаем их для того, чтобы знать действующие силы здоровой нормы и знать, куда они могут завести нас, и в этом смысле, очень хочется верить, такое знание способствует здоровью.

На самом деле, все описанные здесь сюжеты – вполне из гущи обычной, нормальной жизни. И кто мы такие, чтобы говорить, что мы хотим жизни другие и получше? Или хвастать перед лицом всего этого своим семейным и психическим здоровьем? Да упаси Боже. Как и любому ученому, изучателю психики приличествует скромность и терпимость до самых краев своей души.

А она по определению бескрайняя.

1. Сюжеты деторождения

Бездетность

Так часто начинаются сказки: “Жили-были король с королевой, а детей у них не было...” В сказке потом ребенок всегда появляется, самым простым или самым волшебным образом. Хоть березовая чурка да становится желанным ребенком. Желанным? – всегда желанным. Нет детей – это наполовину нет тебя, говорит гуща веков. На дереве рода поколения сменяют друг друга, и если у тебя нет детей, то ты – маленькая сухая веточка где-то на периферии. Жизненные соки будут питать эту веточку более обильно поначалу (напрашивается метафора, что бездетный человек “переваривает”, обращает в собственную – энергию, “отпущенную” природой на детей), но все менее обильно к концу. И конец при таком раскладе является действительно концом.

Бездетность, вроде бы, является отправной точкой для двух сюжетов: в одном появляются дети, в другом все остается по-прежнему. Первый из них – “классический”, а второй слишком распространен вокруг, чтобы я мог оставить его без внимания.

Первый легко проиллюстрировать историей Авраама и Сарры, которые оставались бездетными до преклонного возраста. Сарре было девяносто лет, а Аврааму сто, когда Господь благословил их рождением сына. “Господь благословил их” – это не мое выражение, это многократно повторенная фраза Писаний. Она означает такой сюжет: Верховная сила сделала этим людям огромное добро. То, что это было благословенное потомство – ставшее родоначальником народа, который “размножился как песок морской” – это дополнительное, второе благословение. “Радость пришла в мой дом”, – говорила Сарра; и так далее.

Согласно основополагающей мифологии, детей людям дает Бог.

(Я сразу хочу оговориться, что изучение Бога как архетипической роли, одной из основополагающих, не особо связано с верой или неверием как религиозными пристрастиями любого из нас. Атеист, например, может сколько угодно верить в догму об отсутствии Бога, но, коли он берется за изучение психологии, он не может не заметить, что в человечестве идея Бога слишком сильна, чтобы ее можно было “выкинуть за скобки” и не принимать во внимание. Также и верующий – он может внутри себя и своей конфессии считать, что ему ведомо истинное проявление Божества и правильные способы взаимодействия

с ним (“схватил Бога за яйца”, сказал бы грубый Трикстер) – но если он хочет разобраться в психологической сюжетике, ему придется обратить внимание на существование других религий, а также пеструю нерелигиозную публику с флагами науки, анархии, экзистенциального одиночества и т.п. Изучение архетипической сюжетике возможно только с открытой и принимающей позицией. Бог и дьявол являются архетипическими ролями, которые никто не отменял, да и не в силах отменить, даже у себя в голове. Точка. Аминь. Продолжаем.)

Итак, по одной распространенной сказке детей людям дает Бог, и в этой сказке роль человека трудна технически (беременность, роды, выкармливание, воспитание, поступление детей в консерваторию), но проста духовно (или, если хотите, программно): Бог дает тебе детей, которые через тебя рождаются и выходят в мир, но их истинным автором являешься не ты, а потому тебе нечего волноваться, если дети уклоняются от понятного тебе пути в бесконечное не “куда следоват”. Если детей дает Бог, то он же за ними и следит, и он же их и “берет”, если они умирают или уходят из дома.

По другой сказке, дети рождаются от полового акта родителей (“друг с другом”, подсказывает мне Трикстер). Ничего не могу сказать, так тоже, похоже, бывает. Это же сказки, проверить невозможно. В первой сказке, чтобы преодолеть бездетность, нужно молиться Богу, познавать его волю в отношении тебя и выполнять ее (что и делал, например, Авраам). Во второй для преодоления бездетности, получается, надо заниматься сексом. Побольше и в правильное время.

(Хочу заметить, что эти сказки не исключают друг друга, а вполне совместимы.)

Есть и третья сказка о том, как рождаются дети и как соответственно преодолевается бездетность. Она чуть более сложная – но в психологическом мире вообще “работают” чуть более сложные модели, чем обе выше названные (первая из них, в сущности, из мира “духовного”, а вторая – “материального”; а “психология” – она посередине, и тут свои порядки). Для того, чтобы озвучить эту сказку, мы должны ввести такую архетипическую роль: “Род”. Этот персонаж вроде бы сборный – он состоит из многих людей, всех никогда не подсчитаешь. Его основу составляют “предки”, но они Род не исчерпывают, и я скоро покажу, почему. Вернее представлять себе Род как определенную группу людей, братство, мафию, клуб, причем эта группа довольно-таки закрыта. Членство там получается зачатием, рождением, браком, усыновлением, или, в очень редких случаях, каким-то очень важным для Рода поступком, имеющим отношение к

самому вопросу его, Рода, существования (благодеением или злодеением).

Так вот, в такой сказке дети рождаются по разрешению и благословию Рода. И сюжет бездетности является, таким образом, производным некоего нарушения взаимоотношений в Роду. А преодоление бездетности происходит тогда через преодоление, исцеление этого «заклятия». И вот тут, чтобы хоть что-то объяснить про этот неочевидный предмет, я начну рассказывать вам сказки.

А сказки в моей книге будут двух сортов. В одной героями будут волшебные, странные, нереальные персонажи – и это будут «волшебные» сказки или отрывки из народных мифологий. В другой героями будут люди, похожие на земных окружающих, и это будут «реальные истории». Здесь мне придется повиниться, что я не вижу особой разницы между историями двух этих типов. Если я вам спою, как в траве сидел кузнечик, и вот пришла лягушка и все такое, то это вроде как сказка. А если я расскажу недавнюю историю, как на одном рынке в Крыму торговал милый и беззаботный старичок, а потом его оттеснила новая, недавно переселившаяся в город торговка; а когда старичок стал возражать, она с помощью директора рынка вовсе изгнала его из торговых рядов; то это не тот ли самый сюжет, только «из жизни»? Я знаю, что большинство людей склонны считать истории «волшебные» и «реальные» принципиально разным материалом, одно из которых идет через фантазию, а другое через память. Но мое аналитическое око не видит особой разницы между работой этих двух инстанций и между получающимся материалом. Те сказки, которые мы рассказываем друг другу о жизни, при ближайшем рассмотрении совершенно волшебны: «реальностью», как и «нормальностью», все мы манипулируем как хотим, в рамках своих референтных сообществ. В общем, я не буду доказывать вам этот спорный тезис; я просто буду рассказывать вам сказки двух типов.

Итак, история про «заклятие бездетности».

Нерожденный

Молодой человек, назовем его Славиком, был персонажем гулящим, но детей хотел явно и сильно. Когда он женился в третий раз, это стало занимать его очень явно. Жена была девушкой здоровой, но по непонятным причинам не беременела два года. Тогда Славик стал заниматься психоанализом самого себя. Он вспомнил, что за десяток

лет его гуляний где-то четыре женщины сделали от него аборт, и у трех были выкидыши. По отдельности каждый случай выглядел кое-как оправданным, но все вместе повергло Славику в ужас. Причем все это происходило вроде бы против его воли – он-то довольно чистосердечно хотел детей всю жизнь.

Простая логика привела его к истории первого аборта в его жизни. Он и его подружка Лада очень любили друг друга, но были слишком юны, и судьбу ребенка фактически решили за них родители. Сделано это было не совсем честно – якобы аборт предписал врач, а потом постепенно выяснилось, что с врачом очень настойчиво «советовались» до того, как он осматривал юную маму. Так или иначе, Лада и Славик сделали аборт, и потом довольно скоро расстались, несмотря на всю свою сильную любовь, которая была жива еще долго, года три мучительной жизни порознь.

Когда он это вспомнил, он увидел (или придумал) страшную картинку, как их нерожденный ребенок уже десять лет витает над их жизнями как голодный дух и не дает рождаться другим детям. У Лады тоже не было детей, хотя она была вполне счастлива замужем уже несколько лет. Они жили далеко друг от друга, и Славик написал ей письмо. Трижды оговорившись, что все это смахивает на безумие, он описал ей свои видения, и предложил совершить вместе обряд похорон. Через несколько месяцев исполнялось десять лет со дня аборта.

Лада ответила, что она хорошо его понимает, но ничего такого вместе с ним делать не будет. И в годовщину, которую Славик высчитал с трудом, он изготовил своими руками надгробную доску, вырезал на ней что-то вроде «Плод любви С. и Л.», поехал на дальнее деревенское кладбище, нашел там камень, установил его и сделал весь свой странный обряд похорон, включавший почему-то окропление камня собственной кровью (он бритвой порезал палец), венок цветов и долгое стояние на коленях.

Через год жена Славика была уже беременна, а он – счастлив.

Чего он еще долго не знал, так это того, что муж Лады, молодой и здоровый, через полгода погиб. Она родила уже в следующем браке. А могила нерожденного младенца исчезла, как корова языком слизнула. Славик приезжал туда пару лет спустя – там не было ничего, даже камня.

Никто не знает в таких историях, где правда, а где фантазии, где причины, а где следствия. С одной стороны. С другой стороны, если

выстраивается цельная, внутренне логичная история, а альтернатив, кроме случайного хаоса, не видно, то меня такая сказка устраивает.

(Эту историю можно считать вполне удачной иллюстрацией сказкотерапии, кому интересно, что это такое. Вот ее сценарий: вначале Славик сочинил – или осознал – определенную сказку. А потом, согласно логике этой сказки, провел терапию, “магический” ритуал исцеления. Который сработал.)

В этой сказке бездетность, получается, вызвана тем, что один из Рода против рождения новых детей. Если следовать такой логике, то надо заметить, что в Роду – не одни прямые предки. Там все те, кто вошел в Семью раньше. В данном случае – абортированный ребенок.

В общем виде, можно сказать, что Род не благословляет рождение детей у тех из его членов, которые сильно нарушают волю Рода. Самые часто встречающиеся варианты (вокруг меня) – это когда человек не чувствует, что его собственное рождение было благословлено Родом; и разные вариации инцеста.

“Умные не рожают”: счастливая бездетность.

Как я говорил, у сюжета бездетности есть два продолжения: ребенок появляется либо нет. Во втором сюжете встречаются самые разные архетипические роли. Например, Вечный Ребенок: ему рожать незачем, он вечен, и повзросление не входит в его планы (а наоборот, выходит из них со страшной силой). Ну, представьте себе сказку про детей Амура или Карлсона (хотя последний и любил представляться как «мужчина в полном расцвете сил»). Или возьмите архетип Вечной Молодости, такой популярный среди женщин (когда “в любом возрасте 20 лет”) – там тоже дети могут мешать, от них отвисают сиськи и редеют волосы, меньше свободного времени, и не разгуляешься с разными прикольными веществами.

(На самом деле, эти два архетипа не так уж сильно различаются... по большому счету, только двумя вещами. Во-первых, возрастом, на котором человек хочет застрять: годами этак десятью или этак двадцатью. И во-вторых, любимым делом этого человека – собственно, из-за чего он и хочет увековечить любимый возраст. Для Вечного Ребенка это игра – ну там, в салочки, машинки, солдатки, сказочки там всякие, сказкотерапийка; а для Вечной Молодости это в основном смена половых партнеров.)

Детей не рожают те, кто сами являются детьми и кому, как говорит моя мама, «слишком хорошо дома». Такой сюжет нередко дополняется тем, что этот Ребенок Слишком Хороших Родителей (не знаю, как назвать его короче) сам пасет своих родителей как детей, обращая вспять закон заботы старших о младших. Если родители к тому же преждевременно впадают в детство, то этот нерожающий и счастливый этим герой может отыграть свои родительские инстинкты, не выходя за рамки своих любимых отношений.

(Тут у нас автор интересно построил фразу: «Если... то...». А ведь эта претензия на причинно-следственные связи, строго говоря, обманчива и неверна. Рассматриваемые сюжеты целостны, и требуют взаимного участия нескольких человек – например, в этом случае Любимого Ребенка и Слишком Заботливых Родителей. Хорошие люди (на самом деле мы все, кроме тех, кто позволяет себе роскошь сумасшествия) играют с окружающими комплиментарные роли: коли ваш собеседник или сожитель играет Жертву, то вы – Спасителя или Палача; коли он – Доктор, то вы – Больной. Тут очень трудно наблюдать «если – то» или, как говорят в детском садике, «кто первый начал». Гораздо правильнее кажется говорить о едином сюжете, в котором один из Слишком Хороших Родителей впадает в маразм (то есть, другими словами, претендует на роль Любимого Ребенка и в успешном случае ее занимает), а бывший Любимый Ребенок соответственно становится Слишком Хорошим Родителем. Это не «если» и «то», это части единого сценария. Поэтому здесь – при таком формате рассмотрения – нет виноватых, а есть только достойные друг друга игроки.)

(За слово «игроки» в таких делах морду бьют, понял?)

Кхм!.. Продолжаем.

Итак, бывают ли счастливые герои сюжета бесплодия? (Как говорила одна моя подруга, бывает непорочное зачатие, а бывает порочное незачатие). Вроде бы бывают. Никогда нельзя, на самом деле, залезть к человеку в душу и выяснить его меру счастья и внутренней гармонии, но если вот так вот смотреть, с расстояния, то вроде бы да.

То есть из тех, кто боится родить ребенка, потому что боится времени и природы (тех же отвисших сисек (вот ведь красивый художественный образ какой, как пристал!)), из тех вряд ли есть особо счастливые, потому что на страхе гармония не устанавливается, фундамент плохой. Среди «родителей собственных родителей» уже вполне могут быть счастливые экземпляры: любовь остается любовью, даже в чрезмерных дозах.

А вот есть еще интересный такой архетип: «духовные люди», и вот среди них нерожающих немало.

О, это замечательный, страшно интересный архетип! Причем именно архетип, такие были всегда и будут, наверное, тоже всегда. Эти товарищи, как правило, очень не обижены ни умом, ни талантом, ни красотой. И часть их обаяния происходит из того, что значительная часть их интереса направлена «куда-то туда». Ну, на Бога, на эзотерику, на магию, на искусство. И конечно, эти прекрасные вещи сквозь них сияют; отсюда и красота, и таланты. И вот такие симпатичные люди попадают в этот сюжет «счастливого бесплодия» по уши. Объясняют они это по-разному. Некоторые просто тем, что дети помешают служению музам. Некоторые пожестче говорят, что дети забирают слишком много такого чего-то ценного, что самим исключительно нужно – и с какой стати делиться? Помню, одна интересная (и нерожавшая) женщина у меня на группе сочинила сказку о том, что дети пробивают у родителей дырку в энергетическом поле, и эта дырка потом уже никогда не зарастает (правильно мы ее назвали Теткой Кастанедкой; и немного жалко, что на той группе не было никого по кличке Поручик Ржевский, который бы рассказал ей, что это за дырка).

Есть еще одна сказка, и это просто сокровище, священный текст. Не раз и не два я слышал такое: мир слишком плох, чтобы приводить в него еще кого-то. Эта сказка несколько противоречива, на первый взгляд – ведь рассказывают-то ее в этом мире его участники. То есть, скажем, вы встретились с кем-нибудь в концлагере (на ролях узников), и вот он вам говорит, что здесь слишком не приятно, ему не нравится, и своим детям он такой судьбы не пожелает. А как он сюда попал? – ну так загнали. Такой сюжет, конечно, понятен; хотя далеко не всем может быть понятно, где находится то пространство, где этого концлагеря нет. Или вот вариант повеселее: вы встретились с этим кем-то в придорожном ресторане, и он говорит, что ресторан так себе или просто фуфло, и своих детей он в такой не приведет. А как он сюда попал? – а по ошибке, и скоро пойдет отсюда прочь.

Чем больше я думаю над этой сказкой, тем меньше как-то в нее верится. Логичным ее продолжением кажется самоубийство, потому что если ресторан фиговый, то зачем в нем сидеть?

Нет, увы, не получается у меня веселая картинка. Это вовсе не значит, что она невозможна; просто скажем так, что такой сюжет – счастливого бесплодия – редок, и в этом смысле не очень архетипичен. Как вообще редко человек может позволить себе загасить один из

сильных инстинктов и остаться здоровым-гармоничным-целостным. Как говорится, природа берет свое, а если человек пытается у нее это забрать, то она у него тоже что-нибудь хорошее заберет.

Бездетность, насколько я могу судить, обычно не является преступлением против Рода. Род разрешает это.

Бездетность, конечно, не может наследоваться, но я знаю сколько-то историй, в которых есть сильное ощущение, что бездетность одних людей сильно связана с судьбами других – обычно по «ходу конем», от «дядей-тетей». Впереди вам встретится рассказ «Жизнь такая штука, Мэри», который может служить иллюстрацией.

«Человек за бортом»: Аборт или выкидыш

Прежде всего я хочу сказать, что с точки зрения родовой сюжеттики эти два «происшествия» так сходны, что заслуживают одного названия и одной главы. Выкидышем можно назвать аборт, решение о котором принято на более глубоком (или более высоком) уровне. На уровне, мало доступном сознанию.

(Конечно, у вас всегда есть возможность сказать, что выкидыш вызывается не психическими, но физиологическими процессами. С точки зрения структуры сюжета это не важно, но может служить прекрасным материалом для оправдания.)

В этом сюжете мужчина и женщина зачинают ребенка, то есть, если ставить балет-спектакль, вдвоем выбегают из круга-хоровода, подбегают к нерожденной душе (такие детки-ангелы там стоят вдоль стенок зала), подхватывают ее за руку и приводят с собой в круг. Это первая часть танца. Во второй они стараются его из круга вытолкнуть.

Причины могут быть разные, но причины – это то, что происходит у этой пары в голове, а нас занимают их действия, то есть сюжет. (Грубо можно сказать, что о чем там думает танцор, нас не волнует – мы смотрим на танец.)

И вот тут происходит интересный момент в нашем танце. Ребенок из круга легко не выталкивается. Казалось бы – два здоровых взрослых, одного ребенка. Ну, пусть часто они не едины в этом движении, могут при этом драться друг с другом, и ребенок хватается за одного из них, который защищает его от первого. Но даже если родители и едины в своем желании аборта – им нелегко.

Первая возможная фигура: ребенок таки вылетает и возвращается к своим у стеночки. Мужчина и женщина берут друг друга за руки и продолжают водить хоровод. В сторону того ребенка они больше не

смотрят. (Если вы попробуете станцевать такое, вы увидите, что это трудный танец. Выполнить такое по-честному не легко.)

Вторая возможная фигура: ребенок все-таки остается в круге. Это очень и очень частая ситуация. Например, один из родителей крепко его держит, а второй так и не может его вытолкнуть, и потом успокаивается, обычно отходя от этой новообразовавшейся пары. (Внимание! Всем понятно, что при этом происходит в «реальной жизни»? партнеры расстаются, потому что один из них «застревает» на нерожденном ребенке, например, в виде чувства сильной вины, а второй либо ощущает, что на него не обращают внимания и уходит, либо сам настолько хочет уйти от этого самого нерожденного ребенка, что уходит и от того, с кем это связано.)

Ребенок может просто «куда-то затесаться», как вообще малыш, который забрался под ноги чем-то занятых взрослых. То есть я хочу сказать, что ребенок может каким-то образом «остаться в круге», даже и без того, чтобы за него сильно держался один из родителей. Как бы по собственной воле. Кстати, его может вначале защищать, а потом и взять под свою опеку какой-то другой член семьи. Так что в танцевальном смысле у нас есть варианты. А что же в «жизненно-реальном» поле?

Хорошо сделанный аборт или не сильно бьющий по организму выкидыш на ранних сроках вроде бы исчерпывает проблему. Какие там были причины его не рожать – вот все цели этого списка вроде бы достигнуты. Должны наступить забвение неприятного эпизода, а потом покой и гармония, как происходит с другими житейскими неурядицами, всякими болезнями и т.п. Но, как показывает анализ реальных историй окружающих людей, этот неприятный эпизод оказывается крайне стойким и «сюжетообразующим», то есть он ощутимо сильно влияет на то, что с этими людьми происходит дальше. И в ближайшее после аборта время. И спустя два, три, четыре года. И спустя много лет, когда начинаешь разбираться, что и почему происходит с детьми этих людей.

Вот это и есть то, что в танцевальной метафоре я назвал «остаются в круге». Эти дети-ангелы остаются в круге в том смысле, что продолжают значимо влиять на свою семью, на то, что происходит с их (как бы несостоявшимися) родителями и даже прочими родственниками, и потомками этих людей. Мы можем представить себе это так: когда зачинается тело, душа примыкает к дереву Рода, в котором зачато тело, и потом уже не уходит от этого Рода – ну, не вечность, а долго не уходит, может быть, свою жизнь и потом одно-два

поколения. А сколько продолжалась эта жизнь – не очень важно. То есть, конечно, ее место и «время полураспада» зависит от времени жизни, и семидесятилетний значит для Рода гораздо больше, чем одномесячный (считая от зачатия), но все же этот «одномесячный» - совсем не пустое место.

Таков внешний сюжет «аборта». А вот какие могут быть последствия, из-за которых, собственно, мы и стали обращать внимание на такие интимные факты? (тут бы спросить, так, именно с чувством спросить: «а вы как думаете?» - и спокойно откинуться на спинку кресла; но тут у нас не терапия, а литература, тяжелый труд, так что придется самому и отвечать.)

Одно возможное последствие я уже описал: расставание несостоявшихся родителей. И это достаточно вероятный сюжет: мужчина и женщина, чей ребенок не выжил, расстаются. Запущенная сила будет расталкивать их в разные стороны тысячью способов, и совладать с ней тем, кто на самом деле хочет сохранить связь, будет очень непросто.

Биологический смысл этого очевиден. Основной смысл связи мужчины и женщины – рождение ребенка (те, кто с этим не соглашаются, должны были, по замыслу автора, абортиться или выкинуться еще в начале книги). И если ребенок не рождается, им нечего делать вместе, надо идти искать других возможных партнеров. Этой логике можно противопоставить любовь, привязанность, общность интересов, привычки, материальную выгоду, справки из ЗАГСа и т.п., но эта логика очень часто способна безжалостно разрушить все эти баррикады и в триллионный раз показать свою первобытную силу.

(Я знаю, что есть миллионы женщин, которые делали аборты от своих мужей и прекрасно с ними живут. Я не говорю, что эта сила единственная. Я просто указываю на нее и делюсь наблюдениями, которых у меня предостаточно. Я указываю на то, что в религиозных, магических и психотерапевтических практиках к нерожденным детям относятся так же, как к рожденным – то есть они СЧИТАЮТСЯ. Это придумал не один человек, но множество тех, кто работали с проблемами человеческих семей и пытались уменьшить их болезненность (это прописано в иудаизме и в христианстве, например.))

Другим возможным последствием аборта может быть очень сильное чувство вины, которое, если человек не осознает, откуда оно и на что направлено, может «растечься» по всей его жизни и не очень адекватно привязываться к первым подходящим объектам: прежде всего, конечно, собственным родителям, супругу (е) или к детям. Ну, и вина «перед всем миром» для некоторых является не пустым звуком.

Третьим возможным вариантом продолжения этой истории является долгое бесплодие. Вот это предупреждение акушеров и гинекологов о риске (особенно первого) аборта – оно, как это обычно бывает, имеет не только физиологический, но и психологический смысл. (Можно сказать, что смысл-то один, просто у нас его изучают разные специалисты, и соответственно, получаются две модели в рамках отправных философий этих моделей) Физиологически там что-то с пиписькой происходит (боже, позор! Ты, выпускник кафедры физиологии МГУ! – стонет Трикстер) (Нет, всё наоборот! Это Трикстер, конечно, как всегда, ляпнул про пипиську, ему лишь бы это слово написать лишний раз, а я, выпускник кафедры физиологии МГУ, конечно, знаю, что там происходит с маткой, трубами и гормонами, но книга-то у меня психологическая, так что я об этом не буду). А психологически что-то может произойти с душой человека, с его взаимоотношениями с Родом, Богом, совестью, в общем, всякими трудноуловимыми, но крайне мощными инстанциями. (Может, потому и трудноуловимыми, что мощными.)

Потому что поскольку по «духовной» логике аборт является убийством, причем убийством не кого-то чужого, а «своего», постольку за это может последовать расплата. А древняя мифологическая единая расплата какая? Око за око, зуб за зуб. Чье же может быть это око? Ну, например, следующим ребенком (расплачиваться жизнью родителя – слишком «дорого» эволюционно и биологически). Вот это и может быть логикой долгого бесплодия – потому что следующий ребенок «расплатится» за предыдущего и тоже не родится.

Рассказ «Нерожденный» о Славике и Ладе вполне хорошо иллюстрирует такую возможность.

И еще дальше можно повести эту странную фантазию. Что даже родившийся потом в этой семье ребенок может испытывать влияние сил прежних абортов или выкидышей. В самом простом случае, быть солидарными с ними, то есть испытывать большую склонность «уйти» - из семьи и из жизни.

Здесь мне вспоминается одна сказка, придуманная на одном из моих семинаров года три назад:

«Девочка-подсолнух»

Жила-была девочка, которая очень не любила спать в темноте. А ее родители сэкономили электричество, и не разрешили ей спать при включенном свете. Как-то родители собрались и ушли в гости, положив девочку спать. Свет они выключили, но зато оставили у кровати на тумбочке кусок сладкой халвы.

Девочка заснула и увидела удивительный сон – как будто она растет в поле среди подсолнухов. И сама она такой же подсолнух, и поворачивается вслед за солнцем, и ей хорошо, тепло и счастливо. И вдруг по полю пошли комбайны, которые стали огромными железными зубами срезать головы подсолнухов и проглатывать. Девочке стало страшно, но она ничего не могла сделать. И вот уже комбайн подъехал к ней и занес над ней страшные зубы...

И тут она проснулась. Чтобы успокоиться, она взяла халву, оставленную папой, и стала ее грызть. Но тут она вдруг с ужасом поняла – хотя никогда раньше не задумывалась – что халва сделана из тех самых убитых подсолнухов, ее братьев, которых она видела во сне.

Ей стало жутко, и она выбежала на кухню. Зажгла там свет и увидела бутылку с подсолнечным маслом. Тут ей совсем стало жутко – она и про масло никогда раньше не задумывалась.

Тогда она схватила бутылку с маслом, вылила его на себя и подождла.

В этой сказке очень заметно стремление к свету – и к электрическому наяву, и к солнечному во сне. Подсолнух – это по определению тот, кто тянется к солнцу. К электрическому свету не пускают родители, а к солнечному – те зубья комбайна. Комбайн, срезающий ростки братьев... Это может быть довольно ярким образом гинекологического инструмента, производящего аборт, не правда ли? Тогда весь образный ряд оказывается на месте. И логика этого самоубийства под конец может быть логикой «я пойду с вами, мои родные». Героиня не хочет жить за счет убитых братиков-сестричек, которые тянулись к свету, да не дотянулись. Поэтому она не хочет есть халву. Она как будто хочет вырваться на свет вместе с ними – и зажигает понятный в этом смысле костер – третий источник света в

этой сказке, который по такой логике оказывается единственным для нее доступным.

Я могу рассказать еще одну иллюстрацию. Однажды на моей другой группе женщина рассказала свой сон, который приснился ей накануне. В этом сне, тяжелом и тревожном, ее отец лежал на операционном столе, а хирургом был почему-то ребенок, и вот у нее на глазах этот неумелый хирург отца зарезал. Я спросил, сколько лет было этому ребенку во сне. Она сказала, что совсем маленький, года три. Я спросил, что она думает по поводу этого сна, и она начала мне рассказывать какие-то теории про кризис трехлетнего возраста (профессиональный психолог...), из которых ни я, ни она ничего не поняли. Тогда я попросил сделать спектакль, и там все увидел сам, а она поняла, когда я ее спросил, что же случилось, когда ей было три года. Ее мама сделала аборт и ушла от ее отца. Остальные мамины дети были уже от другого мужчины. Понятная ли это цепочка: аборт, то есть решение не рожать от этого мужчины, ее отца, и разрывание связи с ним, и ее тоска по нерожденному братику или сестре, которые были бы ей полностью родными. Ее отец был «зарезан» вместе с плодом этого аборта, его исключили из системы, то есть их обоих исключили из системы. А на спектакле она легла рядом с этим ребенком и отлично себя почувствовала. Рядом с зарезанным на операционном столе отцом и зарытым плодом аборта – она легла и почувствовала себя *хорошо*. Как дома. Со своими.

Из этого примера уже немного видно, что абортированные дети имеют влияние не только на своих родителей. Их рожденные братья и сестры (особенно следующие за ними по старшинству) нередко испытывают на себе очень значимые влияния тех же «теней». В качестве не таких уж редких примеров я приведу два письма, которые получил во время работы над этой книгой. Позже (например, в рассказе «Приземление» из главы про Первенца) вы увидите еще примеры этого «магического» влияния нерожденных детей на жизнь их братьев и сестер – например, на их выбор друзей и партнеров.

Девичьи классики (письмо)

«Привет, дорогой!

Я вот почитала твои статьи про Общую ответственность и всякие родовые заморочки, и натолкнуло меня это на всякие мысли. Ну, про мужиков, как всегда :)

У меня, так уж повелось, в жизни все как-то циклично. Особенно мужчины. Они у меня чередуются очень определенным образом (не помню, может рассказывала тебе как-то).

Мой первый - первая любовь, был такой невысокий, коренастый, уверенный в себе парень. Старше меня на 4 года (мне было 15), правильный такой, общительный, мечта любой мамы. Мы с ним расстались в основном из-за меня - я еще была не готова для серьёзных отношений, чувствовала, что он меня душит, хотелось свободы, тусоваться, погулять еще.

После него был парень совершенно несерьезный, замкнутый, депрессирующий, творческий интеллеktуал. Мы с ним встречались 2 года, но у меня не было совершенно ощущения, что мы вместе - никто никого не напрягал. Ну и расстались как-то легко и гладко (с моей стороны во всяком случае). Параллельно и после были всякие связи, но все не серьезно и не долго.

Потом я встретила свою Вторую любовь. По типу он был очень похож на того первого: коренастый, уверенный в себе, настроенный на серьезные отношения, правильный во всех отношениях. Очень общительный и позитивный. Также старше меня на 4 года. Также расстались из-за меня - по разным причинам.

Потом долго был – ну, ты знаешь кто. Очевидно, что замкнутый и запутанный в себе. И все время наших отношений мне чего-то не хватало, постоянно было ощущение что Это не то и не так.

А потом вот появился тот самый парень, с которым ты видел меня в последний раз. Мы и сейчас вместе. Скажи, да: коренастый, уверенный, позитивный и общительный. Ну и т.д. Ну и конечно, старше меня на 4 года.

Я эти совпадения уже давно заметила, но как-то объяснить их сложно. А после того как твою статью прочла - задумалась еще больше. Так вот, сегодня наконец-то с мамой удалось поговорить.

Оказалось что до меня у нее было несколько выкидышей (я это и так знала). Но как выяснилось - первый выкидыш у нее был когда они решили родить второго ребенка - это когда мой старший брат пошел в школу. И выкидыш произошел на 6 месяце - и это был мальчик. И произошло это в 1974 году - а я родилась через 4 года!!!!

Вот такая вот колбасня. Я как узнала это - загрузилась неподецки. Блин, неужели это и правда так работает??? Что ты на это скажешь как врач? :)))»

Мертвые мальчики (письмо)

«...В общем, смотри. Я несколько лет подряд, когда уже была замужем, влюблялась, причем страшно, так, прямо, с Достоевским надрывом, в мальчиков стабильно одного и того же возраста. Я уже даже смеялась, что для меня есть роковой год рождения, «мой любимый цвет, мой любимый размер». 1985-1986, если что (сама я родилась в 1981, то есть все эти мальчики меня младше на 4 года или на 5).

Когда это уже стало какой-то повторяющейся историей, я, естественно, пыталась понять, почему. Самое простое объяснение было – что эти мальчики в том возрасте, в который я хочу обратно; им 17-18, это тот возраст, в котором я встретила своего мужа – и в котором закончилась моя развеселая блядская юность. А теперь у меня сын подросток, муж надоел, и мне хочется именно в тот возраст, в поворотную точку – не догону, так погреюсь.

Вроде всё ясно. Но потом стало странно: на самом деле я цеплялась, похоже, не за возраст, а за год рождения. То есть те самые мальчики уже подросли и несколько пообтрепались, им уже тоже не 17 лет, а новенькие 17-летние мальчики мне не нравятся совершенно! Станный я какой-то Гумберт Гумберт, ей-Богу.

На дальнейший путь расследования меня навело то, что первым в этой галерее мальчиков-зайчиков был младший брат моего мужа (нет, у меня с ним ничего не было, у меня почти ни с кем в этой галерее ничего не было – я во всех этих мальчиков была влюблена трагически. Это тоже какой-то обязательный элемент этого дурацкого паттерна). Он жил одно время с нами, мне с ним было так весело, мы носили одежду друг друга и еще говорили, что можем выдавать себя за брата и сестру – потому что у нас одна фамилия (что закономерно, раз я взяла фамилию мужа) и отчество тоже одинаковое (что уже не закономерно, а вот просто так совпало).

Сильно позже я стала думать, почему меня так перло, что это как бы мой брат.

Ну, естественно, в том самом году, в котором родились мои трагические мальчики, моя мама потеряла ребенка.

У нее случился выкидыш на довольно большом сроке, причем страшно очень – началось кровотечение, ее привезли в больницу и забыли про нее, она пошла позвать кого-нибудь, упала в обморок, очнулась через несколько часов в луже крови с мертвым мальчиком

между ног. То есть когда у женщины выкидыш, ей, насколько я знаю, обычно не дают особой возможности полюбоваться на результат, а моей маме как раз посчастливилось мертвого мальчика внимательно рассмотреть.

Я тогда маленькая была и ничего не знала, конечно. Но узнала я эту историю все же довольно рано – мама не раз всё это мне рассказывала, когда я подросла немножко.

И, когда я уже стала вроде совсем взрослая, история в маминых устах обросла новыми причинно-следственными связями. А именно. Ведь мальчик не просто так родился мертвый, а не живой? А вот скорее всего мама потеряла эту беременность (очень желанную, и очень хотели, конечно, мальчика), потому что за несколько лет перед тем у нее был аборт, и вот после аборта всё у нее там как-то разладилось в этой сфере.

Вот, вводим новую переменную: аборт. Аборт у мамы был ровно один, когда мне было чуть меньше года (я, соответственно, первенец, хоть девочки первенцами и не бывают☺)). Из-за чего же мама сделала аборт? А вот, оказывается, я была таким трудным ребенком, так много болела и так много орала, первый год моей жизни был для мамы годом сплошных бессонных ночей. И мама говорит: я была так измучена и истерзана, что, когда обнаружила, что беременна – у меня даже мысли не было другой, кроме бегом на аборт. Она и побежала, даже папу не спросила – благо папа был в командировке.

Так вот кто виноват в аборте: я, потому что со мной было так трудно и мое младенчество было сплошным адом!

Ура. Значит, из-за меня (нежеланного ребенка, естественно) мама сделала аборт, а из-за последствий аборта не смогла выносить 4 года спустя уже того ребенка, которого очень хотела.

Короче, я убила своего брата!

Как же мне было здорово, когда я всё это докрутила, и поняла, и все паззлы сошлись! С меня тогда как будто сняли несколько дохлых шкур, под которыми я не могла дышать. Это было лето, как сейчас помню. На волне этого восхитительного инсайта у меня тогда вся жизнь стала какой-то совсем другой.

Даже с Н., последним из моих трагических мальчиков, который тогда находился в центре моей головы, впервые тогда стало вырисовываться что-то человекообразное...

...Н. и правда оказался моим последним мальчиком из той серии – следующих не было.»

Есть такая сказка, которую я впервые услышал от Хеллингера: родители имеют полное право на детей, полнейшее, включая право распоряжаться их жизнью и смертью, и дети это право бессознательно считают естественным, признают. Любая мышь может сделать себе выкидыш или съесть всех или часть новорожденных детей, если считает, по своему мышьиному разумению, что их существование сейчас не адекватно – например, потому что вокруг слишком много мышей, или слишком мало еды и так далее. И как говорил Бродский про свою кошку: «Она не знает, кто в Америке президент, и чем я хуже?» (На самом деле, мы хуже мышки умеем этим управлять, потому что у мышек есть довольно хорошо изученный механизм рассасывания завязавшегося плода – без всяких выкидышей; а активируется он, чтоб вам уже все было так понятно, сильным запахом новых самцов – не того, от кого данный плод). В общем, со вторжением медицины нам стало не сильно хуже, чем мышкам, технически, но психологически осталось труднее, много труднее. Аборт стоит очень дорого. Эти дети с нами навсегда.

2. Дети вырастают

Первенец: «Рождение героя»

«Когда родился Лешенька, мне казалось, что вокруг роятся фейерверки... казалось, что все люди счастливы, что все на улице улыбаются поэтому, что всем хорошо... Короче, мне казалось, что весь мир счастлив – потому, что у меня родился ребенок!»

Это рассказывала мне одна мама... да и не одна.

Или вот: в пещеру приходят три старых, уважаемых и богатых человека и приносят новорожденному нищему мальчику прекрасные дары... Та же тема: на небе восходит звезда, предсказан конец царства, ангел с небеси приносит благовую весть о рождении неслыханного Нового Человека...

Это всё атрибутика рождения героя, то есть того, кто принесет в этот мир что-то новое и желанное. Рождается ребенок – особенно если это первенец, то есть кто-то по-настоящему новый – и мир (или полномочный его представитель семья) приветствует его салютом (это снизу вверх, чтобы подальше видно) и возлагает большие надежды (это уже сверху вниз, на маленькие плечики). Первенец забирает себе

мамины зубы и волосы – пусть! Он плачет по ночам, не давая спать папе – ерунда! В этом сюжете все готовы напрячься и отдать ему множество ценностей, потому что: а) любят; и б) рассчитывают на большую отдачу.

«Как стукнуло ему три дня, он из колыбели пошел гулять». «В год он уже дальше всех в деревне дубинку кидал». «В три равного ему по уму во всем царстве не было». Это все из разных сказок, а сюжет-то один: этот первенец полон необыкновенной силой, не как у нас с вами. Он корчует рукой деревья, обводит вокруг пальца царей, душит младенческими пухлыми ручками ядовитых змей, уводит у Аполлона стадо священных коров, побивает в еврейском религиозном споре старых рабби и так далее до бесконечности. Это первенец, в нем – огонь первой любви родителей, самой сильной, самой жаркой. Это – «козырная карта», которой семья хочет выиграть место под солнцем.

Это прекрасный сюжет, который перепели бесконечное количество сказок. В основном количестве этих сказок герой триумфально рождается и, когда вырастает, побивает всех и вся. Так оно, судя по всему, и должно быть, это идеальная модель.

Именно по этой модели мельник из «Кота в сапогах» оставляет свою мельницу старшему сыну, оставив среднему осла (процентов пять по стоимости?), а младшему кота (то есть нищету).

Этот сюжет прост и ясен: ему, герою-первенцу, 1) много дают; и от него 2) много хотят. Он (или она) будет нянчить младших и делиться с ними. А также постигать науки или игру на скрипке, пока более простые ребята вольно гоняют за окном в футбол. А также побеждать в споре царей и поэтому чувствовать себя белой вороной, к которому даже девки даже подойти боятся. А также наследовать отцовское дело (если в стране стабильная экономическая ситуация), или еще похлеще (если экономика трещит или отстает) – быть эмиссаром семьи в незнакомые миры (заграницу, другой социальный класс, тридевятое царство). Совершать двенадцать геракловых подвигов, без которых его миссия неполна и никакой покой ему не светит... и так далее.

(Как-то в аудитории, где было человек 60 психотерапевтов и педагогов, я попросил поднять руку старших братьев и сестер. Рук получилось где-то 50 (включая мою). От наглядности своей доли мы все слегка обалдели.)

Эта функция «эмиссарности» может быть так важна, что пресловутому «герою-первенцу» может быть даже разрешено Родом не иметь детей. Что наверняка связывает нас с предыдущим сюжетом.

Чтобы понять древне-мифологическую основу этого, нужно представлять себе, что «небо» выше «земли», а потому «небесные дела» имеют приоритет над «земными». Брахман (священник) по кастовой системе Индии выше кшатрия (военно-административной аристократии) и тем более вайтри (торговца). Или вот: по закону Израиля, всякий первенец принадлежит Храму (включая первенцев животных и даже растений, и именно их приносили в жертвы Божеству). Что это значит? – это значит, что всякий первенец призван служить небу, он не принадлежит своему дому.

(Евреи в мифологическом и семейном смысле вообще очень «правильный» народ, всем советую изучать. Многие законы, которые в иных культурах эзотеричны, то есть понятны мало кому, у евреев открыто передаются из поколения в поколение неизменным веками образом. Например. Все то, что я пишу про «героев-первенцев», актуально для практически всех культур, которые я знаю. Но обряд «выкуп первенца» входит в нормальную, ежедневную культуру именно евреев. Вот в чем он заключается: отец первенца в каком-то (обычно малом, но разрешено в любом) возрасте ребенка приносит его к представителю Храма (в еврейской традиции такую роль играет человек из рода Коэнов) и *выкупает* его у Храма. Храму не нужно так много первенцев, нельзя всех их посвящать Храму (то есть Небу), пусть эта сила останется на Земле. И отец дает Коуэну серебряную монету вместо первенца, и Коэн производит обряд, освобождая (обычно малыша-несмышлениша) от его посвященности, то есть обязанности принадлежать Храму. В мифологическом пространстве он снимает с него сильно повышенные ожидания, и такому человеку будет легче жить и дышать на Земле.)

(Честно говоря, когда я услышал об этом обряде, то мне, воспитанному в Советском, как ни крути, Союзе, казалось, что центральный смысловой персонаж этого обряда – серебряная монета, переходящая Храму, то есть способ взимать налоги на церковь. Ан нет! – монета эта оказалась специальной, и она выдается отцу перед обрядом тем же Коэном. У евреев, как я много раз наблюдал, мифологические смыслы на первом месте, а деньги не раньше второго.)

Тут мы затронули продолжение этого сюжета про Героя-Первенца: ему будет трудно в обычной людской среде, его силы рассчитаны на сверх-задачи, и он может быть поэтому не адекватен в самых простых человеческих раскладах. Он может приписывать себе право вершить человеческие судьбы, и стать преступником, убийцей, директивным психотерапевтом. Это может стать его проклятием и бедой: ему

постоянно может казаться, что окружающие его люди слабы, порочны и глупы, и ожидают от него решительных действий по исправлению мироздания. Сюжет очень сильный, эмоции не шуточные. Род посвятил его в «исправители» и вряд ли кто-нибудь в мире может снять это благословение-проклятие, кроме исконного Рода. Авторитетов у такого персонажа, увы, скорее всего, не будет. Даже если он станет (если умный) их алкать, ему трудно будет их найти и еще труднее принять, признать, подчиниться.

Ладно. Рассказываю историю

Приземление

Трое друзей сидели в одном уютном кафе-ресторане так поздно, что уже скорее было рано. Двое из них, Миша и Оля, были давней парой; третий, Давид, играл таким образом роль «друга семьи». Старшего друга, по возрасту и деньгам. На каких-то правах тогда под утро он и распекал Мишу:

«Ну ты подумай, какого хрена? Что за дурацкая позиция, типа тебе все можно? Кого ты из себя строишь?» - и так далее.

Накануне Миша, конечно, знатно вляпался в историю. Он работал в большой корпорации, где компьютеры были соединены в локальную сеть, и была там какая-то «беседка» для внутреннего общения сотрудников. Не официальная. Якобы вполне приватная. Ему на работе, надо полагать, было скучно. И он за десять минут сделал себе совсем не скучно: опубликовал в этой беседке свой дневник за прошлый год. Типа, да здравствует честность! А были в том дневнике: описания корпоративной вечеринки, где очень смешно и пьяно начинался роман их «директрисы» и начальника отдела безопасности; легкие карикатуры на начальство в виде частушек; размышления, с кем бы из сотрудниц Миша переспал или нет... и дальше уже ерунда, суммарно «на годик не очень строгого режима», как обозначил это Давид. На работе начался большой скандал, и около самого Миши, и вокруг. Уже два дня все бурлило.

«То, что тебя выгонят с этой работы – это точно, но это, в общем-то, ерунда. А вот то, что ты повел себя как мудила, - это реально плохо».

«Давид, там не было ни слова лжи».

«Какая к хренам разница? Ты людей подставил».

И так далее. Разговор шел к рассвету, тема не менялась. Оля смотрела в сторону, за окно, там плавали лики уходящей ночи.

«Ты считаешь, что тебе все можно».

«Да, я считаю, что некоторые вещи мне доступны. Например, говорить правду...»

И так далее. Я бы не стал описывать этот, в общем-то, довольно обычный разговор, если бы он не вылился в такую сцену.

Оля повернулась и высказала Мише, что он не просто мудака, а полный мерзавец. И что лучше бы она вышла замуж за Давида.

Это временно нокаутировало обоих мужчин.

Через час (уже начался рассвет) Миша признал, что какие-то ошибки в его схеме, вероятно, присутствуют, иначе почему бы она вызывала столько злости у уважаемых людей.

На этом они обрадовались и вернулись к дружеским позициям. При этом Давид расплатился за несколько чашек кофе и сладости, они вышли из кафе и медленно поплыли по городу.

А город этот был Иерусалимом, и еще через полчаса, незаметно для самих себя, они оказались под стеной Старого города. И не сговариваясь, уже почти молча, через Сионские ворота они пошли к Стене Плача.

Никто из них не был религиозным, но все были евреями. Каждый из них оказался у Стены сам, но вышли они оттуда в удивительно едином порыве. И уже через полчаса, стоя опять под стеной Старого города и глядя на долину Кедрон под ногами, они пришли к общему выводу, что Мише надо провести обряд выкупа первенца. Благо – тут же позвонили авторитету – он чистопородный еврей и никогда обряда не совершал. Авторитет обрадовался и сказал, что поможет во всем, вот только надо быть уверенным, что Миша и правда первенец. «В каком смысле?» - не понял Миша. «А надо удостовериться у родителей, что не было абортов или выкидышей. Потому что если были, то первенцами считаются они». Оп-па. За тридцать лет такая мысль в голове у Миши не гуляла. Но – сказано – сделано: он набрал телефон своей мамы. Было уже вполне утро, но мама спала. Звонок ее разбудил. «Мама, - сказал Миша, - прости меня, но мне это сейчас важно. Я у тебя первый ребенок? В смысле – не было до меня абортов?» «Был, - сказала мама. – Один. А что?» «Я тебе потом расскажу. Уже ничего». «Мишенька, ты меня прости, если я тебе в чем-нибудь помешала», - сказала замечательная мама, и после «Пока!» Миша повесил трубку. Он был какой-то совершенно обалделый и заторможенный, как сейчас вижу.

Давид опять позвонил авторитету. «Ну и все, значит, - пропел в трубку тот, - тогда обряд не нужен. Тогда, ребята, у вас все в порядке».

«Черт возьми, - сказал Давид, - и действительно, тогда у нас все в порядке. Миша, друг, ты можешь расслабиться. Ты такой же как мы. Мы такой же как ты. На днях тебя будут увольнять с работы, но это того стоило».

«Если ты правда понял», - прибавила Оля.

А Миша стоял и думал уже совсем о другом. Нет, в смысле, он понял, что можно поменьше выпендриваться и быть попроще и поближе к людям (он говорил с ударением в конце: «к люДЯм»). И так оно, кстати, дальше и вышло, урок сработал (а то какая бы это была история!) Но он мгновенно посчитал в своей голове цифры, и выходило по этим цифрам (с мамой поговорить еще раз у него хватило смелости только через несколько месяцев, и она все эти цифры тогда подтвердила), что возраст Давида – это возраст того первого абортированного ребенка, а возраст Оли (о чем он тоже близко раньше не задумывался!) – это возраст его младшей сестры, которая родилась мертвой. Скажите, разве плохо мгновенно оказаться в своей семье и увидеть, что твои близкие друзья – это отражения, отпечатки, вошедшие в твою жизнь повторы братиков и сестричек, которых якобы никогда не было? А теперь они стоят возле тебя, курят по десятой сигарете и говорят: «Ну что, пошли, чего ты замер? Пошли, обмоем твое утраченное первородство! Надо найти где-то чечевичную похлебку! Точно, пошли искать чечевицу!» И Солнце встает над Иерусалимом, и ты на своем месте.

И душа твоя успокаивается.

«Да ладно, Давид, не надо чечевицы. Кофе хватило. Ты же платил? Ну вот».

Младший ребенок: не от мира сего.

«В одной семье жили-были папа с мамой и семеро сыновей. А дочки у них не было, и они горевали по этому поводу. Однажды мама купила прекрасный цветок – то есть она купила только растение в горшке, луковицу с парой листиков, но бабушка на рынке пообещала ей, что оттуда вырастет прекрасный цветок. И действительно через какое-то время это растение выпустило большущий белый бутон, который изнутри светился прекрасным таинственным светом. На третий день бутон раскрылся, и в чашечке цветка сидела маленькая девочка. Она

стала любимой дочкой папе с мамой и младшей сестрой для семерых братьев...»

Это начало сказки, придуманной на моей группе одной симпатичной женщиной. Если в предыдущем сюжете «Первенца» было важно, что это мальчик, и девочка на этом месте редко оказывается (потому что все-таки – культурально – не «герой»), то в роли Младшего Ребенка уже почти все равно, кто это по полу.

(Хочется напомнить еще раз. Архетипическая роль «Младший Ребенок» не обязательно в каждой семье занимается младшим по возрасту ребенком. Жизнь полна индивидуальных черт (за что и любима). Есть люди, а есть роли. Люди склонны эти роли разыгрывать и принимать серьезно. Но мы, верящие в изначальную чистоту человеческой души, можем изучать безличные роли отдельно.)

Младший Ребенок легко занимает в семье место Самого Любимого. Хотя это слово «любимый» вообще лучше не употреблять в серьезных текстах, уж больно эмоционально насыщено, а потому тысячекратно переврано. Скажем так: его балуют, то есть дают очень много внимания. Авраам занимался Исааком (а не старшим Исмаилом), Исаак благословил Иакова (а не старшего Эсава), Иаков сходил с ума от Биньямина (младшенького из двенадцати).

А теперь давайте подумаем – так, по-взрослому, по-марксистски – почему и зачем это делается. Самая простая причина, лежащая на поверхности семейных отношений – это то, что Младший Ребенок возвращается не для «внешнего», как старший, а для «внутреннего» употребления. То есть он предназначен остаться в семье. И, если все идет хорошо, заботиться о родителях в старости.

Какими качествами должен обладать такой человек? Черты его могут самыми разными (хотя скорее он будет более мягким, подчиняющимся, капризным, симпатичным, чем наоборот), но есть одна важная: он должен быть не очень адекватен для внешнего мира. «Не от мира сего» - или, наверное, точнее «не для мира сего», если под «миром» понимать широкий социум. Например, не очень умным. Или со слабой силой воли. Или настолько взаимопротиворечивым, что плохо способным сделать какое-то дело от начала до конца. Это все не очень хорошо в общем смысле, но смысл в данном случае (как практически всегда) частный. Воспитание всегда функционально. И если функция – оставить ребенка «при себе», в семье, то неразумно воспитывать его адекватным для мира – а то он может в мир сбежать. Избыточное чувство вины, как-то легко ложащееся на таких детей,

работает по тому же вектору: ослабляет их «внешнюю» адекватность и увеличивает «внутреннюю» зависимость.

По душевным качествам, по любвеобильности, симпатичности, талантливости (обычно не реализованной) это очень часто чудесные люди. Не знаю, как вы, а я знаю много примеров.

«Первенец» очень часто проводит жизнь в борьбе, сражается, и в терминах внутрисемейных отношений можно сказать, что он сражается за любовь. «Посмотрите, какой я хороший, умный, сильный, любите меня!» Младший Ребенок ни за что не сражается: оно у него есть.

(Тут мы касаемся важной темы для сказкотерапии: это два основных типа сказочных героев: «старший» сын и «младший». Тот Иван-дурак, младшенький лентяй и разгильдяй, о котором столько героических сказок – это наш Младший Ребенок. Он приезжает к победе на той самой печи, на которой вырос, подобно Емеле. Серый волк или Конек-горбунок делают за Ивана-царевича все дела, вплоть до первой брачной ночи с Марьюшкой (есть и такие сюжеты в народе). Всякая печка и яблонька по пути помогают ему, а он им за то улыбается, услуживает и мил-песенки поет.

У героев типа Геракла все складывается по-другому: гарь, война, и даже в случае победы все недовольны, и половина богов (читай: семьи) считает, что его нужно наказать. «А яблоки бессмертия верните, пожалуйста, на место».)

Женитьба Младшего Ребенка – дело противоречивое. Если он серьезно играет роль Младшего Ребенка, то лучше бы он не женился. А если женится, то есть появляется серьезный шанс, что он «уйдет в мир» (хотя бы своей отдельной семьи), то родители могут серьезно поучаствовать в расторжении такого брака. По самым веским и объективным причинам, конечно же. Хороший для всех вариант, который часто реализуется, заключается в том, что он (она) заключает брак с кем-то уж совсем неадекватным, а потому необходимость взаимной опеки Младшенького и Родителей только усиливается; и еще одним прекрасным вариантом является рождение детей в семью бабушки и дедушки. «Плохой» супруг или супруга исчезают, а внук или внучка остается в семье, которая от этого становится только крепче.

(Когда я употребляю слова «хороший» и «прекрасный», я не только иронизирую, я действительно имею это в виду. Важно в таких раскладах, чтобы они происходили по взаимному согласию – в идеале, сознательно проговоренному. Люди имеют право замыкать свои семьи,

жить со своими детьми или родителями и так далее, лишь бы здесь не было сильного подавления одними людьми других. Плохо, если мать приказывает дочери в таком раскладе сделать аборт, а та подчиняется против своей воли. Почему плохо? Потому что дочь обязательно отомстит, и круговерть зла и обид будет еще долго вращаться в этой семье. Свобода воли придумана не только ради людского тщеславия и эгоцентризма, но и для адекватного распределения ответственности.)

«Мы здесь все в Америке – дети младших детей, у которых не было земли, и поэтому они двинулись на другой континент», - сказала мне одна женщина-риэлтор в Техасе. Из той волны, которая пошла из Европы на юго-восток под знаменами крестоносцев, младших детей тоже было много – настолько много, что был, кажется, отдельный их орден, Братство Черноголовых. (Я надеюсь, вас не коробит идея о том, что братство Христово состояло из людей, которым не досталось земли по законам наследования, и которым поэтому хотелось своей земли, и почему бы не отобрать ее у неверных?) По логике этого сюжета из младших детей выросло так много революционеров и авантюристов. Когда они выходят «из семьи наружу», то ведут себя не как «старшие», которые склонны распространять дело своего Рода, но «едут на своей козе» (она же Емелина печка), против установившихся законов. Тоже возможно: пятеро погибнут, один выиграет.

Итак, сказка про Младшего Ребенка имеет следующие основные варианты:

- 1) Его любят и слишком балуют, он вырастает капризным и плохо приспособленным, до смерти родителей остается с ними. Своих детей у него или нет, или он довольно слабый родитель. Свою семью он или не создает, или это слабая семья, сильно поддерживаемая усилиями (и подавляемая волей) старшего поколения.
- 2) Его любят и балуют, и он вырастает в уверенности, что все самое лучшее все равно ему достанется, никуда не убежит. И поди ж ты – эта твердая вера реализуется: он получает от жизни много крупных кушей непонятно почему, не обычными для окружающих, одноразовыми способами.

Написал и подумал: да что же это такое! Я знаю людей, которые отлично совмещают эти два вроде бы не очень похожих сюжета. Значит, похожи...

Некоторые черты Младшего Ребенка практически наверняка: надолго затянувшаяся инфантильность, богато развитое воображение, неглубоко притаившийся Трикстер.

«Третий лишний»: Золушка-Хаврошечка

Этот образ так часто встречается в сказках, и так редко – в жизни. И как-то он всю жизнь меня волнует: образ человека, который в видимом спектре функционирует наоборот, чем «все нормальные люди» - поглощает мало, а дает много. Чего он такого не поглощает? – на простом сказочном языке, материнской любви; но точнее, наверное, сказать, что не просто любви, а заботливой, «земной» любви, которая «дарит», «одевает», «холит», «обеспечивает». Золушка, Хаврошечка и прочие многочисленные сказочные сироты этого лишены, но удивительным сказочным образом они платят этому миру обратной валютой – они сами заботятся, сами дарят, сами одевают – кого угодно, но не себя.

Сказки, мораль и религии прославляют таких персонажей, и если эти черты развиты у кого-то из живых, то более «нормальные» люди их тоже часто и легко прославляют. Оно и понятно: жить рядом с такими людьми удобно и хорошо: потребляют мало, дают много. Я бы сам с удовольствием имел Золушку на своей кухне, но понятно, что ее там нет, потому что такое счастье достается вот именно что Мачехе.

В этой сказке в смысле семейной динамики ключевое слово, наверное, не столько «третий», сколько «лишний». Золушка-Хаврошечка, давайте я уж так ее буду называть, в своей семье как будто бы «лишняя», у нее как будто бы нет законного, четко обозначенного и гарантированного места. Во многих сказках от нее именно что хотят избавиться – несмотря на всю ее полезность. Я думаю, что эти «полезность» и «избавиться» на самом деле очень друг с дружкой связаны, просто как кусочки одной логической цепочки. Это сказка про ребенка, который по каким-то системным раскладам оказывается лишним, нежеланным. Таким образом, он попадает в этот мир – желанное для себя место – на еле-еле купленный билет. Он понимает (знает? воображает?), что на этот билет полного спального места ему не достанется, и он заранее готов сидеть на краешке. Он заранее готов питаться крохами, и дорого отрабатывать эти крохи.

Жестко говоря, он готов быть очень «полезным», чтобы от него не «избавились».

Есть такое представление о том, что люди обладают разной степени «экзистенциальной плотностью». «Плотный» человек уверен в том, что он есть; что он имеет право быть; что он имеет право занимать вот это место, эти ресурсы. «Неплотный» человек в этом совершенно не уверен. «Бесплотный» человек – крайние места на шкале – уверен, что «мир» есть, а «его» нету, и право «быть и иметь» ему недоступно. Грубо можно сказать, что на «бесплотной» части шкалы умирают от шизофрении или анорексии, а на «плотной» - от скуки и одиночества, плюс от многочисленных войн с себе подобными.

Так вот, Золушка-Хаврошечка – конечно, «экзистенциально не плотный» персонаж. Она очень и очень не уверена, что у нее есть право быть и обладать соответственными регалиями, типа праздничного платья или права послать мачеху на три буквы.

(Последнее означает, если кто не понимает, право испытывать и выражать эмоции, в частности, эмоции «негативного» плана, прежде всего, агрессию, но так же ревность, жадность, злость; и, может быть, главное - это великое, прекрасное, детское и экзистенциально бессмысленное «ХОЧУ!». Среди людей такого типа развита доброта и «податливость», часто обладающая не очень приятным привкусом того, что они не столько добры, сколько не могут себе позволить быть (или показаться) не добрыми. Чистосердечно добрые люди и злятся чистосердечно, включая, я уверен, Христа, мать Терезу и Святого Франциска. А со «слишком добрыми» невротическими нашими братьями приходится работать психологам, хоть бы вот и мне, грешному, обнаруживая их зубы, клыки и прочие требующие заботы части тела.)

Итак, один вариант появления в семье Золушки-Хаврошечки – это родить ребенка и дать ему понять, что полного права быть членом семьи у него нет. По разным причинам такое может произойти; проще всего вариант «незаконнорожденности», когда «благородный род» не хочет родниться с «низкими смердами», и соответственно принять плод такого скрещения не в силах. «Низкие смерды», кстати, тоже не склонны считать такого ребенка за полноценного своего. Тайные слухи о «других родителях» могут кружить вокруг дитятка; а могут и явные речи, что, скажем, отец его – такая сволочь и пустое место, что и ребенок, как минимум, наполовину под вопросом. Удивительно, как долго могут люди жить «под вопросом» - десятилетиями, это точно. Да и всю жизнь, конечно, человек может тайно или явно разыгрывать

собственную «невидимость», и хвала тому, кто в ходе этой игры готовит вкусный суп, а не пишет злобные анонимки.

Еще одна «семейно-системная» разгадка судьбы Золушки-Хаврошечки, возможно, скрывается опять же в словах «третий лишний». Только первые два здесь – не старшие дети, а папа и мама. Это как раз один из вариантов продолжения судьбы «победителя Эдипова конфликта». Она становится на место матери: в сказке та вообще умирает, а Золушка-Хаврошечка очень во многом играет в семье вот именно что собственную мать. Вся ее забота о мачехе и ее дочерях ведь в сущности может являться заботой об отце и его семейном счастье. Вообще все ее заботливое отношение к миру очень материнского склада. Страшно победить в Эдиповом конфликте, хотя бы только в воображении: потом всю жизнь можно наказывать себя черной работой и серой одеждой. Если представить себе, что и Мачеха, и Фея-Крестная – это одна и та же мама Золушки, и эту маму она в раннем возрасте оттеснила, хотя бы в детских фантазиях, от отца, то многое становится понятно: и желание Мачехи (то есть мамы) избавиться от «сиротки», и то, что праздничное (свадебное) платье Золушка не может сшить себе сама, а может только взять из рук Феи (то есть мамы).

Можно добавить, расширяя образ Фрейда, что «победить и вытеснить собственную маму» можно не только из романтически-сексуальных желаний близости с папой. В семейных системах бывают более простые и жесткие расклады: это можно сделать, например, из верности бабушке (папиной маме), из верности общему клану (которому противопоставила себя мама), или просто борясь за свою жизнь и нормальность под очень психически деструктивной мамой.

Самым частым в моей практике раскладом было как раз неприятие мамы в альянсе не с папой, а с бабушкой. Похоже, что в девичьей судьбе это образует довольно стабильный характер.

Потому что – вот что еще очень важно для Золушки-Хаврошечки – ведь ресурсов у этой бедной сиротки на самом деле очень и очень прилично. У нее может не быть материальных ценностей (которые ей могут «не полагаться» по статусу и роли), но у нее в избытке сил, энергии и доброжелательности, а это, конечно, ресурсы посерьезнее. Откуда? У этих людей всегда, похоже, есть обильный и скрытый источник, и на нашем уровне родовой магии это значит, что у них есть крепкая и хорошая связь с предками. В самом простом (и, наверное, распространенном) случае это как раз фигура бабушки.

Если такой фигуры нет, то из роли «третий лишний» вырастает, скорее всего, гораздо менее приятное для окружающих существо, пытающееся внедриться в этот мир не службой и послушанием, а когтями и кровососущими жвалами.

Гипер-Опека и Сверх-Тревожность

Одному моему приятелю в школе бабушка давала с собой бутерброды с сыром, где сыр был обрезан ножницами по кромке хлеба.

А одному знакомому родители после свадьбы купили дом, но не разрешили поставить в нем ни Интернета, ни кабельного телевидения. Чтобы не смотрел порнографию.

Другому, наоборот, мама с папой исправно оплачивали огромные телефонные счета (в основном звонки на «секс по телефону»), но ложились костями, если у него появлялась девушка, и с девушкой встречаться не давали («мешает карьере»).

А вот еще меня Трикстер попросил написать: что, дескать, триста лет назад в России часть девушек, выходящих замуж, лишались невинности не мужем, а баринном. И что «Право первой ночи сеньора» было прописано в большинстве европейских законодательств. Я ему говорю: ну и что это значит, даже если правда? А он говорит: было дело, и свекор трахал. В более дремучие времена. А логика, дескать, та же самая, что «барин» - «отец родной», что «сеньор» - то есть «старший». Это они на себя трудную часть семейной жизни детей брали, которая дефлорация. Чтобы защитить детей родных от опасностей, с нею связанных.

Надеюсь, что все эти примеры (мои, не Трикстера) кажутся вам дурацкими и ничего-не-значащими. Думаю и практически уверен, что вы сами видали такое, по сравнению с чем всё это – цветочки и забавы взрослых шалунов.

Конечно, родители заботятся о детях. До какой степени? – вот на этот вопрос никакие мудрецы не ответят. Хотя всегда пытались. Как вам такой ответ – до любой?! Потому что ребенок – недочеловек, он многого не понимает. И ради заботы можно с ним сделать что угодно. Вплоть до аборта. Вот такая сказка: глупое дитя хочет родиться совершенно не вовремя. Я, взрослый, понимаю, что сейчас «плохое время». И останавливаю его от этого дурацкого шага.

Что является «нормальной» опекой, а что «гипер» - пусть решают юристы и университетские профессора, потому что ответа, конечно, не

существует, а им хорошо платят за товар-заменитель. Можно только сказать, что существует огромное количество людей и семей, страдающих от несогласия со своими родителями или детьми по этому вопросу. Вот это и есть гиперопека в самом простом смысле: опека, вызывающая много страдания и вражды, а также явно неадекватную инфантильность объекта этой самой Г/О.

Гиперопека может казаться «личным делом», типа каприза отдельно взятого человека, но, конечно, она всегда явственно прописана в семейной динамике. И чтобы понять такую динамику, нам не надо сильно ломать голову. Ну угадайте: кого надо сильно-сильно беречь? Обычные ответы: 1) того, кто представляет из себя какую-то необыкновенно большую ценность; и 2) того, кого есть большие шансы потерять. По этой логике к королевским детям приставляют больше мамок-нянек, чем к детям простолюдинов, и за сильно больными во время болезни ухаживают больше, чем за здоровыми. Это понятно.

А вот кто представляет из себя особую ценность? Это уже не очень очевидный вопрос, вроде все дети довольно ценны, и тем не менее не все попадают в сюжет Г/О. Для Рода дети более-менее вроде бы равноценны, разве что в патриархальной культуре мальчики чуть «дороже» девочек, но и это не причина для их за-Г/О-на. Прежде чем перейти к решению этого странного неравенства в общей форме, давайте порешаем простые примеры.

Например. Вижу маму и сына – явная Г/О. Узнаю про ее маму – там явная Г/О со своим сыном. Выясняю про бабушку – у той тоже, как у них у всех, было два ребенка, сын и дочь, и сын, имея во время Отечественной войны освобождение от армии, тем не менее рвался на фронт, писал письма товарищу Сталину, и его таки призвали в 1943-м, и он погиб во время бомбежки, только-только доехав до фронта. Спрашивается, есть ли в этой семье причина для того, чтобы не пускать детей (сыновей) из дома? Да, простая и очевидная.

Например. Вижу маму и дочь – конкретная Г/О. Выясняем историю беременности. Все, включая ее жениха и родителей, были против, советовали, уговаривали, угрожали, чтобы она сделала аборт. У этого ребенка было мало шансов попасть в наш мир. Она попала, но мама расслабиться так и не может – дочке все время грозят опасности, и только она может свое чадо защитить. Логично? Абсолютно.

Например. У женщины четверо детей, но под жесткую Г/О попала только младшенькая. Предыстория рождения: у мамы был любовник, самая светлая, горячая и короткая любовь ее жизни. От кого этот

последний ребенок? Ну... нет, не от него. Но почти как будто от него. Вот формально не от него, как кажется маме, но от тех прекрасных и последних дней их любви. Любовник исчез, но ребенка можно попридержать. Правда ведь?

И так далее. Это я вам пока показываю решения этих неравенств для средней школы. Для «высшей школы» такие неравенства в общем виде я бы решал по формуле «**More than one**»

(У Иосифа Бродского, который резво и безвозвратно укатился от своей семьи а la Колобок, есть такое эссе (давнее название книге, за которую он формально и получил Нобелевскую премию): «Less than one» («Меньше чем один»). Ребенок попадает под гипер-опеку по ровно противоположной формуле, которую вполне удобно назвать «More than one» («Больше чем один».)

Я имею в виду, что гипер-опека возникает там, где один ребенок совмещает в себе, в глазах родителей (точнее говоря, в семейной системе), помимо себя самого, еще какую-то «замещаемую» фигуру.

Один из самых простых вариантов – это ребенок, родившийся после одного или нескольких аборт или выкидышей. Такой ребенок «больше чем один», поскольку стоит на месте двух или нескольких таких же, как он. И чем прочнее они забыты, тем больше они «висят» на нем. Ему, с приличной вероятностью, негласно будет приписана их общая ценность (в том числе, и в его собственных глазах).

По той же схеме, ребенок, как будто (пусть даже не фактически, а «как бы») родившийся от любовника, который никак потом в семье не присутствует, может совмещать в себе образ своего отца (или своего «как бы» отца) и потому стать объектом гипер-опеки.

И так далее.

Позже, в главах про Замещение и Идентификацию, мы увидим разнообразие персонажей, которые могут наследоваться ребенком вплоть до сильного отождествления.

Но принципы решения во всех «школах» одинаковы: мы ищем, что в отношении данного ребенка (или его прототипов в Роду) имеет исключительное значение, то есть исключает его из ряда ему подобных.

(Тут с грустью приходится сказать, что во многих семьях на сегодня на поверхности лежит самый простой факт – этот ребенок единственный, братьев-сестер нет. Какое-никакое Г/О на его долю, голову и плечи повалится почти наверняка.)

Обыкновенная история про навязчивую тревожность, любовь и сорок тысяч убитых детей

1

Жила-была мама Наташа, у нее были дочка Света и младший сыночек Витя.

И была у мамы Наташи странная привычка: она все время у себя в голове убивала своих детей. Она часто представляла себе, как деточек давят машины, как они падают с обрыва или с моста, как их кромсают ножами бандиты. Часто она представляла себе не смерть, а тяжелые ранения: как она случайно обливает детей кипящим маслом, как они заболевают тяжелыми болезнями и так далее.

Внимание, вопрос: становились ли Света и Витя здоровее и счастливее от маминых фантазий?

Если в чьей-то голове вас все время режут и убивают – скажет вам любой волшебник – то вам от этого тоже ничего хорошего. И немножко плохо – или даже сильно плохо – в зависимости от того, какой силой магии обладает тот, кто вас режет в своей голове.

Мама Наташа, похоже, сильным магом не была, потому что дети ее росли довольно-таки здоровые и счастливые.

Зато сама мама была немножко болезненной и несчастной.

2

А потом как-то у мамы Наташи появился друг дядя Петя. Хороший такой человек, с усами. Он в нее влюбился. И был дядя Петя немного волшебником. Не так чтобы очень, но немножко. Просто когда он чего-то хотел, то это обычно исполнялось.

Дядя Петя очень захотел, чтобы мама Наташа стала здоровой и красивой. Она ему и так очень нравилась, но он еще хотел, чтобы у нее сияли глаза, румянились щеки и мерцала кожа. Таким вот он был жадным, дядя Петя. Ему было мало влюбиться в симпатичную женщину, он еще хотел, чтобы она вообще стала красавицей.

3

А как это сделать? Вначале, когда дядя Петя и мама Наташа стали дружить, мама немного забыла про детей, и стала про них поменьше гадостей придумывать. Но потом, очень скоро, она спохватилась, что как-то мало детьми занимается. И поехала сочинять

про них вдвое больше. Теперь Витеньку трактор переезжал по пять раз в день, а Светочка то падала в шахту, то ее уносил аист. Мама разгулялась.

Дядя Петя ничего про мамины занятия не знал, но чувствовал, что что-то происходит не то, когда мама задумывается и смотрит в никуда или в стенку. И губы у нее как-то при этом кривятся. Спросил ее раз, спросил другой, а она стесняется, про детские мучения не рассказывает. Как детей в одиночку мучить – это она понимала, а вместе пока ни с кем не умела.

4

А у дяди Пети были необыкновенные друзья, волшебные ягоды смородины. Все-таки он немного был волшебником. Виделся он с ними редко, потому что жили они далеко друг от друга: дядя Петя в городе, а ягоды в лесу. Но иногда, хотя бы пару раз в году, они виделись, иногда просто так, иногда по нужде. И когда они виделись, маленькие смородинки рассказывали дяде Пете всё что угодно, что он хотел знать. Потому что они сами очень много знали, почти что всё на свете.

И вот дядя Петя отправился в далекий лес, чтобы посоветоваться с ягодами про мама Наташу.

Долго ли, коротко, но дошел он до того леса, разыскал своих друзей, сел с ними у маленького лесного костра и задал свой вопрос.

5

«О дядя Петя! - сказал ему старшая смородинка, а остальные дружно закивали. - Вопрос твой хорош, но труден. С одной стороны, конечно, ничего сложного: возлюбленная твоя, когда смотрит в стенку, представляет, как детей ее мучают и убивают. И потому жизнь ей не в радость, даже несмотря на твою любовь, хороших детей и прочие милости. Эти фантазии отнимают у нее жизненный сок, потому что потом, чтобы снять их результаты со своих детей, она берет их на себя. Это грустная история, дядя Петя, и лучше бы тебе в нее даже не вмешиваться. Потому что зачем и почему она это делает – большая загадка, которую и ей-то разгадать трудно, а тебе совсем невозможно».

«А как же можно ей помочь?» - спросил дядя Петя.

«А никак, уважаемый дядя Петя. Такие вещи одни люди за других делать никак не могут. Не хорошо так одному существу глубоко вмешиваться в другое. Ты сам-то маме Наташе не уподобляйся».

«Ну хоть что-нибудь-то можно сделать, милые мои смородинки?»

«Ну, приведи ее сюда! Мы ей тогда покажем правду-маточку!»
На том и порешили.

6

Легко сказать, да трудно сделать. Маму Наташу легче было увезти на ПМЖ в Среднюю Зеландию, чем в лес по смородину. Она была очень городским человеком. Дядя Петя уже и пытаться бросил ее уговаривать. Прошел не то год, не то два. Жизнь как-то вошла в свои берега.

И тут десятилетний Витя поломал ногу. Играл на дворе в футбол, как-то споткнулся, полетел на камни и – боль, кровяца. Его повезли в больницу, а мама Наташа стала плакать-убиваться. Дядя Петя сперва сидел ее утешал, а потом опять чувствует – что-то не то. Уже и из больницы позвонили, что с Витей все нормально, ногу ему прооперировали и наложили гипс. Уже и Света легла спать заплаканная и некормленная. Уже и ночь настала глубокая, всем спать пора, а мама Наташа все плачет, все убивается.

Расстроенный дядя Петя подсел к ней, обнял и говорит: «В чем дело, Наташенька?» И тут услышал странное: «Это я во всем виновата!»

Стал дядя Петя допытываться, а мама Наташа ему плачет, аж захлебывается: «Ведь я это все вчера видела! Как Витенька ногу ломает! Когда в футбол играл!»

И потихонечку рассказала ему, как ей картинки детских мучений и смертей все время в голову лезут. И что до сегодняшнего дня они вроде бы не исполнялись, а сегодня – вот, исполнилось! И теперь она чувствует, что это она виновата в травме Вити.

«Ого, подруга», - обнял ее дядя Петя, - «Так ты далеко зайдешь. А во второй мировой войне ты не виновата?»

И рассказал ей, что говорили ему смородиновые друзья пару лет назад.

И слово за слово, уговорил поехать за помощью в далекий лес.
Конечно, когда Витя поправится.

7

Маме Наташе было страшно. Уже тем утром, когда они поехали в лес, еще до автобуса и электрички, ей было страшно и липко во рту, а потом все сильнее. Долго они добирались, долго искали смородину, и только к ночи расположились у костра. Тихо горел костер, тихо сидели люди, окруженные волшебными ягодами со всех сторон. Чем-то,

наверное, мама Наташа была им интересна, потому что собралось к костру их великое множество.

Запинаясь, мама Наташа рассказала о том, что уже много лет у нее в голове погибают ее дети, что она не знает, почему это происходит, и что она хочет от этого избавиться.

Настала тишина.

«Женщина, - сказала одна смородинка, – мы можем тебе показать разные пути, откуда могли взяться твои видения. Нам это легко. Тебе же, скорее всего, будет трудно. Но, извини, уж прими как оно есть. Все, что ты здесь сейчас увидишь и услышишь, взято у тебя из головы».

8

И первое, что увидела мама Наташа, было поле мертвых детей. Мальчики и девочки лежали вповалку на бесконечном поле, и все девочки был как ее дочка – только разного возраста – а все мальчики были ее сыном. С этой картиной все было понятно: здесь валялись все ее фантазии про детей, только не по одной, как она их сочиняла, а все сразу. И было там – так ей показалось – сорок тысяч детей.

Мама Наташа пошла через поле, и постепенно мертвые дети становились все младше, и поэтому она поняла, что движется назад по времени. И когда дети стали попадаться совсем редко, пустое поле заполнилось кустами, которые становились все выше и скрыли весь остальной мир. За кустами, на маленькой поляне, стояла огромная женщина. Возле нее тоже лежали дети, и она то и дело хватала одного из них и отправляла в рот. Просто так хватала и съедала. Мама Наташа окаменела от ужаса, и этот ужас уловила «Большая Мать». Она повернулась и сказала: «Ну да, ем. А что? Я породила, я могу и убить. Почему нет?»

У мамы Наташи все закружилось перед глазами от этой жуткой логики. «Я породила, я могу и убить...» Действительно, почему нет? Один слабый голосок говорил где-то внутри: «Не ты породила!», но мама Наташа тогда еще не знала, что не мать рождает ребенка, но он проходит через нее, как через пустоту. Другая мысль ее была: «А где же отец?»

9

И тут появился отец. Отца своих детей мама Наташа когда-то, конечно, любила, но уже давно и сильно ненавидела. Он обхватил ее своим взглядом, крепким, как клещи, и она в ответ загорелась своей прочной, испытанной и родной ненавистью. В жизни она бы принялась

смирять себя, стыдиться и ломаться, но тут она ненавидела страстно и прямолинейно. Мужчина, казалось, ничуть не смущался ее чувствами. Он смотрел мимо нее за ее спину; она обернулась и увидела, что оттуда шли их общие дети. Отец звал их и им улыбался; он, этот подонок, звал их к себе! Мама Наташа как будто выросла и с огромной удесытеренной силой схватила своих детей руками и притянула к себе. Они были какие-то мягкие и хилые, потому что от ее хватки принялись ломаться прямо в руках, как куклы из спичек или папье-маше.

Стоявшая неподалеку «Большая Мать» кивнула: «Можно и так. Убей его детей, раз не можешь убить его самого!»

10

Все исчезло. Мама Наташа пошла неизвестно куда, и кусты в ее глазах сменились деревьями, огромными дубами. В дубах были дупла, а там жили очень легкие, почти бестелесные сущности, которые летали по воздуху, мягкими сгустками перенося себя то вокруг стволов, то вовнутрь.

«Лучше бы тебе, мама Наташа, не знать, кто это такие», - говорил какой-то внутренний голос.

«А кто?» - бездумно спросила она.

«Дети твоих аборт», - так же мягко произнес голос.

Это могло бы быть ужасом, но почему-то было мягкой и тихой картиной. Души их летали как пчелы по теплому лесу, и их нежные полеты сливались с игрой света и теней под кронами деревьев.

«Но как же они относятся к моим детям? К моим живым детям?» - вдруг подумала Наташа.

«А точно так же, как ты к ним, - сказал мягкий голос. – Если ты их любишь, то и они тебя любят. И твоих детей. А если ты их не любишь – ну, тогда извини!»

«Да как же я могу их любить?» - хотела спросить мама Наташа, но слова будто застряли в горле. Ответ был очевиден: если она «да как же», то они – тем более «да как же...»

11

И последним, самым чудесным видением одарили ее волшебные ягоды. Она оказалась в пустыне перед какой-то простой вещью. Может быть, это был стул, или дорожная палка, или глиняный горшок. Мама Наташа посмотрела на эту вещь, увидела что-то простое и неинтересное, и отвернулась. Но вокруг была пустыня, причем не какая-нибудь песчаная географическая, а вообще-пустыня, пустое

место, ни-че-го. Все, что было настоящего – это был этот дурацкий простой предмет перед ней. Волей-неволей Наташа опять посмотрела на него. Вот была она – и он.

И все, что могло произойти, могло произойти только между ними. Если только... И Наташа, поняв маленькую часть урока, посмотрела на этот стул-горшок из сердца, с любовью. И вот тогда он заиграл всякими красками и стал удивительно красивым. И ей стало очень хорошо вместе с ним. Она смотрела – а он ей так нравился!

И чтобы затвердить урок, она уменьшила поток из сердца и посмотрела на него по-старому, как на ерундовую дрянь. И опять оказалась в серой, унылой и неинтересной пустыне.

«Ты мой милый...» - она подошла к черт-те-чему, погладила его, потому что урок закончился, и через несколько мгновений сцена сменилась...

12

...и мама Наташа вернулась в «долину битых детей».

К первому попавшемуся ребенку она подошла. Постояла, вздохнула. «Ты прости меня, милый» - сказала она. – «Я сама не знала... Я... больше не буду».

Ребенок лежал, она присела рядом с ним. «Я и сама на Земле ненадолго. Потом уйду в такую же долину...»

Ребенок не отвечал.

Мама Наташа встала, обвела взглядом мертвую долину. «Какие же вы все... неживые! Скучно мне с вами! Пойду-ка я к живым своим детям!»

Взяла мокрую тряпку и стерла всю картинку.

И оказалась у костра рядом с дядей Петей и толпой волшебных ягод.

«Спасибо вам, милые, - поклонилась Наташа. – Помогли мне, научили уму-разуму!»

Смородины засмеялись. Засмеялся и дядя Петя, который казался маме Наташе в это время одной из волшебных ягод, только самым родной и лучшей.

13

Если маме Наташе с тех пор случалось развести у себя в голове кровавые фантазии, то как только она это замечала, она вдыхала любовь в маленькую порожденную тень своего ребенка, а потом абортировала его из своей головы. И если ей приходилось с этим

трудно, то у нее хватало смелости кинуть взгляд на «Большую Мать» и перемигнуться с ней: «Ну что, схаваем ребеночка?» И тихонько сразу же представить своих детей (всех троих, с тем, который родился от дяди Пети) и так же тихо, но уверенно им подмигнуть: не бойтесь, я своих не выдам!

Обида на родителей

Обязательна. (На этом главу можно бы и закончить, но не солидно.) Родители изначально занимают нишу ответственности за всё, за «усё ватце», и там никогда не может быть полного порядка, и ответственны за это по базовой детской схеме именно они. Или болит живот, или не покупают игрушек, или нет столько родственников, как у соседа, и так далее бесконечно. Я хочу подчеркнуть: бесконечно. Родители виноваты бесконечно, их никто не просил нас рожать в этот дерьмовый мир. Их вина неизбежна, и любая обида на них адекватна. Я плохо умею их любить? – так это они меня плохо этому научили. Замкнутый круг, двойная связка, логика отдыхает. Бушуют эмоции.

Если говорить про потоки любви, то в этом сюжете (Обиды-на-Родителей) плохо то, что этот поток оказывается сильно засорен. А по этому потоку, от родителей к детям, идет основной поток любви и заботы, доступный нормальному человеку в обычной жизни. Одна из самых обычных историй, которые я наблюдаю в жизни своей, своих друзей и пациентов (и я прямо вижу, как друзья обижаются: ты за кого нас считаешь?) – это история про перекрывание этого потока. Кто во время подростковых бунтов, кто в страхе поглощения семейными невротами, кто защищая свой личный «божий дар», кто играя с одним родителем против другого – но очень и очень многие из нас переживают этот сюжет нарушения связи с родителями, обиды на них за это, увеличения разрыва из-за этих обид, увеличения обид из-за этих разрывов и так далее, почти без конца, и переписывание этой вины на себя после родительской смерти вместе с прочим наследством – то есть как бы переоформление обиды на себя, уже практически вечной, до собственного конца данной реинкарнации.

Психотерапия предлагает несколько сюжетов для работы с О-н-Р. Один из них называется «добро пожаловаться». Люди собираются в группы или остаются наедине с психотерапевтом и выливают обиды на родителей часами. Днями. Неделями. Я не очень разбираюсь в долговременном анализе, но представляю себе, что и годы на такую

работу вполне кладутся. Психотерапевт, который сам «от бабушки ушел» (то есть, как говорится на фене, «невроз фиксации и отделения не полностью проработал»), слушает с пониманием, либо и сам масла в огонь подливает. Людям есть о чем поговорить, они понимают друг друга, от взаимной приязни даже временами забывая о родителях. Гады они, конечно, ну и хрен с ними. В этом «хрен с ними» - определенное исцеление. Осознавание проблематики, выбрасывание отрицательных эмоций – все это может вполне помочь человеку.

Я не хочу заниматься критикой и сатирой, я хочу поставить проблему в общем виде: какое может быть продолжение этого крайне распространенного сюжета? Лучшее из возможных продолжений мы и назовем «психотерапией». Вот родители, вот ребенок, вот его обида на них – и что там дальше в сказке? Я набросал эскизы двух продолжений: 1) «обычного», где дальше то же самое, «и от судеб защиты нет», и 2) «обидо-поддерживающего», который много раз видел и через который сам проходил. Разные формы психотерапии делают это.

Сюжет номер три, известный мне, предлагается (или навязывается, это уж кому как угодно) церковью. «Почитай отца и мать своих» - это из Десяти Заповедей. По такому сюжету «ропот» против воли родителей – есть грех, и соответственно, должен быть проведен через следующие процедуры: осознание, покаяние, возможная епитимия (то есть усиленное выполнение компенсирующих «богоугодных» дел) и очищение, приобретенное в смирении.

Бежит ручей любви, а обиды – как камни по дороге этого ручья. Вода, конечно, все обтечет, но если камней много, то может получиться запруда, например, и вода может цвести в ней и тухнуть. А может даже уходить под камни – я видел такие ручьи в горах Нью Мексико: идешь-идешь вдоль ручья, а потом он как будто уходит под землю. Если слишком много всего навалено на пути этой самой любви, то ведь и не напьешься, все уйдет в трещинки и разрывы. Увы-увы, ты даже можешь быть тысячу раз прав, но питаться тебе придется этой самой правотой, а это уже не сравнишь ни с водой, ни с теплом – пища жесткая и малопитательная. «Жил-был человек, который был прав во всем...» - ну-ка, продолжите сказку! И попробуйте вывести ее к счастливому концу – навряд ли у вас это получится! Человек, который очень сильно очень во многом прав – это обычно герой очень грустной сказки. Чаще всего он там строит дом из этой правоты, и стены в этом доме очень крепкие, и никто не хочет в этот дом к нему заходить. Жена его Правота готовит на завтрак теории, на обед постулаты, а на ужин –

чувство морального превосходства. Одиночество, язва и Ницше – это в лучшем, интеллигентном, случае. И когда он умрет, никому не нужный, то его Правоту выкинут на мусорку вместе с его носками, и никому она так никогда и не принесет ни счастья, ни тепла, ни помудрения.

Берт Хеллингер и его последователи проводят ритуал исцеления О-н-Р так: человек становится на колени перед фигурами своих родителей (обычно, актеров-заместителей), лбом в землю, вытянутые руки ладонями вверх. Можно лечь на брюхо в той же позе смирения. Говорятся формулы-заклинания типа: «Ты мой отец, я твой ребенок. Ты большой, я маленький. Ты даешь, я беру...» и так далее.

Эти вытянутые ладошки вроде означают открытость, но они же для взгляда со стороны (и я, как говорится, там был) похожи на ладони, вытянутые за подающим. И в этом я вижу базовую правду, из основных Родовых Порядков: забота идет сверху вниз, от старших к младшим, а уравнивающим потоком снизу вверх является, можно сказать, та самая правота. Можно сказать – почтение. Или – уважение. Поймите это на смысловом уровне, чтобы нам вместе не путаться в словах.

Любовь идет потоком в обе стороны, но есть два «но». Забота идет «сверху вниз» (от тех членов Рода, которые вошли в него раньше, к тем, кто пришел позже) прежде всего потому, что это адекватно: у старших больше ресурсов. «Так природа захотела, почему ненашедело...» Младшие пользуются ресурсами под залог двух вещей. Во-первых, под залог того, что позже они передадут эти ресурсы дальше по линии. Но это расплата отсроченная, кредитная. А непосредственной расплатой является, по такой сказке, то самое почтение-уважение-подчинение. В принципе, это примерно та же самая «правота», которую в недавней сказке про Ницше, одиночество и язву, герой оставлял для собственного употребления.

Старшие кормят младших, а младшие их слушаются – вот так. Нарушение этой формулы ведет к падению нравов, пьянству, проституции и приготовлению яичницы на маргарине. (Можно назвать это формулой «четырех страшных П».) (Можно заменить и одним «П», но это будет уж слишком неприлично.)

Живы родители или нет, умные они или наоборот, бросали они детей в детстве или кормили молоком до шестнадцати – это все имеет сугубо второстепенное значение по сравнению с этим основным Законом Семейной Динамики. Все родители хреновые и неполноценные, у кого они люди (хотя я так понимаю, что и у детей

богов были свои проблемы). Но мы, которые сами хреновые и неполноценные, хотим себе, тем не менее (в смысле, именно поэтому) любви и заботы. А основной поток этой валюты идет из глубин Рода, и непосредственными его, ближайшими проводниками являются папа и мама. Увы и аминь.

(Я прямо вижу, как на этой каторге, которую мы все называем жизнью, меня взяли в теплое местечко писать транспаранты, как когда-то в армии. И я сейчас, старательно так, высунув кончик языка, вывожу где-то в уголочке, типа задворок столовой: «Граждане! Не громоздите обид! Их вам же придется разбирать!»)

Вот так. Кафка сдохла, хвост облез. С каждой прощенной обидой.

3. Общие вопросы семейной структуры

Функции поддержания стабильности семьи и Рода

У «маленькой» семьи, можно сказать, есть начало, середина и конец, или, можно сказать, становление, продолжение и умирание. Это может быть: встреча «центральной» пары, их свадьба, потом рождение и выращивание детей, и распад пары из-за развода или смерти кого-то из партнеров. У Рода, фактически, мы не можем указать начало, оно для нас неведомо. Поэтому же мы почти никогда не можем указать его конец – поскольку границы Рода редко кому известны наверняка. Так что единственная доступная для нашего наблюдения фаза – это средняя, та, которая «продолжение» и «поддержание».

Род, безусловно, заинтересован в рождении детей, но это далеко не единственное его «желание». Его нормальным импульсом будет являться поддержание своей целостности и структуры (если мы сравним Род с живым деревом, как это и принято в мифологиях, то легко будет понять эти метафоры: дерево не только распускает ветки, но и поддерживает их связь и целостность).

В этой главе я хотел бы указать на основные способы такого поддержания. Это не совсем описание сюжетов, но скорее название главных действующих сил, из-за и из которых эти сюжеты складываются. Это: любовь, принадлежность, вина. Я колеблюсь, вписать ли в этот список уважение. Для меня оно отличается от первых

трех большей «поверхностью», делом скорее личности, а не Рода. Ну, посмотрим.

Любовь легче всего сравнить с соком этого Родового дерева. Он струится сам по себе, от корней к почкам и обратно. Любовь является естественным и природным чувством между близкими людьми. (Бывает такой страх у тех, кто собирается стать родителями – что не будут любить собственного ребенка; вот этот страх – прямая функция каких-то аналогичных расстройств в системе Рода из прошлого, а к новому ребенку обычно отношения не имеет. Нормальный человек любит своего ребенка так же автоматически и бездумно, как свое тело, воздух, воду и золото. На «деревянной» метафоре это можно увидеть вот как: если выбивается новый побег, то фактически нет шансов, что между местом его появления и его растущим кончиком не будет идти сок; но вполне может быть, что сок с трудом течет между побегообразующим местом и стволом с корнями – например, если перед этой веткой есть рана.)

Итак, любовь течет, и про нее трудно сказать еще нечто сюжетное. Конечно, она изменяет свои течения, опять-таки, как древесный сок. И по временам года; и подводя больше сока к разным частям дерева в разные фазы развития (весной больше к почкам, летом больше к растущим плодам, осенью больше к корням). Кроме того, очень значимая часть любви – это то, что помогает семьям объединяться друг с другом. То есть этот сок течет не только внутри, так Род выжить не может; в каких-то точках он должен «пробивать» наружу. Впрочем, в здоровом варианте он надеется эти места соприкосновения с другим Родом вскоре включить в себя (и это, конечно, место для очень интересных сюжетов!), так что это как бы «временное наружу».

Любовь течет, и большинство основных «печальных» сюжетов семьи связано с нарушением этого течения.

Но любовь не может являться единственным объединяющим началом. Последний раз я вспомню про сок: он не может течь в нигде, ему нужна структура, трубочки, давление. Дерево, в котором эта структура нарушена, может умереть при полном обилии сока. Если все же уже отвлечься от этой древесной метафоры (хотя ее глубина меня завораживает), то про любовь мы можем сказать, что она обладает важным свойством: она непостоянна. Она вдруг возникает и вдруг куда-то девается. Дети могут забыть о родителях на годы, молодожены и зрелые супруги могут тайно любить других, и не так уж редко любовь между двумя людьми превращается в свою противоположность, ненависть. И так далее с подобным. На одном

таком материале трудно было бы построить что-то крепкое и долговечное.

Так что должны быть еще какие-то факторы, поддерживающие целостность семьи (не забывайте, что это сказка, но сказка вполне серьезная).

Я попробую сейчас сменить метафорический ряд, чтобы показать, что я имею в виду. Давайте представим себе безличную физическую систему: некие частицы, объединенные в некую достаточно стабильную систему. Какие факторы должны существовать, чтобы система была стабильной? По минимуму я бы назвал такие: сила притяжения между частицами (или притяжения частиц к одному и тому же телу по центру), граница системы (за которой система уже не существует) и почти наверняка третий фактор – нечто вроде «обратной связи», силы, которая возвращала бы частицу внутрь системы, если у той появляется риск из системы выйти.

Так вот, любовь прекрасно работает как «материальный носитель» функции притяжения частиц друг к другу. Все мы хотим жить поближе к тем, кого любим. Поскольку любовь не постоянна, а сила желательна чтобы была постабильнее, роль «мат/носителя» притяжения может играть, например, уважение. Или почтение. Или послушание. Все это с функционально-системной точки зрения примерно про одно и то же: создание притяжения между людьми, чтобы они были объединены в систему семьи и Рода. Уважение и иже с ним – они послабее, чем любовь, но постабильнее.

(И есть, как мне кажется, еще один фактор, вполне видимый в такой модели: частицы не должны «слипнуться» друг с другом в единый комок. И роль вот этой функции, которая противодействует слипанию, прежде всего играет запрет на инцест – также совершенно универсальный атрибут семейственности по всей Земле, не надо рассказывать мне о редких и отдельных исключениях.)

Дальше – что может работать в качестве «границы». Ясно: это «принадлежность». Есть сила, которая говорит человеку: существует определенное сообщество, где ты свой. Любишь, не любишь, это второстепенно, но ты свой. Во всем остальном мире ты – чужак, а тут – свой. Классическая сказка про два мира: «своих» и «чужих». И это очень сильная сказка на совершенно разных уровнях человеческой жизни. «Свои» делятся ресурсами друг с другом, а «чужие» – нет (ну, в значимых количествах, в случае семьи). Так что эту принадлежность можно вещественно представить себе как значок на пиджаке, а можно

как склад (тех самых ресурсов), а лучше так: как значок, который дает право входа на такой вот склад, дабы приносить и забирать.

Но эти ресурсы – совсем не только и даже не столько материального толка. (Хотя мат/ресурсы очень сильно подчинены именно этой схеме.) Если бы дело ограничивалось мат/ресурсами, эгоизм мог бы из этой схемы легко уйти, накопив их достаточное количество где-то на стороне. В этих ресурсах – любовь, признание, понимание, уважение и прочие прекрасные вещи, чуть ли не сам Смысл Жизни или во всяком случае важные компоненты этого таинственного алхимического напитка.

И, наконец, если дела идут плохо, и ресурсы сильно расходуются, так что их кому-то не хватает (а при нашей общечеловеческой жадности это ситуация практически постоянная), или если кто-то из членов системы близок к тому, чтобы из нее выйти, или уже выходит, начинает работать система, препятствующая покиданию системы. И она работает аналогично закону Бернулли: чем больше риск выхода из системы, тем сильнее центростремительная сила, обратно в систему заталкивающая.

Мы можем назвать эту силу виной или совестью, и в данном случае их функциональность едина: они «загораются» как лампочки, когда человек рискует выйти из своего Рода. И чем больше он рискует, тем сильнее загораются эти лампочки. Фактически, чувство вины при таком системном рассмотрении является персонажем сказки, где герою грозит изгнание из родного леса. А грозит оно ему, если он нарушает законы этого леса. А чувство вины – его друг, суслик такой или белочка, которая ему объясняет: товарищ, ты рискуешь. Нет, не белочка, это такой дятел, он ему прямо в голову долбит, товарищ-то глуховатый.

Причем я хочу подчеркнуть, что это не «общечеловеческие», а именно родовые законы про совесть и вину. Общечеловеческая совесть – модель скорее поэтов и идеалистов. Во многих семьях убийство «не своих» вполне ОК, а часто и доблесть, и всю человеческую историю так было и остается. Вот если в родовых законах предписано убийство, а человек этого не делает (например, не идет в армию во время всеобщего военного призыва), вот тут Род будет мучить его чувством вины. За нарушение «общечеловеческих» ценностей – какая кара? Ну, только смерть, как еще можно покинуть общество людей? А за нарушение родовых ценностей – лишение чувства принадлежности и потока любви (навсегда уйдешь к «чужим», и еще детей своих утянешь). Гораздо конкретнее и ошутимее.

При таком подходе чувство вины – это не личное дело, это функция жизнеобеспечения семьи, один из мощнейших факторов ее объединения и целостности.

(Я аж ежусь, насколько это должно не понравиться многим из любезных моих читателей).

Вина в товарно-денежном эквиваленте

Вина вообще – очень интересный товар, магический по характеру и убийственно сильный в реальности. С нею, как и с деньгами, операции проводятся по совершенно разным правилам в зависимости от количества: малую вину обслуживает одна логика, большую – другая.

Чувство вины с точки зрения системы Рода – это долг перед «общаком» за забранные ресурсы. Если я родился и вырос, то мой долг не так чтобы очень велик, и когда я рожаю своего ребенка и довожу его «до кондиции», то этот долг в основном выплачен, и чувство вины меня терзать не будет. Если я что-то нарушил по ходу жизни, то существует риск вырастания долга. Если я делаю аборт, я забираю у Рода душу, и долг растет. Пять аборт – долг растет. Если я «получил жизнь» за счет жизни кого-то из Рода – долг растет. Например, если моя мама получила серьезные травмы при моих родах. Или если отец воровал, чтобы меня содержать, и его посадили. Или если я девочка, в мои полгода мама забеременела мальчиком и сделала аборт, а больше мальчика никогда не родила.

(Я знаю, что с точки зрения «нормальной» логики в этих случаях никакой личной вины быть не должно, и многие даже психотерапевты вам скажут, что и говорить тут не о чем – «это уж вы, батенька, напридумывали». Как (мне недавно рассказывали) с точки зрения этикета существует икота и как с ней обращаться, есть кашель и как с ним обращаться, есть речь – и про нее много всего надо понимать – а больше никаких звуков от человеческого организма не предусмотрено, и их, с точки зрения этикета, нет. Почувствуйте: просто нет, и делать по их поводу ничего не надо. Так и с чувством вины: с точки зрения здравого смысла и индивидуальности ее может не быть, но вот только человек слишком часто значительную часть жизни проводит в состоянии, когда вина есть, а вот здравым смыслом не пахнет. Силы у них при прямом противоборстве сильно не равны.)

Итак, когда человек из «общака» берет немного, то и вина не сильно велика, и долг может быть нормально выплачен. Говоря этим банковско-бандитским языком, проценты сильно не нарастают. Семья в определенном смысле и представляет из себя такую буферную систему или такой как бы очень богатый банк, из которого можно много брать, куда можно много класть, и не беспокоиться, что вклады пропадут, или что кредиты надо отдавать немедленно. Взятые у одних могут быть отданы другим (например, их детям), десять лет – не большой срок, и так далее. Это при «нормальных» раскладах, пока задействованных ресурсов не очень много.

Но если тобою взято много, или если ты многое из семейных потерь взял на себя, или если на тебя «повесили» многое (все это, как ни странно, де факто синонимы), то чувство вины может становиться большим, и тогда проценты набегает такие, что расплатиться возможности нет. Или, во всяком случае, так кажется участникам этой веселой игры. Цена смертей очень высока, конечно; и если у тебя нет полного алиби, что в смерти человека из своей семьи ты никак не виновен (а очень часто этого алиби нет и быть не может), то ты можешь отхватить большой кусок вины.

Вина и любовь, похоже, выполняют похожие функции противоположными способами. Чем в семье больше любви, тем менее там нужна вина; и наоборот.

Общая ответственность

В этой схеме надо прописать еще одну переменную, как бы характеристику физического поля: в Роду существует Общая Ответственность. Ее никто не хочет, но ее все несут.

Ответственность, по идее – нечто вроде кармы, это универсальный принцип взаимосвязанности событий. Это принцип, по которому любое движение вызывает некий ответ – и это, конечно, слышно в корне слова «ответственность» - ты отвечаешь, мир отвечает.

Личная ответственность каждого из нас – это переменная постоянная и неудалимая. Сожрал не то – отравился, посмотрел не туда – загрузился, сказал начальнику не вовремя комплимент – он в тебя влюбился. Это понятно.

Общая ответственность предусматривает, что важные для тебя последствия несут не только твои поступки, но и поступки

окружающих людей. Ты вел машину правильно, а врезался в тебя кто-то неправый – но последствия аварии настолько же твои. В этом смысле у ответственности воистину нет границ, и сеть небесной кармы бесконечна.

Но. Имеет смысл говорить о поле повышенной ответственности. По аналогии с электромагнитным полем: оно тоже, в принципе, бесконечно, но на большом расстоянии от источника становится настолько слабым, что им можно практически пренебречь. Так и тут: существует определенное поле, в котором отдельные частицы (люди) настолько близки друг к другу, что поведение одних сильно влияет на других. Вот одно из самых сильных таких полей и называется семьей или Родом.

Я не виноват, что меня родили, что мой прадедушка был алкоголиком, а у моего сына плохие зубы. Но – я несу ответственность за это. Это слишком касается меня, моих чувств и силовых линий моей жизни. Я не виноват ни сном ни духом в абортах, которые делала моя мама, в ранении моего деда на войне, в огромном количестве вранья, в котором участвовали мои предки-коммунисты. Но я несу ответственность за это, потому что я – частица в общем поле. Не учитывать этих влияний (а я привел совсем не самые важные) не возможно. Я отвечаю на эти воздействия ближайшей окружающей среды, на многие из них – всю жизнь отвечаю, и так моей Эге хочется иногда из всего этого выйти, только выйти некуда. Широка ячейка небесной сети, но никто не ускользнет, как элегантно выражались древние китайцы.

Это я, конечно, зарисовал трагический сюжет для продвинутых индивидуальностей. Они-то продвинутые, а связанные с ними их родные – задвинутые. А карму приходится делить. Обидно, понимаешь.

Замещение

Идея замещения мне кажется самой простой из всех понятий о семейной структуре. Кажется, это вполне допускается обычным здравым смыслом. В общем виде она заключается в том, что один член семьи может замещать другого. Вернее сказать, что в семьях могут существовать определенные «функции», роли, которые не должны оставаться вакантными, и если они пустуют, то первый, кто под эту роль походит, должен ее занять. Примеров можно привести множество: например, в семье с умершей молодой матерью ее младшая сестра или

старшая дочь, с очень большой вероятностью, будут стараться заменить ее на благо остальных членов семьи. Это достаточно видимое и сознательное замещение, и оно происходит постоянно, в такой или не в такой драматической форме, потому что в нормальной семье людей обычно больше, чем базовых ролей. Старшие братья и сестры могут «замещать» родителей (для этого вовсе не обязательна родительская смерть) для своих младших, для них тех же родителей могут замещать братья или сестры самих родителей (дяди и тети) – и так далее.

Замещение может играть временный характер, но, тем не менее, вызывать мощные эмоции. Думаю, что эта идея «родовой логики» довольно легко понятна, но я все же расскажу одну не совсем обыкновенную историю, прежде чем разовью эту идею в менее понятные и более спорные области.

Малыш и Карлсон

Один самый обыкновенный мальчик из Стокгольма, который был самым младшим в своей семье, и которого окружающие поэтому так и звали привычно: Малыш! – этот мальчик как-то разговаривал со своей мамой и волновался, а не придется ли ему... «Ну, мама, я же донашиваю за своим братом его рубашки и брюки, и вот его пижаму, и велосипед; а когда он вырастет и женится, то вдруг он умрет, и тогда мне нужно будет жениться на его жене?» Мама успокоила его, сказав, что от жены старшего брата она его избавит (интересно, какие у нее были фантазии при этом? Удавка? Яд?) Не знал Малыш, что у древних (и не очень) евреев все именно так и обстояло: если брат погибал, то другой брал себе (скорее, «на себя») его жену.

Ну, не знал и не знал. Он тогда много чего не знал.

Прошло где-то семнадцать лет... Старший брат Малыша Бесси работал уже полуважным начальником в полиции, а сам Малыш учился на четвертом курсе медицинского факультета. У его старшего брата уже была жена, он уже с ней развелся и теперь охотно и с удовольствием ухаживал за актрисами музыкального театра. Романы его были короткие и красивые, и Малышу напоминали бутылки с вином или шампанским, которые также в изобилии водились у брата. В смысле, пока Малыш рассматривал наклейки на бутылках, они ему нравились гораздо больше, чем когда ему наливали содержимое. Он эти вина друг от дружки почти не различал. Но нельзя не отметить, что ему все это нравилось: и вина, и актрисы, и полусветская болтовня; и он любил бывать у Бесси, хотя с его учебой это получалось не часто.

Наша история начинается с того, что в очередной раз за братским столом восседала Эмилия Карлсон, местная не то чтобы звезда, но около того. Молода, разведена, талантлива и жутко обаятельна. Она пела смешные куплеты, и Малыш застенчиво смеялся. Эмилия с его братом встречались так часто, что она фактически переехала к нему. Еще пару раз Малыш видел ее на вечеринках, а потом, заскочив к брату за какими-то мамиными вещами, застал жуткую ссору. Эмилия рыдала. Брат стоял у окна и колупал пальцем штукатурку. Малыш извинился и выскочил.

Еще через месяц он узнал от своей сестры Бетан, что Карлсон забеременела и тут же рассталась с Бесси. Это было не совсем понятно, тем более что оказалось, что она мечтала родить ребенка, у нее всю жизнь не получалось, а теперь вот получилось, но с «этой сволочью» она жить не хочет, вроде он ей не дает спокойно носить, а у нее угрозы выкидыша, так что она хочет рожать сама. «Куда же она ушла?» - подумал Малыш. И отправился к брату. Тот попросил его помочь перевезти мебель на квартиру, которую он снял для Эммы. Малышу только того и надо было.

Они привезли мебель, долго затаскивали пузатый шкаф. Эмма была уже опять весела и обаятельна – ну, не с Бесси, в сторону которого она вообще не смотрела, так, что-то заносит в квартиру мебель, а... ну, получается, с самим Малышом. Она даже пригласила его на свой спектакль, последний в сезоне. Малыш с удовольствием сходил, принес ей цветы, с трепетом отнес их за кулисы, был восхищен спектаклем, поцеловал Эмме руку... Еще пару раз за следующий месяц он был на ее дне рождения и еще на каком-то празднике, а потом почти забыл все это за суровыми выпускными экзаменами, следом за которыми он отправился на практику.

В конце лета Эмма родила.

Бесси ездил к ней в роддом, заполнил все бумаги как отец ребенка, но Эмма была непреклонна, и ребенок получил фамилию Карлсон, и они продолжили теперь уже вдвоем жить в той квартире под самой крышей, куда Малыш затаскивал шкаф. По-прежнему оплачивал съем квартиры Бесси, который, наверное, столько же раз смотрел на младенца, сколько привозил туда оплаченные счета и полную машину продуктов и памперсов.

Теперь: никто в этой истории так и не смог вспомнить, по какому поводу Малыш попал в эту квартиру осенью. Повод наверняка был, не мог же он просто так заявиться в почти незнакомый дом. Эмма сидела одна, ребенок спал, и они целый вечер болтали о всякой всячине

(бьюсь об заклад, темы тех разговоров тоже никто не смог бы вспомнить). Потом Малыш заглянул еще; потом еще. На третий раз он остался ночевать, и ночью они с Эммой переспали. Когда утром она стала спрашивать его: «Как же так?», он ответил ей: «Спокойствие, только спокойствие!»

Малыш и правда был спокоен на удивление. Общежитие у него закончилось, жить с родителями ему не нравилось, и через пару недель он стал бывать «под крышей» так часто, что фактически туда переселился. Им с Эммой было хорошо. К тому же – как стало ясно через месяц – Эмма страстно хотела вернуться в театр, на репетиции и спектакли. А кому же тогда сидеть с ребенком? Малыш отважно взял это на себя. Как-то он так удачно устроился с интернатурой, что вторая половина дня у него почти всегда была свободной. Он почти не зарабатывал, но ведь и жил на всем готовом. Малыш брал машину брата и отправлялся на рынок также на его деньги. Бесси таким образом стало легче и с дурацкими закупками (он всегда покупал не то), и со свиданиями с Эммой, которые были ему обычно очень неприятны.

А какой чудесный был маленький Карлсон! Он выезжал на прогулку важно, как маленький лорд, и Малыш проходил по парку мимо молоденьких мамаш, которые смотрели на него с восхищением, мимо кленов, которые быстро облетели в том году, и бережно баюкал дитя. Свое – не свое – его тогда это не очень волновало. Свое!

Малыш вообще тогда стал быстро взрослеть и умнеть. За осень и зиму он разобрался со своей профессией, и неожиданно для всех весной получил очень лестное приглашение аспирантуры в Швейцарии. От такого не отказываются – это все понимали. Он очень звал Эмму с собой, и она вроде бы даже задумалась, и стала болтать, что театр давно ей в тягость... но, в общем, в июне Малыш туда поехал один. Эмма с малышом должны были подъехать к осени; да только никто никуда так и не поехал. Вот это была, пожалуй, самая грустная страничка этой истории для Малыша – когда осенью он примчался в Стокгольм, а Эмилия уже встречалась с новым своим будущим мужем.

Ворота захлопнулись.

Грустный-прегрустный, Малыш пришел в родительский дом, где вся семья собралась отмечать его приезд. Он чувствовал себя маленьким-маленьким. Мама, папа, сестра и брат сидели за столом, и Малыш тоже сел. «А помните, как Малыш рассказывал нам про своего друга с моторчиком и пропеллером?» - спросила сестра. Все засмеялись, а Малыш вначале чуть не заплакал, как тогда, в детстве,

когда ему никто не верил. «Но, Малыш, - сказала мама, - заметив это, - мы же все тебя очень любим». Малыш поднял глаза и огляделся. Это было очевидной правдой. Весь вечер, пока Малыш рассказывал о своей жизни в Швейцарии, брат подкладывал ему на тарелку лучшие кусочки, и к ночи изрядно захмелевший Малыш понял, что все нормально, все довольны, он своей семье послужил, и служба на сегодня кончилась.

А Эмилия вышла замуж за хорошего знакомого их мамы (так мама, получается, сдержала свое обещание!), прожила с ним много лет, родила еще двух детей, и в следующий раз доктор Свентесон видел своего давнего воспитанника только на его шестнадцатилетии, да и то мельком.

Домашние слишком любимцы

Если вы видели собачек в попонках, или, скажем, собаководных монстров на сверх-изысканных диетах... Нет, плохое начало, от которого сразу могут обозначиться два людских лагеря, и одни других не понимают. В одном те, которые любят своих собачек или кошечек (ну, с зоологическими вариациями) и балуют их с удовольствием, не взирая на материальные затраты или запах экскрементов на всю квартиру, а в другом те, которые испытывают рядом с этим (или даже со стороны) – какое-то явное непонимание, и даже раздражение, и даже крутизной пальца у виска.

Как-то даже неудобно – ведь это же вроде любовь, а любовь, по идее, всегда хороша, всегда греет. В принципе, какая разница, к кому любовь. Но поди убери это явное чувство неадекватности и неприятия. Сами по себе эти собачки для внешнего (невлюбленного) взгляда не так уж и противны. То есть воробей на ветке мне, например, как соучастник в природе, симпатичнее, но эти собачки тоже живые, такие себе, вихлястые... На детей-дебилов они иногда похожи, такие симпатичные и немножко жалкие. Верещат и тявкают. Да, вот если отстраниться от раздражения, то, пожалуй, явно ощутимой становится именно жалость.

Наверное, самая обычная ревность мучает тех, кто не любит подобных чужих животных. Или, кстати, не совсем чужих. Вот есть у меня знакомая, которая живет с мужем и ребенком в маленькой пристройке, а в большом основном доме, принадлежащем свекрови, живут десять кошек. Сама свекровь там не живет, у нее отдельная квартира, а кошки живут. И моя знакомая явно ревнует к тем кошкам,

ощущая свою семью более ценной. Ан нет! Кошечки-то любимее оказываются. Вот и ревность, гнусная, бестолковая ревность.

Даже и когда не лично твою жилплощадь и душевное тепло забирают подобные четвероногие, все равно это гаденькое чувство ревности нередко колет в разные места. Ревнует человек к брату своему, что то, что должно принадлежать ему или такому же как он, из своего человеческого рода (вот эта самая жилплощадь или то самое душевное тепло, в которое все, в конце концов, упирается), достается кому-то не своему, не человеческому, попросту зверю. Чувствует он нарушение порядка, какой-то предательский отток любви в сторону, утечку драгоценного эликсира.

Хочется, чтобы в оркестре моем слышались драматические нотки. Вот в доме, где умер пес, безутешная хозяйка обращается к сыну: «Почему умер он, а не ты?», а затем к невестке: «Ну, теперь ты должна родить мне ребеночка!» Думаете, выдумываю? Ах, если бы! Думаете, это уже перегиб? Вязаные попонки – ок, спецрацион из спецмагазина – ок, а здесь – слишком? У любви, граждане, не бывает границ, и справедливость – это тоже словечко не из любовного словаря.

Если я выскажу идею, что «чутьочку чересчур любимые» домашние любимцы играют в большинстве таких спектаклей роль детей, это, надеюсь, не будет звучать странно и вызывающе, ведь так? Наоборот, тривиальность. «Цыпочки», «лапочки», «масики», которым разрешено (нередко) гадить где угодно, чьим (не таким уж академическим обычно) умом подчеркнуто восхищаются, которых бесконечно гладят и ласкают и все такое прочее – слишком похожи на исполнителей роли «маленький ребенок» в спектакле «родительская забота». И платят они в ответ точно тем же, чем и дети – просто своим существованием, которое радует глаза и сердце. (Борзые, которых на дворянских псарнях кормили лучше, чем ухаживающих за ними крепостных крестьян, использовались на охоте. А большинство нынешних городских – ну никак не используются вроде бы, кроме такой эмоциональной подпитки хозяев.)

Да, это дети, но что это за дети?

Кажется, я видел два основных варианта подобных сюжетов – либо такие любовные чучела живут у бездетных, либо у давно-детных, у которых детей рядом нет. Это, я думаю, вы все наблюдали, это тоже тривиально. И тем, и другим дети, получают, нужны, их не хватает. Берется кошечка или собачка и помещается в эту нишу. Такая несложная магия, называемая «замещение». Следуя подобной

первобытной логике, вместо Исаака принесли в жертву ягненка, вместо Ифигении – лань. Там, где раньше обходились человеческими детьми (в нормальных многолюдных семьях), стали использовать животных. Тут, наверное, работает такой принцип: «На безрыбье и рак – колбаса».

Но если чуть-чуть подтолкнуть эту логику замещения дальше и спросить: «А каких же детей могут заменять четвероножки?», то первый возможный ответ: любых, детей вообще, которых хочется и которых нет. Нормальный ответ, ничего не имею против.

Второй возможный ответ: конкретных, вполне реальных детей, которые не живут в этой семье. Например, сами смылись. Или которых по каким-то причинам отставили в сторону, отослали бабушкам, забыли в предыдущем браке – да мало ли как. Возьмите по такой логике многовариантную сказку про несчастную падчерицу, которую мачеха хотела сгубить, и представьте себе, что таки сгубила, и дорисуйте, что отец ее завел себе потом собачку. Или кошечку. И даже мачеха эту собакошечку потом любила, чуть ли не пуще собственных дочерей. Трудно представить? Мне – запросто. Да и есть на самом деле такие народные сказки: где кого-то несправедно погубили, а он или она превращается в голубя или в уточку, в общем, остается при доме. Уже в более удобоваримой (извините за каламбур) форме.

И вы, наверное, уже догадались, каким будет мой третий вариант. Кем могут быть эти «дети», которых обычно «жалко». Эта мысль уже вроде не такая тривиальная, во всяком случае, я ее нигде не встречал. Но она уж слишком напрашивается, чтобы ее не озвучить. Это могут быть замещающие фигуры не выживших детей. И аборт, и выкидышей, и мертворожденных, и рано умерших.

И вот это сразу помогает объяснить море эмоций по этому поводу: собачьи рестораны, специально селекционированные уродства, повальную кастрацию любимцев, а также жуткие фразы типа «Почему умер он, а не ты?» или «Ну, теперь ты должна родить мне ребеночка!»

В этой сказке происходит что-то вроде истории Авраама с жертвоприношением Исаака, только наоборот: человеческий ребенок гибнет, а животное выкармливается (в Библии зарезали ягненка, а Исаак выжил). Свой ребенок, чреватый проблемами, пошел под аборт, а животное поставлено на его место, потому что гораздо менее проблемно: его можно и кастрировать, и когти обрезать, и всю жизнь водить на поводке. Кроме того, животное как бы «вечно молодо», это как бы ребенок, который никогда не вырастает, и соответственно, не старит своего родителя.

И в этом смысле, я надеюсь, любители животных простят их недодоброжелателям косые взгляды. Если в мифе-сказке Исаак бы погиб, а ягненка выкормили, то вряд ли человеческий Род считал бы это благословением, и вряд ли народ поклонился бы богу, сотворившему это.

У бога, кстати, логика запросто может быть нечеловеческая или надчеловеческая, и ягненок ему может быть так же мил или даже милее, чем человеческий детеныш, и собачонка тоже. Но для человеческой логики это мало адекватная точка зрения. Не думаю, что возможен народ, который примет ее, а потом «размножится как песок речной». От Исаака, как ни крути, родятся евреи, а от ягненка – бараны.

От собачек и их хозяев в таком сюжете уже обычно никто не родится. Их любовь замкнется друг на друге и умрет вместе с ними.

И есть еще одна точка зрения, которую хочется озвучить. Что самим этим «чрезмерным любимцам» не так уж хорошо живется. Что их закармливают и замучивают избыточной заботой, что они постоянно скулят и болеют, жиреют и рассыпаются, что бремя замещения (как это ни назови) им очень тяжело. Вот эта роль самой красивой птички в самой золотой клетке, или самой несчастной птички на самой мягкой постельке – не самая веселая роль в мироздании.

Конечно, этот пассаж уже не для владельцев своих рабов-любowników. Они-то их просто сильно любят. Но для взгляда со стороны эта любовь часто выглядит настолько чрезмерной, что оборачивается прямой противоположностью. И тогда в мифологическом мышлении картинка замещения продолжается картинкой заместительного жертвоприношения, и рядом с принципом того, что «и рак – колбаса» рисуется другой, наподобие «построить коммунизм в отдельно взятой стране, причем взять ту, которую не жалко». Животное-заместитель, если мы продолжим думать, что оно замещает невинную жертву, ведь тоже никак не должно уйти на свободу, а наоборот, тоже должно быть принесено в жертву. Скажем так: оно «мечено», оно связано жесткими узами, как бы привязано к дереву Рода золотой цепью, и здесь оно должно жить, и здесь умереть. Никакой свободной жизни у него быть по такой логике не должно. И, я думаю, именно поэтому так часто в такую роль берут специально селекционированных на беспомощность зверьков. Там первобытный принцип замещения оказывается отлично скрыт и рационализирован «необходимостью» - они действительно не могут не то что пропитаться

сами, они сами не могут ни трахаться, ни рожать, идохнут от первого микроба.

Койот и женщина

Как появились дамские собачки

Однажды койот, великий Трикстер, презренный шакал, увидел женщину, которая пошла одиноко рожать в лес. Койот тихонько последовал за ней и стал подглядывать из-за кустов. Женщина была хороша, и койоту немедленно захотелось поласкаться с нею. Однако, было нельзя: женщина рожала. Она задрала юбку и стала петь, и вскоре у нее между ног появился темный комочек. Она положила его на кучу листьев и тихонько легла рядом. Койоту тоже захотелось лечь с нею рядом, но он опять сдержался.

И тут он увидел огромную птицу, которая летела над лесом. Эта птица в мгновение ока спланировала вниз и схватила новорожденный комочек. Женщина проснулась, но было уже поздно: птица улетела.

Женщина горько зарыдала, и койот завыл вместе с ней. Ему тоже было жалко ребенка. Но ни койот, ни женщина не умели летать, и ребенка было уже не вернуть.

Тогда койот попробовал подойти к женщине и дотронуться до нее, чтобы успокоить. Но она закричала на него, чтобы он убирался прочь, страшная тварь. (А койот и правда был не самым красивым зверем в лесу).

Тогда койот решил все-таки помочь женщине и хоть так добиться своего. Он тоже нагреб себе кучу листьев и лег рожать. Он пел и тужился и наконец из него стали появляться маленькие щенки. Они были разные: с короткими и с длинными шеями, с большими и маленькими головами, похожие на койота и не очень.

Койот нарожал их и убежал. Или – кто его знает, хитрую бестию? – превратился в одного из своих детей.

А женщина сразу выбрала себе одного маленького щенка и прижала к сердцу, и успокоилась, и счастливо запела, и покормила малыша грудью. А остальные щенки пошли за ней разноцветной толпой, когда она вернулась в свое селение. И там другие женщины взяли себе некоторых других щенков.

Так койот подарил людям своих детей. А может, как говорит сказка, он и до сих пор ласкается с женщиной под видом одного из них.

4. Половая идентификация

Половая идентификация – это вопрос определения пола. Конечно, на первый взгляд это немного странный вопрос – кто ж его определяет, пол-то, это он всех как раз определяет. То есть, конечно, можно сказать, что пол определяется физиологически, на что никто из нас людей влияния не имеет, и таким образом никакой психологии здесь нет.

Хотелось бы, чтобы это было так. Но не получается. Куда вы денете операции по перемене пола, не такое уж редкое явление? Оно-то – не физиологическое по происхождению. Куда вы денете то, что женщин с определенным типом лица и фигуры можно даже не спрашивать – в их семье ждали мальчика (я знаю море таких историй)? Куда мы денем большое количество людей, по разным вопросам «не согласных со своим полом», как будто им, нахалам, есть с чем (или с кем) не соглашаться?

Так что этот вопрос – половой идентификации – каким-то странным образом стоит. И он не будет у нас торчать одиноко. Мы постараемся в пару дать ему что-нибудь хорошее – скажем, ответ.

Итак, нам неизвестно, каким образом могут родители влиять на пол зарождающегося ребенка. И могут ли вообще. Мы знаем только, что в большинстве семей в своем сознании они пытаются это делать. Они рассуждают, как здорово было бы, если бы родился _____ (вставить пол). Они придумывают имена, далеко не всегда на любой случай. Некоторые молятся, некоторые орут друг на друга. Да-да, бывает, если вы не знаете, что муж орет на жену: «Если не родишь мальчика, я уйду от тебя!» Это не патология, это реальность большого количества людей. (То есть, конечно, методом может быть не крик, а любое другое давление).

И такие сцены «предсказания пола» мы можем считать первым актом пьесы про половую идентификацию. Может быть, родители действительно участвуют подобным образом в закладке пола ребенка (я знаю людей, которые тут скажут «Конечно, да, чтоб ты и не сомневался» (включая меня), и знаю полно людей, которые скажут, что объективно это чушь собачья; нам это не важно, а важно то, что в

спектакле это обычно происходит, и делается как верящими в это, так и не верящими). В этой пьесе важно вот что: полного, реального контроля у родителей над этим нет. Доказательством этому может служить большое, слишком большое число «неудач», то есть появления детей не того пола, который «заказывался».

Меня всегда поражало, какая это распространенная история – все ждали одного, а родился другой. Я наслушался их, когда работал в детской поликлинике, и тогда у меня не было своих детей, и мне такой расклад казался чушью, еще одним дурацким бременем на плечах несчастных детей. Потом, когда я захотел своего ребенка, я как миленький делал специальные ритуалы, чтобы родился мальчик, и не сомневался ни секунды, что это он – с первого месяца беременности.

И вот тут наступает интересный момент. Мне повезло, или я добился своего, и ребенок «попал в масть» того, что хотели его папа и мама (мама тоже хотела мальчика, уже по своим причинам). Но со стороны понятно, что все мы рисковали тем, что фокус не удастся, и новорожденная девочка получит конкретный бессознательный невроз на много-много лет.

Этот невроз – это второй акт нашей пьесы. Слишком нередкий сюжет, повторяю: на место ОДНОГО родилось ДРУГОЕ. Что будет происходить с этим другим? Оно, скорее всего, будет стараться своим родителям подыгрывать. Можно сказать иначе (хотя это то же самое): оно будет виновато в своем несоответствии, и будет стараться его загладить. Оно, скорее всего, не знает, что это невозможно, что в нашем мире мужчины и женщины – это разные, несмешиваемые во многих важных сюжетах роли. Эти роли-то – из взрослой жизни, а в три года почти что нет мальчиков и девочек, есть только воспитываемые роли, которые к тем реальным будущим относятся символически и косвенно, примерно как голубые ленточки, шорты или пистолеты (мальчишеская символика) к тому, что деньги в семью зарабатывает мужчина. И родители, если у них в мозгах впечатан образ не того пола, очень и очень могут вести воспитание в двойных посылах: с одной стороны, например, воспитывать мальчика (чтобы он занял в социуме место, достойное своей пиписьки), а с другой – девочку (чтобы удовлетворила ноющее место в их сердцах). И результатом такого воспитания станет некоторая система сложных игр, в которых с одной стороны – все, конечно, так, а с другой – совсем наоборот. Вы встречали, например, девочек, очень похожих на мальчиков? Можно с очень большой вероятностью сказать, что они – актеры этой оперы, и в их семье есть какая-то важная причина, чтобы

на их месте был мальчик, и они стараются удовлетворить этот позыв как могут (хотя им это наверняка трудно, особенно в репродуктивном возрасте).

Тут обязательно нужно сделать отступление и назвать для многих совершенно тривиальный факт – мальчики в нашей культуре ценились всегда больше девочек, и прошлое время сказуемому своему глаголу я придал только ради комильфо, чтобы с «новаторами» не спорить. (Ненавижу спорить с «новаторами»: я им о вечности, а они мне: «А теперь все изменилось!») Вот буквально, блин, пять минут назад, или в 1965 году все изменилось, и теперь уже люди не люди, мужчины не мужчины, женщины не женщины, а семья не семья! Все теперь наоборот, сложился человек нового типа! Да вот вам дулю! Извините, отвлекся). Да, так вот: при патриархате ли, в Европе ли, в иудейско-христианской традиции ли, но по каким-то странным историко-мифологически-экономическим причинам мальчики ценились больше девочек, а поскольку мы с вами еще не Азия при буддистском матриархате, то и поныне все примерно так же, родовые законы быстро не меняются. Я не возьмусь собирать все тайные смыслы этих законов, но скажу только, что именно поэтому, вероятно, сюжет девочек, вместо которых хотели мальчиков – это более распространенный сюжет, чем наоборот. И что мы имеем в этом сюжете? – повышенные «бойцовские» качества обычно, маленькие груди, угловатость (или мешковатость) движений, усики, низкий голос, неприятие женственности, слабые сексуальные качества (или наоборот, повышенную «блядовитость»), нередко проблемы с рождением и выкармливанием детей (хотя вот на этом, кажется, эти качества начинают выравниваться, и если уж женщина проходит через материнство, то как правило, в очень большой степени действительно становится женщиной). Они во многих смыслах ощущают себя мальчиками, хотя им очень трудно озвучить эти смыслы. Это довольно трудный сюжет, хотя ничего сверх-жесткого в нем нет.

Конечно, многие девочки, которые умные или еще как, догадываются в какой-то момент (хоть бы и в 30 лет!), что одно дело – удовлетворять родительские фантазии, а другое – жить свою взрослую жизнь, и понимают, что надо сделать выбор, и выбор делают, почти единственно возможный (я оставляю это «почти», например, потому, что практически ничего не знаю про лесбийские «семьи»; а лесбиянки мне всегда так нравились на фотографиях, что я заранее и на всякий случай не хочу с ними ссориться).

Да, я думаю, хорошее развитие этого сюжета – это принятие женственности, в любом возрасте. Потому что жить в сюжете, где ты хочешь быть слоном, а сам комар – хреново. Тело свое не любишь, оно тоже в ответ барахлит... и, короче, мы не назовем это идеалом счастья и покоя.

Мы можем описать это явление (так делали некоторые известные психотерапевты) как такую сказку: ребенок как бы составляет с родителем (одним или двумя) тайный договор: хорошо, я буду того пола, какой вы хотели. Хеллингер говорит, что ребенок это делает из любви, Гоулдинг – как «первичное решение» и так далее; неважно, какие мы применяем метафоры, важно, что что-то такое может происходить. Взамен ребенок хочет обычное, детское: «любите, принимайте».

И, конечно, когда дело подходит к половозрелости, ребенок имеет право это решение перерешать. Хотя, с другой стороны, какое я имею право так говорить? Может, Роду действительно был нужен мальчик? И если девочка в такой сказке действительно станет девочкой, она всех ужасно предаст? (Так подобные девочки нередко себя и чувствуют: что для нее стать стопроцентной женщиной – это предать маму или папу, или вообще неизвестно кого жутко важного). Но все-таки, по зрелому пятиминутному размышлению, я думаю – имеет право. Они-то ее кинули – дали не то тело, которое было нужно. Значит, фокус уже все равно не вышел, и не по ее вине. Мальчика уже нет. Можно дожить эту жизнь уже в том формате, который случился.

И такую операцию по «принятию своего пола» я назову третьим возможным сюжетом половой идентификации.

Операции по принятию своего пола

Чтоб вы себе не крутили неприличные картинки (я вас знаю, киномехаников-подпольщиков), я сразу определяю: это не про пиписьки, это про социальные и семейные роли. Назначаются такие операции тем, кто со своим полом не в ладах, не в ладушках. Сих бунтовщиков по земле русской, как и иноземной – немалое количество. И я, как говорится, там был, мед-пиво пил, по штанам текло, под статью не попало; но хватит завирушничать, пора дело пытаться.

Предположим, герой, молодой человек, холостой кавалер, лет двадцати пяти, никак не может стать мужчиной. То есть – что это значит? Ну, это может значить разное, в принципе, в буквальном смысле это всего лишь мнение о нем других людей: то один такое скажет, то другая. Просто, как им кажется, в ряде ситуаций он ведет себя не как «мужчина». Например, не спит с тетками. Или, например, спит, но им за это не платит. Или, например, не может настоять на своем, не зарабатывает денег, стеснителен до посинения (собеседника), спит с плюшевым мишкой, боится боли, не умеет забить гвоздь, живет на шее у родителей, брата или подруги и т.п. Короче, обладает сильно пониженной крепостью в разных житейских смыслах (часто пытаюсь компенсировать ее прекрасными детскими чертами характера, за что обычно и любим, и подкармливаем).

И вот теперь, представив себе эту картину, давайте согласимся, что половая идентификация не получается автоматически, и одним махом тоже не образуется. Потому что эти роли, которые половые – это довольно сложная штука, многокомпонентная. Если учить их по одной, за сорок лет не выучишься. К тому же, сознательно они не представляют из себя такой изумрудной ценности, чтобы их учить – потому что роли противоположного пола тоже прекрасны, и тоже ужасны, и давайте вообще будем выше этого, все с серьгами в ушах, бисексуальны и счастливы. (Это всё Трикстер болтал, это в его сказках он то член на дерево наматывает, то детей рождает, не стоит его слушать нам, взрослым, серьезным людям.)

Но судьба нарисованного мальчика внушает много опасений, и коли доктором ему будет не он сам и не старший мужчина, а матушка судьба, то, согласитесь, его, скорее всего, ждет много ее ударов. Ну, давайте перечислим самое поверхностное: женщины или не будут его замечать, или будут использовать его как игрушку, но рожать от него не захотят; очень вероятны аборты, за которые ему потом всю жизнь придется расплачиваться (не объективно, но в нашей сказке); очень вероятно поэтому потеря первой любви, самой лучшей; в серьезные дела его брать не будут, и зарплата останется соответственной; реализации творческих мечтаний он почти наверняка не добьется; есть приличная вероятность «детских» болезней – от энуреза до опухолей); наконец, плюшевый мишка может стать жестким! (Трикстер: «От спермы?» Да хоть просто от старости! За сорок уже начинает автоматически казаться, что раньше мишка-то был помягче...)

Вот поэтому своевременная операция по принятию пола (Трикстер просит написать: «Только в нашей клинике!») может быть адекватной и целительной.

А как происходит эта операция? Я много лет, как и многие окрестные психотерапевты, был увлечен словом «инициация». Сказки про нее есть очень красивые, но делать ее самому мне очень в лом. Прежде всего, потому, что инициация – это очень насильственное дело, из этой песни мордобоя никак не выкинешь. А я не люблю насильничать, даже когда потом спасибо говорят. То есть, конечно, бывает, случается, не убережешься, но на поток мне такого ставить не хочется. Да и культура этого не поддерживает, ни деньгами, ни одобрением.

Но с годами я понял, что такую операцию можно проводить хитрее. Хотя базовые фигуры в этом взаимодействии остаются прежними. Это «мальчик» и «взрослый мужчина» - или, соответственно, «девочка» и «взрослая женщина». Причем, учтите, в этой сказке роли не смешиваются, и, например, «взрослый мужчина» «девочку» может трахать, но не может «сделать женщиной». Это понятно из самого названия спектакля: «половая идентификация». Идентификация – это когда ты отождествляешься с кем-то, считаешь себя кем-то, и кросс-половые идентификации тут никак не помогут. Хотя трахаться может быть приятно.

Да, так вот, а теперь, как говорил Карлсон, угадай, малыш, какой «взрослый мужчина» лучше всего подходит как объект для идентификации. Нет, не угадали, не Карлсон. У вас еще две попытки. Нет, не дедушка Ленин. И даже не первая любовь вашей мамы, хотя многие, похоже, ориентируются именно на это.

Это мальчиков папа, и если вы действительно не угадали, то пойдите и застрелитесь, потому что жизнь ваша есть и будет грустна и инфантильна. Эти дурацкие шутки с угадыванием просто отражают большое количество похожих сцен из моей практики. Очень многие люди ведут себя так, как будто папов у них нет. И если эти люди – девочки, то это полбеда и другая глава, а если мальчики, то – вот именно.

Отец является, помимо прочего, первичной фигурой для половой идентификации. И чтобы стать «мужчиной», «мальчику», в сущности, надо сделать только одно танцевальное па, которое Хеллингер называет «перейти в зону влияния отца». «Перейти» здесь возникает потому, что изначально мальчик обычно связан с мамой, сильно, как ребенок. Но наступает время, когда его связь с мамой, оставаясь даже

сколь угодно взаимно приятной, начинает плохо сказываться на развитии половых ролей и кучи зависящих от них прочих качеств. От мамы быть мужчиной не научишься. И тут всё, что нужно сделать для объявленной нами операции – это: перейти – в зону – влияния – отца.

Так просто звучит! – но что это на самом деле значит?

Нас тут много разных: многие выросли без отца, многие с собственным отцом сильно поссорились, многие считают отца тряпкой, пустым местом, неудачником. И операции поэтому должны быть несколько разными. Но, в основе своей, этот сюжет первой стадией знаменует признание отца – что он *есть*. И для кого-то из нас уже эта стадия крайне трудна; и тем не менее, необходима. На второй стадии «мальчик» признает отцовское главенство и «право на маму» (это, в определенной степени, знаменует концовку такого распространенного семейного сюжета как Эдипов комплекс, на котором многие из нас связь с отцами и теряют). Для многих и эта стадия представляет из себя большой труд и даже личный подвиг. И на третьей стадии «мальчик» признает отца в себе, то есть осознает в себе отцовские черты и дает им право на существование. И это тоже бывает сделать очень трудно, потому что этот «мальчик», скорее всего, потратил годы на то, чтобы от отцовских черт избавиться. Но баланс приобретений и потерь в таком деле «стирания и недопущения» почти всегда хреновый, а вот баланс «признания» обычно позитивный.

Я пишу, и многие судьбы проходят передо мной, и десятки голосов мне говорят: да как же можно смириться с тем, что отец бросил маму? бил меня в детстве? спился? и так далее, далее, далее. Что ж, конечно, в этой сказке есть другой вариант – это постараться «вычеркнуть отца». Я хочу, чтобы вы понимали перипетии этого сюжета вычеркивания: там почти наверняка прописан сильный невроз, то есть внутренний конфликт между собственными частями личности, которые на отца похожи (их не может не быть, извините), и теми частями личности, которые отца отвергают, и пытаются обычно вести себя так, как будто они и есть целая личность. И вот как раз половая идентификация может попасть в такую вилку, и мальчику с позитивным образом отца будет правильно ее пройти гораздо легче, чем тому, у которого – негативный.

(Здесь очень частым сюжетом является такой: «мальчик» отвергает отца не сам по себе, по собственному критическому размышлению, а вслед за матерью, из солидарности (и идентификации) с ней. Про это, про «борьбу Родов» я еще напишу отдельную главу. Конечно, для мальчика, выросшего без отца, это тем более естественно – держать

сторону единственно доступного родителя. Но когда дело подходит к половозрелости – это оказывается ужасно не выгодно. Очень рекомендуется, если так произошло, в процессе и ради возмужания «продать часть материнских акций» и на вырученные ресурсы «купить отцовские». Тупо, упрямо продираясь через всё его, отца, хамское несовершенство. Когда эти акции покупает сын, они, как правило, начинают сильно расти, простите мне метафорический ряд дядюшки Скруджа.)

Кстати, о дядюшках, good news: для многих из нас есть хороший шанс научиться мужественности и «мимо отца», но используя «отцовскую фигуру». Старший брат, дядя, отчим, учитель тоже способны передать эту штуку – в сущности, требуя при этом прохождения тех же стадий, с признанием и подчинением. Инициационные обряды традиционно проводил, кстати, не отец, а всякие подобные старшие мужчины.

И последний сюжет этого спектакля может поразить своей нелогичностью присутствующих дам и детей. Одним из главных признаков обретения мужественности является, в сущности, способность к мужской конкуренции, которая и является одним из требований к мужской роли времен патриархата и Кали-юги. «Выходным экзаменом» на то, что операция по принятию пола прошла успешно, является очень часто довольно силовое и насильственное установление границ отцовской власти. Успешный сыновний бунт, другими словами. Материальное и психологическое отделение, установление «собственного государства», в котором власть принадлежит уже не отцу и не матери, но тебе, такому борзому «уже не мальчику, но мужу».

Мрачная хиппи

Первая наша встреча была случайной и непримечательной. Я шел по берегу Черного моря, шел далеко, возвращаясь из Лисьей бухты домой. Людей я не видел уже часа полтора, когда вдруг из-за очередной скалы навстречу вышла дева, замотанная в тысячу одежек (а была жара, и я шел почти голый) и спросила у меня дорогу. Дорога была простая – по берегу моря, объяснять нечего, но мы остановились поговорить. В какой-то момент я спросил, как ее зовут, и она ответила: «Неживая»; а я чуть не поперхнулся. Вопрос «Это кто ж так тебя?» застрял у меня на губах. Потом я все-таки окультурил свое удивление во что-то вроде «Зачем же так живого человека называть?», но она печально

улыбнулась и не стала отвечать. Мы еще поболтали пару минут и разошлись – она пошла в бухту, а я домой.

Только через год мы встретились снова. Я делал в Лисьей бухте такой маленький семинарчик, почти что только для своих, и вот там появилась «Неживая». Одета она по-прежнему была в ворох брезента – ну или как там называются эти походные ткани. В поэтическом смысле, короче, это был брезент, всякие плотные цвета хаки и черные походные одежды; очень, вероятно, удобные для Заполярья, но в моем вкусе несколько тяжеловатые для Крыма. Пока она сидела в сторонке, все было почти адекватно, но когда пошли телесные упражнения, то стало тяжело. Облегчить костюм ей было тяжело; но это было полбеды. Настоящей проблемой было для нее позволить кому-нибудь ее касаться. Упражнения были массажные, а она чужое прикосновение почти что не могла выдержать. На второй день она даже стала стараться «расслабиться», но когда народ стал дотрагиваться до нее, то у нее начались пароксизмы щекотки, она дергалась, нервно хихикала и, короче, для массажа была непригодной.

Мы даже попытались все вместе «разобраться» с ее дерганьем, и стали касаться ее одновременно шестью-семью руками в разных местах, и выяснили такую простую вещь, что когда она прикосновения не замечала, то и никаких дерганий не происходило. Короче, это была реакция «головы», а не «тела». Тело у нее, кстати, был пухленькое и вполне миловидное. В Лисьей бухте нудистские пляжи, там она спокойно – как все – купалась голой, и я рассмотрел ее в какой-то момент повнимательнее. Дева как дева, немножко толстененькая, плотная, молодая.

Да, там опять была тема с кличками, только на этот раз все клички разом раздал я, просто в какой-то момент меня повело и я всем сказал, на кого они похожи. Ее я назвал «бомжем», и по-моему, она обиделась. Хотя на следующее утро, когда я чуть не споткнулся о нее, спящую отдельно от всех чуть ли не посреди поля, я только поздравил себя с точностью характеристики.

Есть такие люди – им не нравится грустить в одиночку. Хочется сделать какой-то спектакль помощнее. Я смутно представлял себе историю «Неживой», хотя не очень задумывался. Услышал я ее в конце того лета. Мы уже довольно-таки стали друзьями. Она подарила мне свою кепку – как она сказала, это был символический прием в «общество хороших людей». Компания ребят, с которыми она тусовалась, мне тоже была очень симпатична. В какой-то момент мы оказались ночью у костра, накурившись крепкой марихуаны.

Рассказывала свою историю она не мне, но никто не возражал, чтобы я слушал. (Так бывает, впрочем, что история рассказывается косвенно – вроде одному, а на деле другому.) Нет, она не рассказывала историю. Это у меня в голове все так сложилось, как сказка.

Жила-была очень энергичная, умненькая и веселая девочка. В школе училась очень легко, на «отлично», но это мало занимало ее времени и усилий. В четырнадцать лет ее вело во все стороны: она писала стихи, гуляла со взрослыми парнями и так далее. Родителям это очень не нравилось. Ссоры с ними загнали ее совсем в жесткое положение, когда она в пятнадцать ушла из дома, чтобы учиться в какой-то спецшколе-интернате. Учиться ей, опять же, было легко, но атмосфера там была совсем несентиментальная: пьянки, драки, молодежный бандитизм. Год она тусовалась с «панками», год – с «рокерами». Не то чтоб я очень хорошо понимал, о каких благородных донях идет речь; меня интересовало другое. В пятнадцать лет у нее появился друг, с которым они стали спать. Тогда она была очень симпатичной (уже позже, когда я смотрел ее фотографии, я понял, что таки да). В шестнадцать лет, конечно, все довольно симпатичные. В этой среде сексом занимались много и беспорядочно, но пока у нее был друг, ей удавалось хранить ему верность. Потом она забеременела, ей было шестнадцать лет.

Аборт.

Тут можно не пересказывать, всё как обычно: «как во сне... не понимала, что со мной и где я...» Что тут не понимать: это был первый страшный удар со стороны ее любимого секса. Парень очень скоро не выдержал, исчез. Еще какое-то время она продолжала спать с разными другими, но это было уже не то. Совсем, совсем не то. Ей уже не хотелось. Но тут она увидела обратную сторону своей миловидности: приставали со всех сторон, много и сильно. Не огражденная защитами социальной среды, она построила эти защиты сама. Так постепенно строился образ «мрачной хиппи».

Мрачная хиппи не радовалась жизни, она любила грустные песни и философию отчаяния (ее удовлетворял в этом смысле Сартр и прочие). Она не выносила чужих прикосновений – они все были грязными приставаниями. Она одевалась в темные шмотки походного происхождения, своеобразный унисекс, скрывающий и выравнивающий все формы. Думала о самоубийстве. Ни с кем не спала (с такой реакцией на прикосновения это мне и раньше было очевидно).

Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. В ту ночь я не вел с ней душеспасительных бесед. Было ясно, что она и сама очень многое

понимает. Мы еще поговорили один-два раза, а потом лето закончилось, и мы разъехались по своим краям обитаний.

Прошло два года. Я почти ничего о ней не слышал. Была паратройка писем, какие-то рассказы общих знакомых, потом шальная новость, что она взяла другое имя (не хипповскую кличку, а имя основное, «цивильное»). Какие-то у нее с друзьями происходили бурные «движняки», но я жил далеко, и был не в курсе.

И вот наконец мы встретились год назад, и она рассказала чудесную историю. То есть на самом деле, она рассказала мне кучу историй. Но меня восхитила последняя. Первые были про постепенную психотерапию, как она распутывала клубочек своего невроза, как училась прикосновениям. Как на смену кличке «Неживая» пришла кличка «Сова», и это было уже гораздо веселее.

Да, так вот, последняя история. В сущности, там никакой истории нет, можно сказать, одна развернутая галлюцинация. Все произошло, когда она съела несколько десятков псилоцибиновых грибов. За что я их уважаю – они устраивают такую психотерапию, какую не в силах придумать и осуществить ни один человек. Хотя «на поверхности» не делают практически ничего.

Итак, лес, грибная поляна, осенний полдень. «Сова» собрала и съела грибы одна (уже не первый раз в жизни). Вот какая была ее основная идея в это время: что у нее совсем нет «женской энергии». Что той энергии, что у нее есть, хватит только на то, чтобы забеременеть, выносить и умереть при родах. Такую она себе лелеяла мрачноватую фантазию – не нам судить, насколько реальную. И вот она ела грибы, чтобы понять, где и как этой женской энергией можно зарядиться.

Через какое-то время ей захотелось двигаться, и она стала танцевать. Она стала двигаться легко и бездумно, все быстрее и быстрее, пока не закружилась вихрем и не упала на землю. Когда она подняла голову, прямо перед ее лицом из земли торчал сучок. Ну очень определенной формы. И когда она узнала это форму, появился Он.

Она назвала его «Великий Хуй». Он был огромным, выше деревьев. Тем, кто не знаком с переживаниями такого рода, я попробую объяснить: это не совсем галлюцинация, потому что мозг знает различия между «реальными» деревьями вокруг и таким видением. Однако видение субъективно обладает очень четкой структурой, постоянной во времени, и занимает сознание покруче деревьев. Если у вас болит зуб – происходит примерно то же самое: ваше внимание очень занимает нечто, что больше никто вокруг не видит и не чувствует.

Итак, «Сова» увидела Великий Хуй, и сразу поняла, что с такими не шутят. Он возвышался и парил горделиво и победоносно, не очень обращая на нее внимание. У нее появилось чувство, что она попала внутрь какого-то древнеславянского ритуала. Все, что потом говорилось, как-то пелось в особом постоянном ритме, речитативом, и слова были тоже славянские, древние. Это – пересказ пересказа, так что слов нам тех не услышать.

Она сказала нечто вроде: «О Великий Хуй! Где мне найти свою силу?» «Ты наказана, - ответил он. – Ты наказана за то, что соперничала со мной». Какое-то время эти слова повторялась и как бы «зависли», а моя подруга видела проносившиеся картинки тех моментов своей жизни, когда она действительно «отворачивалась» от великой силы. Сделанного не вернешь, это было понятно. «Что же мне делать, Великий Хуй?» - взмолилась она. «Смирись и молись», - был ответ. Она стала на колени и поклонилась. Она действительно возжаждала прощения и знала, что больше ниоткуда она его не получит. Слова ее молитвы были не очень понятны ей самой, они были архаичны и шли в том же ритме, в том же речитативе.

Через какое-то время Великий Хуй как бы кивнул ей и стал таять в воздухе. Прощение, вероятно, было даровано, хотя никто ничего определенного не сказал, и она была не уверена. Но Хуй исчез, и больше делать было нечего. Она почувствовала, что ей хорошо бы сейчас отойти в безопасное пространство, лучше «женское». Она отползла к березе (как-то было очевидно, что береза – дух женский) и в изнеможении легла на траву. На живот. Какое-то время она просто лежала, но ритуал продолжался: в том же ритме шелестела трава и березовые листья, напевая ей теперь что-то успокаивающее и родное.

Сколько еще пролежала она – неведомо (а внешне вообще могло пройти три секунды), да только в какой-то момент почувствовала она зади себя плотное тело. Это тело совершенно недвусмысленно залезло к ней под одежду и начало ее трахать. «Не трахать, а теплить, бери слова получше», - сказала существо. «А ты кто такой?» - спросила наша героиня. «А я Ебун Ебучий», - ответило существо. После этого ответа уже было совершенно понятно, что делать: расслабиться и получать удовольствие. Что «Сова» и стала делать.

Ебун Ебучий поработал долго и на славу, а когда исчез, все нутро ее было залито той самой горячей волной, которая – уже было яснее ясного – и была той искомой «женской энергией». Постепенно улегся ветерок и вместе с ним затих древний ритуал. Она почти не запомнила тех слов, что лились как песня; разве что остались красивые слова «он

меня вытеплил». Теперь она могла родить и выжить, теперь она вообще была готова к новой жизни. Образ мрачной хиппи, и так раскачанный за последний год, распался.

Та женщина, которая мне рассказывала всё это, уже не очень напоминала «тысячу одежек». А напоминала она... ну, баба и есть баба. Всё, короче, было при ней.

Так что это история со счастливым концом.

Нет, это история с хорошим концом.

Нет! Эта история – с Великим Концом!

Ебун Ебуныч, мое почтение!

Безотцовщина

Жил-был мальчик без папы...»

«Не может быть!»

«Жил-был мальчик без папы...»

«Не может быть!»

«Жил-был мальчик, который забыл о своем папе...»

«Вот это возможно, да. И что?»

Жил-был мальчик, который забыл о своем папе. Как это может быть? – просто на месте папы у него стояла мама. И с одной стороны, где мама (слева), стояла мама, и с другой стороны, где папа (справа), тоже стояла мама. И слева было так хорошо, что мальчик просто прилипал туда, и там мама называла его «солнышком» и «пупсиком». А справа было так плохо, что мама называла его «хамом» и «мерзавцем». Как будто другая мама, другим голосом.

Эта другая мама была злая. Она-то и не пускала сына увидеть своего папу. На этого папу она была очень-очень зла и обижена. И еще она боялась, что сын станет таким же как папа. А этого «папу» она помнила такого, с каким рассталась, а не того, с которым встретила. Мама-с-правой-стороны понимала, что она злая, но оправдывала себя тем, что ведь это «священная война» за лучшую часть своего ребенка – чтобы он вырос таким, как мама (которая, как ни крути, симпатичная женщина и хороший, хотя и несчастный, человек), а не как папа (которого она, чтобы свести его к минимуму, к нулю, называла в разговорах со знакомыми «биологический отец», а при сыне не называла никак, ради того же самого).

И у сына были как будто две половинки души. Одна – как клубника, милая и сладкая, любимое дитя любимой мамы, которая любого встречного превращала в свою маму и ласкала взор. А другая была рваная и больная, и он сам про нее очень мало знал. К людям он старался поворачиваться первой стороной, но попробуйте-ка поворачиваться ко всем вокруг только левой стороной – и вы поймете, как это трудно и невозможно! С этой стороны стояла злая мама, и сквозь град ее упреков и криков еле-еле виделся далекий образ таинственного отца. От которого шла самая притягательная сила на свете, потому что самая родная и самая запретная. В сущности, все, что он знал про своего отца, было то, что отец плохой человек и алкоголик.

И ему пришлось стать плохим человеком и алкоголиком, из верности этому далекому и внешне незнакомому человеку.

Любовный треугольник имени Эдипа

Сын. Хочу свой клин загнать меж мамы с папой. Мне папа там не нравится совсем. Любви моей он вовсе недостоин. Маман, напротив, очень хороша. Я за нее сейчас вступлю в сражение. Ее от папы-зверя защитив, я докажу свое... мое... я тоже...

Дьявол. Иди, малютка, бей отца виной! Он пьяница и жалкий самозванец. Ты мог бы народиться от другого, во сто раз круче.

Мама. О мой герой, милашка!

Сын. Мы с мамочкою выгнали отца.

Дьявол. И я б такое сделать был бы рад.

Отец. Во сын какой растет! Отличный малый! Жена, стервоза, портит дело зря. Но он свое поймет, лишь дайте время. Он папку вспомнит!

...

Сын. Батя! Сколько лет!

Отец. Не виделись, пожалуй, мы лет десять.

Сын. А ты... не постарел.

Отец. Спасибо.

Сын. Хренова доля землечеловека. Он на страданья, кажется, рожден.

Отец. С учебой нелегко?

Сын. И с ней, с заразой. С девчонками полегче.

Отец. Я был – таким же.

Сын. Правда?

Отец. Правда.

Сын. И ты без папы вырос?

Отец. Как и ты, я с папой вырос, только я его – не замечал. Я думал, одною мамой обойдусь.

Сын. Не вышло?

Отец. Не вышло, и не выйдет у тебя. Раз ты без папы – значит, не мужчина. А не мужчина – так и бабам – пф. На только поиграться. Так – не нужен.

Сын. Бедные мы люди!

Дьявол. И я грущу нередко, наблюдая...

Отец. Да все нормально. Ну, вынимай свой клин!

Сын. А ты меня – не будешь бить?

Отец. Не буду.

Мама. Нет-нет, мой сын меня гораздо лучше – и удовлетворяет, и вообще. Он мой мужчина самый распрекрасный.

Сын. Вот видишь, папа, я тебя – того... Похоже, победил.

Отец. Да, вижу. Счастлив?

Сын. Я мудила.

Мама. Ты за меня старался, мой хороший.

Отец. Ну, я, наверное, пошел.

Сын. А я зато курю и пью уже как взрослый.

Отец. Ну, молодчина!

Сын. Дай денег, а?

Отец. Конечно, на.

Сын и мама (вместе). А что так мало?

Дьявол. Черт, тут я как-то перегнул. Кто знал, что они такие идиоты и всему верят?

Конец сцены. Сын женится, у него рождается ребенок, жена перестает ему давать, он начинает пить и гулять; когда сыну исполняется два года, разводится и живет у мамы...

Рыцарь по имени Фэнтези

(или МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ СУМЕЛ УДОВЛЕТВОРИТЬ И
ПАПУ, И МАМУ)

Кто бы мог подумать, что этот мальчик станет Странствующим Рыцарем?

Посмотрите на него в детстве: их как будто два, этих мальчика. Какой он буйный и веселый дома! Только его и слышно! А в школе, во дворе – тихоня и молчок. Вы просто его не заметите, если специально не станете искать.

Он обожал книги, конечно, он с детства обожал книги. Но не какие-нибудь Бэмби – а бесконечные романы о грандиозных путешествиях и приключениях, смелых и отважных героях, таинственных проходимцах, великих авантюрах – о! о! о!

Его игрушки убирала обычно мама, а вот книги – он сам. Книжная полка – единственное место, где был порядок в комнате мальчика Фэнтези.

Пока он рос, его папа шлялся где-то на Севере, появлялся дома редко. Когда папа приезжал, он казался мальчику диким и дивным чудищем. С папой он почти не решался разговаривать, он только любил трогать его вещи, и даже они были таинственными и грозными. Зато мама при папином приезде взмывала как собака при появлении волка, и лай не прекращался еще несколько дней после его отбытия в очередной поход. Папа, кстати, работал на севере бухгалтером, но Фэнт не знал, что это такое.

Фэнт закончил школу вполне сносно, и был направлен учиться в столичный университет. Отучившись два года, он заболел (что-то с сердцем), приехал домой лечиться и как-то постепенно там и остался, перейдя на заочное обучение. С книгами он чувствовал себя гораздо веселее, чем с университетской толпой. Как в детстве: внутри дома и снаружи.

Они болели вместе с мамой. Впрочем, Фэнт довольно быстро поправился, а мама всегда немножко любила поболеть. Болезнь была такой ее подружкой – раз, позвонит, и вот уже пришла, и никто ее не боится, своя в доме.

Папа уже перестал появляться в их тихом и спокойном мире (последний раз в жизни Фэнт видел его лет в пятнадцать). Женщины – да, женщины мучили Фэнта, манили и дразнили, путали сны и заставляли воображать черт знает что. Много успокоилось, когда у него появилась подруга Фантазия. Мог ли Фэнт пройти мимо девушки с таким именем? Они переписывались горячо и страстно каждый день, но увидеть Фантазию ему удалось только через несколько лет, когда она вышла замуж за Тупого Франта, а Фэнт уже переболел ревностью.

Потом Фэнт был долго помолвлен на чахоточной деве, к которой ездил раз в месяц, и как-то не получал от этого удовольствия.

Удовольствие вроде бы получала мама. Потом девица как-то совсем стухла, и с нею, слава Богу, и свадебные планы.

В 35 лет Фэнт был красивым мужчиной, романтика, длинные волосы, изысканная речь. Спросите – какие в его жизни тогда были проблемы? А никаких особо не было.

Так вот, Фэнт стал Странствующим Рыцарем совсем не в каких-то фантазиях и книгах. Он стал им на самом деле, как доблестный Дон Кихот. Это случилось через три месяца после того, как умерла его мама. Когда он отплакал и повзрослел, все стало на свои места, он понял, что он любил всю жизнь, и что по-настоящему важно, а что – так.

Он сел на коня и выехал за ворота своего поместья. Многие считали его безумцем, многие завидовали, многие любили. Он не очень хорошо вначале держался на коне, но его современники вообще этого не умели. Он пытался спасти несчастных и выступать на турнирах. Он жил в ладу с самим собой. В дом его переселилась кузина со своими детьми, и его это совершенно устраивало и означало, помимо прочего, какой-то порядок и обед, который он ел обычно ночью.

Для подвигов и турниров он выбирал почему-то страны севера.

У него действительно было больное сердце, и он умер значительно раньше старости.

5. Супружеские войны

Война вообще

Кто в семье может воевать друг с другом? «Американские ученые доказали»: любой с любым. Муж и жена; два брата; дочь с матерью, сын с отцом; теща с зятем... Короче: возможны практически любые парные варианты. «Стенка на стенку», конечно, тоже практикуется: «клан отца» и «клан мамы», мама с ребенком против папы с любовницей, подросток против родителей и так далее, в любых возрастных и весовых категориях.

Таким образом, расписывать все варианты этих войн мне совершенно не хочется: как-то слишком много. И может быть, все одни – про одно и то же. Плюс, в общем-то, большая их часть является частью нормальной жизни, на семейную структуру особо не влияя. «Бьет, да любит», как говорится: война идет, но все равно все родные,

за стол садятся вместе, на фотографиях рядом, «а что там происходит у танцоров в голове, нам не важно – мы смотрим на ноги».

До каких-то пределов (кажется, обычно заранее неизвестных), когда война действительно вмешивается и в структуру, и в динамику.

Сюжетика войны обычно я бы не сказал, что интересная: ну, как бы ходит народ в одном хороводе и друг друга попами выпихивает, держась при этом за руки. Или ногами по коленкам лупят, или просто съедают друг друга ненавидящими глазами. Ну, время от времени, скажем, кто-нибудь победит, Авель какой-нибудь вылетит из круга, а какого-нибудь Каина папа накажет. А что дальше за войной? Да обычно та же война; как вариант – мирный договор, либо победа одного и поражение другого, либо развод, либо полное взаимное разрушение.

Но война нам может быть крайне интересна как симптоматика. Можно сказать вот так: большинство семейных войн настолько глупы и разрушительны, что они не могут вызываться теми поводами, которыми их привыкли объяснять участники. В случае таких сильных эмоций, которые начисто перекрывают любое трезвое осознание, что (обычно) победить-то невозможно и что плохо будет всем, должны быть какие-то сильные подспудные причины. То есть на семейную войну часто можно смотреть как на один эпизод какой-то гораздо дольше и большей войны. По принципу: «паны дерутся, у холопов чубы летят», то есть те летящие чубы, которые мы можем наблюдать в семейных войнах (если семья дала нам наблюдать за таким интимным занятием), могут быть скорее всего следствием деятельности каких-то не видимых «панов».

Давайте попробуем разобраться по-простому. В принципе, война между людьми обычно возникает, когда делят ресурсы. Семейные войны тут не исключение. Ресурсы времени («кто будет сидеть с ребенком»), денег («ты на родителей тратишь больше, чем на нас»), жилплощади («я с тобой под одной крышей не могу жить!»), здоровья («ты хочешь, чтобы это делал я, инвалид...»), внимания («папа ее любит больше») – всё это ресурсы, за которые люди друг с другом конкурируют, и у нас нет альтернативной модели распределения, по большому счету, кроме как всегда такие вопросы немножечко выяснять. Можно попытаться обойти такую модель, создав жесткую систему вроде «Всё решает отец», но она обладает рядом недостатков – например, ригидностью; кроме того, в определенном смысле это просто переносит ту же проблематику с внешнего ряда во внутреннее пространство одной головы. Что я хочу сказать: дележка ресурсов –

очень нормальный сюжет, последите за игровой площадкой любого детского садика.

Но каким-то образом в нормальной среде (в том же нормальном детском садике) эта самая дележка ресурсов страшных войн не вызывает. Даже в среде существ, не связанных узами любви. Ресурсы так или иначе делятся, и никто не умирает от голода даже в диких джунглях. Любовь и родственность вроде бы тем более должны гасить агрессию конкуренции за ресурсы внутри семей. А вот и нет, почти во всех или просто во всех известных мне семьях – нет. Везде есть сильные линии напряжения, везде есть осязаемые линии войны.

Похоже, что дело, как правило, не только в «примитивном» дележе.

Супружеские войны

У меня есть любимая книга Р.Доукинза «Эгоистичный ген» (мне кажется, она прекрасно объясняет все самое ценное, чему я научился на биофаке), и там есть отдельная глава про то, почему супруги обязательно и всегда будут ссориться. Биологическая логика не обязательно верна психологически, но в вопросах Рода генетика – вещь очень и очень значимая. Сейчас я кратко объясню его логику. В генетическом смысле человек (как и животное) эгоистичен не сам по себе, а как вместилище определенных генов, которые хотят себя по максимуму сохранить и размножить (и то, что мы сейчас существуем – свидетельство того, что наши гены достаточно хорошо это умеют). Очень грубо можно сказать, что это та генетическая причина, почему мы любим своих детей (больше всех), родителей (поменьше), родных братьев и сестер (на том же уровне или чуть меньше) – все эти персонажи обладают общими с нами генами на 50% (не всех генов, а тех, которые изменчивы в человеческой популяции). Бабушки-дедушки, внуки-внучки и дети наших родных братьев/сестер – это 25% наших генов, и так далее. Так вот, именно в детях, конечно, наша главная надежда на распространение наших генов (поэтому они ценнее родителей, которые уже сделали что могли). Но: мы не однозначно моногамные животные, у нас часто присутствует рождение детей от разных партнеров. «Полигамные» гены чисто количественно, получается, лучше распространяются. Но – о детях надо заботиться, и это входит в нашу стратегию размножения (если б не заботились, были бы полигамными, и не знали бы этого слова, поскольку не было бы альтернативы). А теперь – внимание – главный вопрос – до какой степени заботиться о детях? Не выгодно ли, например, заботиться до

трех лет, а потом уйти рожать с другим партнером, если есть хорошие шансы, что другой родитель уже «дотянет» ребенка до половозрелости? Понимаете, да? – это не мораль, это генетика, она неморальна, она про выживание и размножение генов. Ответ напрашивается, что да, одна из возможных выгодных стратегий – это оставить ребенка, не вкладывая в него больше, но пользоваться вкладом другого партнера (в генетическом смысле пользоваться, опять же!) И так могут поступать оба родителя, при том, что оба совершенно чистосердечно и генетически заинтересованы в выживании и процветании ребенка. Здесь их интересы – разные, в смысле в одном ребенке они слиты, а в еще нерожденных, возможно, различны, а значит, супруги вполне могут ссориться и даже расходиться, следуя таким вот своим низменным интересам к размножению.

Я прошу отнестись к этому как к сказке, без особых научных споров; мне достаточно того, что такая сказка генетически не противоречива. И в этой сказке партнеры всегда, пока не угас продуктивный возраст, будут иметь несколько разные интересы, а значит, глубинную почву для ссор. Относитесь к биологии и генетике как хотите, но факт, что человек не целиком инстинктивно моногамен – и отсюда пошли-поехали все основные супружеские проблемы.

Но если отложить в сторону биологию, а взять Родовую логику, то мы можем увидеть, что супруги – это единственный формат не кровного близкого родства. Это то место, где дерево Рода одной из своих веточек прикоснулось к веточке другого дерева. К рожденным детям каждый Род может отнестись как к продолжению себя; а к месту сращения – как угодно. Срослось – хорошо, оно и детям лучше, а значит, и всем. Не срослось – тоже не беда, деревьев-то вокруг – целый лес.

К факту супружеской измены «своего» из двух партнеров Род может быть крайне снисходителен, а может и (в нашей культуре тайно) благосклонен. К измене «не своего» - крайне жесток. Понимаете такую расстановку сил: за каждым из супругов стоит свой Род, который хочет оберечь своего, но из его партнера «выжать» по максимуму. В этом – еще один практически обязательный источник давления на супружеское согласие.

К факту развода Род может относиться точно так же – его прежде всего будет интересовать судьба детей, а не личные чувства бывших партнеров. И детей любой нормальный Род постарается поддерживать абсолютно безотносительно правоты или законности расставания партнеров. Вместе с детьми бывает вполне логично поддерживать того

родителя, который об этих детях преимущественно заботится. Но это отдельная тема на потом.

Человеческие семейные законы поэтому и были и остаются так жестоки, что семью удержать трудно, и культура прикладывает давление извне ради этой благороднейшей цели. В традиционных культурах, например, по всему миру свадебные ритуалы довольно сложны и – главное – крайне дороги. Это простой способ помешать людям жениться много раз (к чему подталкивает их... ну, мы не знаем, кто их там подталкивает – а хоть бы и сам дьявол – но наличие естественной тенденции неоспоримо). Культура никакие ритуалы не делает «просто так», ради «посидеть за столом». Все эти милые штучки с доказательствами девственности; разные виды приданных, выкупов, калымов; общие фамилии и общая собственность – все эти и многие прочие законы, порядки и ритуалы направлены на одну и ту же проблему – сохранить «маленькую семью». Туда же направлены и жестокие (как религиозные, так и светские) законы о разводах (поразительно мягкие в нашей стране с первых времен Советской власти (что логично), но гораздо более суровые в большинстве прочих).

Супружеские долги

Мне трудно писать эту главу, в уме рябит от бесконечного количества историй. Похоже, что между супругами может происходить что угодно – там бывает любовь, коварство, равнодушие, покровительство, ревность, взаимопомощь, предательство, благородство, истерика, и так без конца. Это область, которой стоит посвятить не главу, а книгу. Это область сумасшедших страстей, самых несбалансированных, противоречивых и бесконечных. Очень трудно выводить уравнения в таком поле, которое почти одновременно разливается медом и взрывается гранатой. Трудно – но мы попробуем.

В общем виде, супружеские войны начинаются с претензий, а те, в свою очередь, основываются на представлениях о том, что они, супруги, друг другу ДОЛЖНЫ. Вот это понятие долга в нашей книге встречается впервые, пока как-то удавалось обходиться без него. Но тут не получится: без долга может отлично происходить дружба или любовный роман, но семья как-то не представляется. И вот я ставлю

вопрос: что же супруги должны друг другу? – и замираю в ожидании ответа. А он не падает сразу, он не очевиден.

Между тем, если отвлечься от всяких частностей, что-то же там должно быть, на месте этого вполне архетипического долга. Вписываю сексуальную верность – кажется, она смотрится там отлично и на месте.

Сейчас я попробую расписать понятные мне «семейные порядки» в отношении взаимных долгов супругов.

Супружеские долги: сексуальная верность (+)

Да, супруги друг другу должны «супружескую верность» - не вступать в сексуальные взаимодействия с другими людьми. Можно сказать, что супруги должны друг другу эксклюзивное право использования своих половых органов, и родовой смысл этого очевиден – чтобы не зарождались дети вне брака, чтобы не делились семейные ресурсы. Эта сексуальная верность часто обговаривается, часто считается само собой разумеющейся, и кроме того, вписана во многие моральные и юридические законы разных стран (например, в Библию), среди которых есть очень серьезные (в том смысле, что за их нарушение полагается смертная казнь). Попытки обойти этот долг предпринимались и предпринимаются гигантским количеством народа (человек – полигамное существо, что вы хотите), но примеры успешного тайного нарушения я знаю, а удачные примеры нарушения явного мне неведомы – при самых благоприятных отношениях самых благородных людей. Я не говорю, что их нет, но их явно так не много, что в общем уравнении ими можно пренебречь.

Поскольку рассуждать про это скучно, позвольте рассказать сказочку.

Зимняя сказка

(Особенности национального свинга)

Здравствуй, секс, здравствуй, брак. Вам, пожалуйста, налево, а вам направо. Рассаживайтесь поудобнее. Посмотрите внимательно друг на друга: вы теперь долго не увидите.

При встрече вы можете друг друга съесть, вот в чем беда.

Давайте я расскажу вам сказочку.

Жили когда-то две семейные пары. Ненавижу вводить новые персонажи и лица, поэтому давно уже почти не смотрю кино: их и так бесконечно много. Старыми тоже обойтись довольно трудно. Хотя, с другой стороны, проблемы-то общечеловеческие, так что брать можно кого угодно. Так что предположим, жили-были в соседних имениях Евгений Онегин со своей женой Татьяной и Евгений Ленский со своей женой Ольгой. Давно уже отгорели между ними всякие дурацкие юношеские разборки, и крепкая дружба заняла место ссор и ревности. Они поженились лет пять-семь назад, уже подросли дети, и была их жизнь проста и счастлива.

Ну, разве что супруги друг с другом не спали.

Не хотелось.

Никакой психологии! Мы не знаем, почему так было. Просто как-то так вот было. Прекрасные были семьи, но секса в них не было. Остановимся перед завесой тайны и не будем залезать в их постели, чтобы посмотреть, что там и как.

Не будем. Но мы можем послушать разговор друзей-мужчин на выезде. Ну, там, на охоте, на пьянке, или на выезде в центральный губернский публичный дом.

"Что, брат Ленский, опять жена достала?"

"Да, брат Онегин, и не говори. Мне дом родной не мил. И в спальне крокодил".

"Ах, Ленский, а ведь жена твоя – милашка! Я б с удовольствием за нею приударил!"

"Так и приударяй, а я – слуга покорный! Так ревностью достала – мочи нет! Ведь я же верный муж, Онегин, посмотри! А что служанки нравятся порой, или цыганки там какие – ну, ерунда ведь, дорогой! Я говорю: да хрен с тобой, давай мы сами поиграем – ну, будто ты служанка или кто... "Ах, грязный ты мужлан!" – она мне восклицает. "А я чиста, и вот супружеское ложе – я в чистоте его храню!" Храни, храни, и вправду так оно уж чисто – забыл, когда мы трахались на нем!"

"Быть может, ты ей поводы даешь для ревности большие?"

"Не зли меня, Онегин, бог с тобой. Меня ты знаешь – я горяч порою, так ты таков же. Вся разница меж нами – что я пытаюсь быть с ней честным, с Ольгой. Ведь хочется, чтоб вправду – друг сердечный! Мой милый, милый друг сердечный! – как в песенке поется. Ты ж

своей спокойно и безбожно врешь. Я удивляюсь, как Татьяны чуткой сердце ей правду не нашепчет – боже мой!"

"Да брось, мой друг, какую правду? Что ездим мы с тобою к проституткам? Иль правду о кредитах в банке? Она ведь знать не хочет ни того, ни этого. Сидит себе спокойно у окошка, на речку смотрит..."

"Да, большой романтик – твоя Татьяна. Только так грустна... Бывает, посмотрю в ее глаза – и сердце замирает".

"Да, кто б ее расшевелил, Татьяну эту... А ведь когда бываешь ты у нас, она счастливее становится на вечер. Уж это точно. Твои истории потом припоминает, или шутки... Я тебя прошу: ты заезжай почаще к нам домой. Хоть с Ольгой и с детьми, хоть сам собой. Со мной она лишь злится, а с тобой – с тобой она оттаивает сердцем. Татьяна, милая, гордячка, злюка!..."

Ах, долгие российские просторы, любая дорога – дальняя, времени вволю! Едут двое мужчин, оба сильные и страстные, как эти северные стихии – Лена! Онега! А с женами своими совладать не могут.

Прошло много-мало времени. Все по-прежнему, то в сердцах холод, то в телах. Люди любят друг друга, а делают друг другу больно. Все реже Онегин и Ленский живут в своих домах, все чаще куда-то скачут. Сестры плачутся друг дружке, крестьяне носят оброк, дети растут, погода – а, и погода дрянь! Вот погода уж точно могла бы быть лучше!

Долго ли коротко, да только настала у Ленского с Ольгой совсем плохая пора. Попробовали они съездить в путешествие, но через месяц вернулись, злые и растревоженные. Ольга Владимира заела, он уехал от нее, где-то растратил или проиграл деньги, она его еще пуще заела уже по этому поводу – и так по нарастающей. Был Владимир поэтом, может, и сильный духом, да телом слаб – слег в горячке. Вот уж когда слег, настал в их доме мир. Это который худой лучше доброй ссоры.

Уже третий день лежал Ленский в горячке, когда в дом их пожаловал изрядно выпивший Онегин.

«О! А почему ко мне гонцов не слали? Привез бы вам отличные средства! И от горячки, и от глупых мыслей! Ах, Ленский, как ты похудел! Глаза ввалились! Друг мой, так нельзя! На свете этом есть еще прелести! Приятные для глаза и ума! да даже и для рук! Вот Оленька, прелестная собою! Хозяйка милая, я к вам, со мной вино! Прошу со мною разделить сей вечер!»

«Горячке это разве не помеха?» - спросила Ольга.

«Помеха! Я, мое вино, и этот вечер распрекрасный – помеха и конец дурной горячке!»

И так далее, Онегин был весел, словоохотлив, и хозяева расслабились вместе с ним. Выпили изрядно, но не до помутнения. У Онегина, кажется, было что-то на уме, к чему он шел как будто танцевальными фигурами. Он подчеркнуто красиво и приятно ухаживал за Ольгой, и ей это нравилось. В сторону мужа она и смотреть не хотела. В жарко натопленном доме Онегин расстегнул рубашку и разглагольствовал о том, что самое лучшее, когда человек здоров, силен и счастлив, а лучше и богат, и что именно такой завет дал человеку Господь Бог, и когда человек пытается уклоняться от этого, он не просто страдает, а вот именно глупо и непослушно страдает, и ничто его к страданиям не принуждает, кроме собственной воли.

«Брат Ленский, милый ты мой человек, смотрю я на тебя – несчастье из несчастий! Ты дворянин, а сам похож на битого крестьянина. Что ж за холера тебя губит? Но я, признаться, отношусь к тебе с великим уважением, и думаю, что это все ты сам с собою сотворяешь. Никто другой не властен над тобою! Не знаю, почему так нравится тебе несчастным становиться и забитым – но уважение мое мне говорит: то воля Ленского! Таким лежать тут бледным в сорочке грязноватой и стонать – то воля Ленского! И что, мой друг, с ней делать? Своей, другою волей? Я долго думал раньше над всем этим, но нынче просто пьян, и думать не хочу. Ты доверяешь мне, мой друг? Хочу тебе урок я преподать. Мне кажется, полезный для здоровья».

Владимир (уже тоже повеселевший) подтвердил, что Евгению совершенно доверяет, и готов на любой урок.

Даже Ольга вмешалась: «Поучи, поучи его, Онегин! А то уже смотреть тошно!»

«Погоди, красавица, не обижай больного! Хотя ведь это правда: смотреть и вправду тошно. По-честному, и мне. Итак, мой друг-несчастье, посмотри: вот ты лежишь, именье в запустеньи – я знаю, что говорю! – кредит потрачен, жёнка недовольна, в журналах не печатался ты – год? Два? Три? Ведь это вправду странно. Про обстоятельства ты мне не говори: я выше отмечал, что то твоя святая воля вот так вот жить. И что же? Ничего.

А вот-ка посмотри ты на меня! Давай, давай, больной, смотри, ведь я – твое лекарство! Ну-с, что же за лекарство, мы посмотрим...»

Онегин прошел к зеркалу.

«Красив! Здоров! Румянец на щеках! Сил столько, что могу... уух! Друзья мои, позвольте снять рубашку! У вас так жарко... Хочу тебе я показать (и Ольге), как мускулы играют! Не могу – так силы много! Нет, ты пощупай, Ленский! И ты, прелестница моя! И денег много! Хвалиться глупо и нехорошо, но пьяным можно! Понимаешь, Ленский? Благоучтивость мне велела прятать, но пьянство открывает, как всё есть на самом деле! Ты, друг мой, ведь не в обиде на меня?»

И Ленский заверил, что нет. Ему и вправду нравился Онегин, и мускулы его, отточенные светом лампы, и бурные речи, в которых нельзя было не увидеть правды.

«А что ж тебе, Оленька, я нравлюсь?» - спросил Онегин.

«Нравишься», - сказала Ольга.

«И ты мне нравишься, моя душенька. Сколько лет уже смотрю на тебя – все налюбоваться не могу. Это мне не от вина так хорошо, это оттого, что ты глядишь. Ну-ка, иди, садись ко мне на колени!»

«А можно?» - Ольга повернулась к мужу.

«Да уж иди, коли хочешь!» - махнул рукой тот.

«А хочу!» - и Ольга прыгнула на колени к Онегину.

Следующие полчаса Онегин качал Ольгу на коленях и что-то шептал в ухо. Ольга смеялась. А Ленский смотрел на них и испытывал многие чувства. Ревности, кажется, не было в нем. Гораздо сильнее задевали его слова Евгения, и он все силился понять их внутреннюю правду. Счастье жены ему тоже нравилось – вечно недовольное лицо, которое она обращала к нему уже несколько месяцев, смерть как надоели.

«А знаешь, брат, - вдруг обратился к Владимиру его друг, - мы тут с Ольгой хотим прокатиться. По снежному лесу! Тебя позвали бы с собой, но ведь с тобой горячка! Она твоя подруга нынче! Но без благословенья твоего, конечно, никуда мы не поедем. Что ж, Ленский?»

«Что ж, Ленский?» - повторила Ольга.

«Езжайте, Бог с вами», - сказал Владимир.

«Неужто отпускаешь?» - спросила жена.

«Друзья мои, вы самые близкие мне люди, и коли счастье вам – так и мне счастье. И вот еще. Ты, Оленька, замучила меня своею ревностью. Все время так выходит, как будто я ужасный ветрогон, изменщик, грязная скотина, а ты такая ангелица, чистота, сама невинность! И я рад, что вижу сейчас наружи ту правду, что понял и чувствовал раньше. Мы одинаковы с тобой, и это же прекрасно! И я надеюсь, что теперь ты тоже будешь это знать, и ревности не будет

больше в нашем доме! Вот это было б драгоценное лекарство! Так что езжайте!»

И Владимир, уставший от длинной речи, откинулся на подушку.

Онегин подошел к нему:

«Спасибо, друг! Так выздоравливай быстрее!»

«Давай, скачи» - ответил ему Ленский. «До встречи!»

Что же добавить к этой сказке? Разве продолжение. Ленский быстро выздоровел, а как совсем поправился, поехал в Петербург налаживать дела. Дела его пошли, безусловно, лучше – хоть и не поступив на постоянную службу, добился он в свете признания и важных финансовых выгод. О новом сборнике его стихов восторженно писал Белинский... в общем, Ленский, что называется, принял урок. Разве что поднять имение у него еще долго не получалось.

Онегин сохранил с ним дружбу; с Ольгой же скорее ее потерял. Они по-прежнему нередко виделись, но Ольга предпочитала говорить с ним разве мельком и на самые поверхностные темы. В ее глазах все происшедшее той ночью было страшной ошибкой, в которой виновато вино, злая воля рока, а пуще всего – ее растреклятый муж. Она замкнулась в своем доме и хозяйстве пуще прежнего. Муж чаще жил в Петербурге, она туда не выбиралась. В новомодное время они наверняка бы развелись, но поскольку дело было до октябрьской и сексуальной революций, так и жили порознь, в полунесуществующем браке.

Ольга училась у сестры часами сидеть у окна и смотреть, как осенние Пушкины улетают в теплые края, на прощание красиво курлыча. Татьяна же по-прежнему явно привечала Ленского (хотя бранила его за недостаток внимания к семье). Однажды, оказавшись рядом на прогулке, они заговорили о взаимной приязни, такой теплой и долгой, и Татьяна спокойно сказала, что видела бы в Ленском прекрасного и желанного любовника, кабы только он захотел того и взял на себя отвлечение внимания мужа. Когда Ленский заикнулся, что обманывать друга он не хочет, а напротив, хочет быть с ним открытым и честным, Татьяна сказала, что вот этого она ни в коем случае не допустит. «Знать об изменах Бог не велит», - сказала она, - «кабы я что-то о нем узнала – бросила бы и ушла в монастырь».

Так и осталось.

Супружеские долги: секс (-)

Ну хорошо, а если супруги друг другу не изменяют, то что еще они все-таки еще друг другу должны, чтобы не вспыхнули семейные войны? Секс – да... или нет. Сам секс тоже называют «супружеским долгом», и наверняка не зря, но это не так критично, кажется, как запрет на секс на стороне. (В смысле, многие семьи отлично обходятся без секса между супругами, годами, и это нередко вполне успешные семьи.) Тут уже законы не так строги, и общие ритуалы отсутствуют. В смысле деторождения – скорее да, и в традиционных культурах за нарушение такого можно из брака вылететь за пять минут, при полном одобрении окружающего социума. Опять-таки, род заботится о детях, как обычно. Но если говорить о сексе в смысле «порочного незачатия», то нет здесь, как мне кажется, единой системы долга. Или есть? Черт возьми, какая зыбкая почва!

Перебирая известные мне примеры, я нашел текст, который, по моему, очень красноречив и ценен в разных смыслах. Здесь я привожу его как иллюстрацию этой крайне распространенной проблемы (когда одному из супругов не хватает секса), рассказанную изнутри. Слово «долг» там не звучит, но страстей и претензий – хватает.

Дневник Оксаны

(отрывки из записей одной недели)

Итак, мое исцеление началось вчера.

Отчего ты такая довольная? – что я могу на это ответить? Оттого, что запутавшиеся ниточки вдруг становятся вполне прямыми и прочными, начинают складываться в ткань, из которой сплетается моё новое платье. Пожалуй, так.

В этот раз я знаю, о чём пойдёт речь. Я поняла это вчера, и оттого мне сегодня так легко и светло. От чувства, что *всё будет так как должно быть, даже если будет иначе.*

Теперь я пришла к теме, которую старательно скрывала от себя. Даже не так, тема мне давно была ясна. Пожалуй, сохранившаяся стыдливость, моя архетипическая патриархальность делали её пустыми и не работающими словами.

Этим летом я спрашивала у И-Цзин: *возможен ли секс в семье?* – увы, не помню выпавшую гексаграмму, наверное, стоит найти её.

Ответ был странен, и говорил о будущем, в котором победитель получает всё.

Этой осенью у меня была самая тяжёлая и осознанная депрессия за последние много лет. Почему была? Она уходит, я просто чувствую, как она отодвигается, освобождая моё дыхание. *Как можно было так долго избегать понимания того, чем она питается, отнимая у меня силы?! Конечно же, моей сексуальностью!!!* – о, Создатель, какое же я загнанное в угол существо, если способна так долго скрывать от себя давно очевидные и прожитые вещи ☺...

Угол один, и достаточно сделать шаг, чтобы выйти из него, и не пойти по диагонали к другому углу, а просто выйти из клетки. Что так долго убивало меня? Христианская мораль? – ни в коем случае, ничто во мне сейчас ей не противоречит. Стыд? – может быть. Но разве мне есть чего стыдиться? Разве моя сексуальность приносит кому-либо боль?

Страх? – да, пожалуй... Только сейчас я понимаю, что сто́крат страшнее скрывать правду своего тела и своего духа, отдаваясь переживаниям бесконечной душевности. Переживаниям ценности утверждений и принципов близкого человека, бесконечному душевному же прощению. Увы, моё *тело* не готово прощать. Оно стало сжиматься и бить тревогу, а я затыкала уши, чтобы не слышать его.

Я перестала *его* любить. Я перестала давать ему то, чем оно живёт, чем питается мой дух. Я лишила их близости, той самой, в конце которой стоит поставить три мягких знака по мнению Кортасара. И они стали мне мстить. Конечно же! Смирение – конёк на котором охотно ездит моё сознание, а всем остальным приходится бежать следом, задыхаясь и падая в грязь. Что им остаётся, кроме как хватать коня под уздцы, и не давать ему скакать?

Мне сейчас смешно. Смешно от того, что едва стоило мне признаться себе в простой и давно понятной вещи, принять её за основу – как тоска моя отступила. Я впервые за долгое время чувствую себя здоровой, полной сил, выпавшейся. Я смотрю на себя в зеркало и вижу ту самую красавицу, которую я изгнала из себя года два назад, уступив её место измождённой и обрюзгшей от обязательств бабе. Господи! Как же я могла поверить в эту чушь, пусть даже и навязанную любимым? Да, я склонна прощать и верить тем, кого люблю, растворяться в их мире, становясь просто его частью, и запирая

собственный мир ото всех, в том числе от себя. Да я ни разу в жизни не видела более красивых глаз, чем мои собственные! – а ведь это единственный неизменный кросскультуральный признак красоты! Меняются формы, цвета, приоритетные размеры груди, роста, длины ног. А глаза остаются. И не потому, что они зеркало души. Мне кажется, что глаза – это зеркало причастности к вечности, отражение способности любить...

Как я могла так погрязнуть в идее собственной непривлекательности и никчемности? Настолько, чтоб начать ненавидеть свою жизнь??? Ведь всё так просто. Принимаешь – значит, позволяешь владеть собою. А чем же ещё может мужчина защититься от ревности? От страха, что эта Женщина может исчезнуть из его жизни? *Приняла – растворишься во мне, стань моей тенью!!!* Спутница и рабыня. Возлюбленная и возлюбившая. Почему так переплетаются эти части меня?

Почему я так редко играю в объект восхищения? Почему я принимаю то, с чем не мирятся другие? Почему я не требую? Почему не заявляю бесконечно о своих капризах, так плотно вписанных в наше общество в образ привлекательной женщины?

Потому что это лишь игры. Игры, стремящиеся к тому, чтобы мы умирали, так и не познав близости и единства. Искушение славой или ничтожностью. Искушение быть принцессами, недоступными и требующими подвига. А что в этом такого действительно женственного???

Господи, как же всё просто! – моя инаковость заключается исключительно в том, что я отличаю любовь от игры, и окунаюсь в то, чего другие боятся.

Соблазнительность? Ну нет, ведь это просто доказывание себе своего превосходства над другими. *Меня все хотят, потому что я красавица и заявляю об этом каждым своим мгновением!* – мне трудно представить себе большую чушь. Я не стану этого заявлять. Я это имею. Я с этим живу. И я не стану тратить время, которого и так мало для близости на то, чтобы соблазнять ради соблазна, искушать ради искушения.

Уверенность в себе? Вот эта, позиционируемая как *да, такая я вот расчудесная и хрен с вами, если вам чё-то не нравится?!* Нет. Нет никакой уверенности. Есть только волны энергии, плывущие по миру. Я чувствую их, я пропускаю их через себя, они прокатываются по моему телу, и оставляют мокрые пятна на трусиках. Потому что возбуждение – и есть моя движущая сила. Но я не маниакальна, мне не

нужно возбуждение в чистом виде, нарастающее как буря. Оно должно вести к близости, к медитации двоих под названием оргазм... К единению того самого пресловутого мужского и женского. Секс – это жизнь. Во всяком случае – моя!

Я готовлю, стираю, пишу и целую детей из плодородного куска мироздания между пупком и треугольником внизу. Именно там создаётся моя жизнь.

О, нет! Я не хочу ебли! Я не допущу к себе никого, кто думает, что секс – это пятнадцать минут учащённого дыхания. Секс – это вечность. Это основа того, что я вообще живу. И цель, и средство, и источник жизни. Не банальный трах, а процесс, который длится целую жизнь... Мне не нужно много мужчин, и не нужно много поршнеобразных движений. Мне нужны долгие годы любви с единственным, кому я могу отдавать эти бесконечные потоки, обвивающие меня непрерывно, получая взамен потоки семени. Я не могу жить без Любви, без Секса – ух, я говорю сейчас банальные вещи, но ведь совершенно точно ощущаю разницу между этими словами с маленькой буквы и с большой. Наш язык не предназначен говорить об этом. Это язык тела, дыхания, поцелуев, прикосновений, родинок и шрамов, ногтей и волос, глаз и ягодич... И я его слышу. Я мало говорю на нём, потому что твёрдо убеждена, что он предназначен только двоим, причём беседа эта имеет смысл лишь если оба слышат и слышимы. На нём не говорят, томно облизываясь на вечеринках! И все эти люди, вращающие свою жизнь вокруг социальной сексуальности, похожи на тех, кто набирает Булгакова транслитом. Те же слова, но лишь расплывающаяся в глазах латиница, а не талантливо рассказанное чувство мира...

И когда в моей жизни Секс уступает место сексу, я умираю. Я захлёбываюсь потоками чужого вождения, я тону в них, не в силах проснуться по утрам. Почти в каждом взгляде прохожих написана такая тоска по любви, выраженная банальным *ебаться*, что мне хочется укрыться от неё, зарыться в грудь любимому, целовать его, рассказывая губами о том, как прекрасно, что мы носим такую любовь в себе, что мы не вынуждены бесконечно тосковать по ней, жадно ловя запахи встречных, и их жесты, подчёркнуто украшенные тела, оружие о том, что их половинка так и не найдена. И я смотрю ему в спящую спину, и не могу позволить себе заговорить на этом языке, ведь возлюбленный мой атеистически отрицает его существование ☺.

Мои мистические опыты никогда напрямую не связаны с психоактивными веществами, хотя последние иногда в них участвуют. Накуриться или напиться – для меня скорее уход от болезненного переживания невозможности секса. Вообще, или просто в данный конкретный момент. Я не понимаю тех, кто ест грибы и марки ради цветного кино. Не понимаю потребности курить марихуану, чтобы стало лень заниматься любовью. Не понимаю потребности пить водку, чтобы искренне трахнуть собственную жену, и делать это три часа кряду на волне жёсткой алкогольной интоксикации. Нет, я, конечно, с удовольствием участвую в процессе, только трезвый секс мне более свойственен и ценен. И то, что я так пристрастилась к травле тельца в последнее время, сейчас мне вдвойне противно – ведь я делала это, чтобы отвлечься от своего тягостного и сладкого сжимания внизу живота. Забыть о том, что я хочу секса и честно пить водку? – странный поступок, не спорю. Особенно странен он тем, что на возлюбленного моего именно алкоголь действует возбуждающе, и случается этот самый секс ☺.

Это смешно, глупо и жалко. Как просьба о подавании с отведённым взглядом. Какое-то никогда не вдохновлявшее меня садомазо.

Я хочу тебя! – а я хочу одного единственного человека, с которым у нас похожие штампы в паспортах, общий ребёнок и общая кровать, в которой мы спим, отвернувшись друг от друга. Я не обнимаю его, потому что мне невозможно будет остановиться. А он не обнимает меня, потому что хочет спать. Поразительная ирония любви!!!

Правильно ли это? Долгое время я убеждала себя, что да. *«Великая романтика сексуальности, мистика оргазма у всех расползаются под прессом быта!»* – некий постулат семейной жизни, и мы так в это верим, и так не верим, что может быть иначе.

Я верю, что должно быть иначе, что есть иначе! Что целовать одну и ту же шею каждый вечер на протяжении десятков лет с одинаковой нежностью и трепетностью – это нормально. Это правильно. Я создана для этого, и не хочу принимать иного.

Странно писать о сексе в кратких перекурах между вытиранием пыли и раскладыванием вещей по шкафам ☺.

Но, что бы я ни делала, меня не отпускает ощущение: все окружающие предметы отдадут и принимают, что сама природа нашего

мира пропитана сексуальностью и построена на ней. Что мне невозможно было бы каждый день готовить пищу, если бы это не было глубоко сексуальным символом отношений.

Как можно после нескольких лет хотеть собственную жену? – такой вопрос мне как-то задал один знакомый, коллекционирующий порнуху.

Заведи себе любовника! – классическая и единственная реакция на мои попытки рассказать, что значит для меня секс. И обе эти фразы, конечно же, принадлежат людям, для которых секс – нечто совершенно иное, чем для меня.

Я не озабоченная. Я не блядь ни с какой стороны. Я просто не могу сделать вид, что секс – это нечто обыденное, сугубо физиологичное и взаимозаменяемое с другими вещами. Удовольствие? Да, конечно. Но не это – главное.

Сколько тебе нужно секса? – вопрос для меня такой же бредовый, как и сколько я собираюсь прожить ☺. Не в моей компетенции! Столько, чтобы почувствовать, что расцепив объятия сможешь жить дальше, что сексуальность мира не может нанести тебе никаких увечий, потому что ты – её часть... Это не о власти, не о славе, не о гормональном всплеске. Это об ощущении вечности, пронизывающем меня. О времени, текущем через меня. О любви, которая предназначена мне, потому что любить – естественно. И я не могу вставить себе в матку устройство, вычисляющее частоту, продолжительность и искренность секса, потому что их невозможно измерить...

Сексуальность не красива, она вне понятий красоты. Вне понятий добра и зла, хотя часто является объектом оценок.

Соблазни своего мужа! - романтический ужин, красивое бельё и прочие пропагандируемые в женских журналах атрибуты ... Красиво! Но не о сексуальности. Так же как ГЛУПО советовать мужчине соблазнять жену, у которой упорно болит голова, ПМС, и всё такое триста шестьдесят дней в году ☺. Соблазн – это не сексуальность, это игра! Я знаю её правила, знаю лучше, чем многие другие, и не пользуюсь ими уже лет десять. Потому что соблазн – это предательство моей сексуальности!!! Это чушь собачья, ничего общего не имеющая со светом и единением, с близостью и синхронными шагами навстречу...

Я раньше не верила в то, что браки заключаются на небесах, где бы эти последние не находились. А теперь уверена, что ни в каком другом браке нет ни смысла, ни счастья. Я знаю, почему сказки заканчиваются пышной свадьбой и фразой типа «жили они долго и счастливо». Иначе пришлось бы описывать, как же им удалась эта долгая и счастливая жизнь. Написать правду – похабно, банально и т.д., а врать бесполезно. Потому что ложь эта открывается почти каждой паре, когда один из них неизвестно почему вдруг трахается с посторонним человеком, и убивает свою любовь к своей «половинке». И «долгая и счастливая жизнь» продолжается в «мире и согласии», только каждый уже живёт её сам по себе... И так уже которую сотню поколений, разве нет?

Это страшно. Я не могу представить себе, что моя рука может прикоснуться к другому хую, потому что это погасит прекрасный огонь в моих глазах, и я не смогу больше смотреть на возлюбленного своего. Секс – это Песнь Песней Царя Соломона. Это чистота взаимного принятия. Те самые гранатовые яблоки и ворохи пшеницы...

УХ, КАК СИМВОЛИЧНО!!!

Сейчас мне позвонила девушка, спросила моего мужа, и в ответ на предложение что-нибудь ему передать, стушевалась, три раза повторив *нет-нет-нет*. Моя мать после таких звонков не разговаривала с моим отцом недели две, не готовила, спала в зале, и получала дублёнку, или манто, или итальянские сапоги...

Мне раньше не приходило в голову, что он не спит со мной только потому, что жаждет другую женщину, не может предать собственную сексуальность, изменив ей со мною. Скрепя сердце, лениво бросает мне кость, когда видит, что тоска моя уже выплёскивается через край. Только от того, что я могу это предположить когда-нибудь, меня сейчас так переобало изнутри по низу живота, что лучше, пожалуй, я эту мысль оставлю ☺. Нельзя не верить тому, кто показал тебе недостающую половину твоей души. Сексуальность не может меня обмануть – слишком тесно мы с ней знакомы! Слишком много меня в ней, а её во мне – и можно думать что угодно, но только не пачкать подозрительностью, не убивать стереотипными мыслями. Увы, я знаю, что она отдаляется от таких. И может никогда больше не вернуться...

Я не радуюсь вещам. Я не могу искренне радоваться туфлям или мобильному телефону. Я радуюсь прикосновениям, поцелуям, песням,

картинам, стихам, книгам, фильмам, дробь пальцев по шее. Я не знаю, что такое вагинальное искусство, потому что сексуальность и вдохновение – двуполы. Двое создают шедевр, иногда через боль и отчаяние. Иногда – находя недостающую половинку «среди своих». Энергии текут через нас, кружатся и спутываются, чередуясь как в гексаграммах.

И как бы мой мозг ни старался отрицать мою очень женственную природу, старательно маскирующуюся под внешне бесполое существо – я такова. Я из того забытого вида женщин, которые молятся о возлюбленном своём, и считают родинки на его спине, затаив дыхание, чтобы не разбудить, и кладут холодную ладонь на свой горячий лоб, пока это способно остудить бушующую внутри – нет, не страсть, - Жизнь.

Я могу шагнуть навстречу, протянуть руку, улыбнуться и помахать ресничками, но никому, кроме единственного, не позволю даже предположить возможность секса со мной.

Я никого не осуждаю, ибо сексуальность многогранна. Я видела разные её стороны, но они были лишь масками. Теми, которые снимаются одна за другой, открывая лицо неожиданное и прекрасное.

Лицо телесной душевной и духовной верности. Лицо единения с единственным, предназначенным тебе...

И единственные тоже меняются.

И однажды просыпаешься ночью в маленькой лужице, и понимаешь, что больше всего хочешь, чтобы этот единственный остался таким навсегда.

Потому что его тело и душа парны твоим. Ваши духи различны, но где-то там, в первом толчке спермы внутри они переплетаются в один. Ради того, чтобы это длилось можно долго ломать и перестраивать себя или его – но всё бесполезно. Только принимать и быть, иначе свитая из двух нитей светлая прочность вновь распадется на два ничего не значащих друг без друга куска.

И тогда всё вновь утратит смысл, и тёплая волна изнутри понесёт на поиски другой такой же... Но есть ли вероятность найти её вторично, утратив однажды?

Не хочу терять, хочу доплетать любовью уже имеющееся ☺.

В моей жизни не было ещё мужчины, который бы так мало меня хотел ☺. *Можно не хотеть только ту женщину, которая дала тебе уверенность в том, что вечером снова окажется рядом – из ЖЖ фразочка подвернулась. О, да!*

Наверное, это ещё одна причина какого-то глобального родства, которое я переживаю со своим мужем ☺. Меня обрывает на сексе, который нужен ему постольку поскольку. Секс для меня сродни молитве и медитации, а он прагматик-материалист. Страхи наши сложены в колечко: я боюсь его, он боится своих родителей, а последние, в свою очередь, боятся меня. И сидим мы двумя мягкими игрушками у монитора, каждый при собственных страхе и страсти, и создаём ячейку общества.

- Я люблю тебя!

- И я тебя тоже всё-таки люблю.

И в этих *тоже* и *всё-таки* столько близости и тепла, что, может, хрен бы с ним, с сексом-то ☺?

...занимательно весьма ☺.

Не нужно мне больше ничего ему объяснять – вчера пришёл человек, и постарался. *И как это я раньше не замечал?* – да потому, что ты старательно не замечаешь очень многие вещи. Трудно доказывать своей жене её женскую несостоятельность, когда рядом сидит человек, постоянно стремящийся её сфотографировать, подносящий ей зажигалку и своевременно подливающий пива, правда?

Масяня, Хрюндель и Лохматый ☺...

Поэтому, конечно, стоит осыпать меня подарками, - дабы отдалить момент, когда моё домосидение закончится, и придётся безостановочно размышлять, где я, и кто в данную конкретную минуту подносит мне зажигалку, и при каких обстоятельствах.

Не волнуйся, я не стану к тебе приставать. Ты хочешь, чтобы моя сексуальность нашла себе иное применение, минет тебе надоел ☺. Она такая, она найдёт! – я просто кожей ощущаю, что колечко вот-вот разомкнётся.

Не волнуйся, я не стану тебе изменять. Потому что никому другому мне делать минет не хочется. Ещё чуть-чуть, и ты почувствуешь, как именно тебе хочется секса со мной. И начнёшь тоже создавать его, правда?

Не волнуйся, всё замечательно!!!

Все и вышло замечательно – в том смысле, что Оксана свой брак сохранила, по сей день живет там же и с тем же. С другой стороны, вышло совсем не хорошо. Через две недели после написания последнего отрывка она сделала очень сильную попытку «выйти из дома»: организовала свой бизнес и стала увлеченно им заниматься... Еще через три месяца она попала в больницу с очень запущенным воспалением яичника. Вышла она оттуда опять в очень подавленном состоянии, с вырезанной половиной женских органов, сильно поредевшими волосами. Она остриглась наголо. Еще через полгода, когда мы с ней разговаривали, она сказала: «Вот и замечательно. Проблема решена. Мне больше не хочется.»

Мы можем увидеть в этой истории иллюстрацию такого семейного порядка: секс супруги друг другу не должны. Как бы ни мучился один из супругов от недостатка секса, второй ему не должен (по Родовым законам, как мне кажется; но в отдельной семье, конечно, может быть какой угодно другой частный договор). Может быть, это жестко, но если бы семейный порядок требовал долга и здесь, наверное, всё было бы еще жестче.

Супружеские долги: «общее хозяйство» (+)

Третьим «супружеским долгом», из-за которого взвивается знамя супружеской войны, является, конечно «общее хозяйство». Я даже не возьмусь заглядывать за занавес этой драмы – там такой разнообразный бардак, что как аналитик я рискую долго не оправиться. Можно только сказать для общего уравнения: «общее хозяйство» существует внутри семейной мифологии обязательно, и входят в него в первую очередь деньги, вещи, дела по дому и жизнеобеспечению. Совершенно нормальным конфликтом является дележка ресурсов на этом поле, где разделить «по справедливости» или «по закону» принципиально невозможно. Также естественным мне представляется конфликт из-за баланса того, что каждый из партнеров хочет поиметь «себе», а что готов держать в «общем котле». Опять, разнообразие велико, но принципиальная схема одинакова. Нужно «свое» и нужно «общее», а процент вырабатывается компромиссами, торговлей, спором, манипуляциями, войной.

Вот что мне кажется важным в смысле войны за «хозяйственные ресурсы»: люди, как правило, гораздо консервативнее, чем представляется их партнерам. Я имею в виду сказку про «перевоспитание», на базисе которой разворачивается множество подобных конфликтов. Это мой опыт: я много видел сюжетов, в которой люди долго бились и оставались при своих, но очень мало – когда кто-то «перевоспитывал» своего партнера. Тут есть другой не то чтобы закон, но так, подзаконишка: партнер обычно воспитывает партнера не для себя, а для «следующего», для своего «сменщика». То есть успешное «перевоспитание» чаще происходит в рамках не одного брака, а вступает в силу уже в следующих взаимоотношениях. Впрочем, и это наблюдение мне кажется больше «молодежным», то есть верным скорее для взаимоотношений достаточно молодых людей, у которых хватает гибкости, количества партнеров и времени.

Исходя из этого, мне кажется, что очень многие вопросы, вызывающие супружеские войны – особенно серьезные вопросы – решаются не на уровне взаимного давления, а на уровне внутреннего решения – или ты принимаешь «всё это» целиком, или не принимаешь – и тоже, увы, целиком.

(С жизнью, товарищи, та же фигня.)

Супружеские долги: справедливость (-)

Сказка про справедливость – очень слабая сказка, а сильной ее делает распространенность архетипа Жертвы, где ее просто обожают и даже обожествляют. Эту сказку даже не так легко озвучить. Она подразумевает, что у разных видов человеческих действий и переживаний есть единая цена, и люди могут (в смысле, извиняюсь, должны) соразмерять свои действия и переживания друг с другом, чтобы жить друг с другом в мире. На уровне супружеских отношений эта и так довольно слабая схема не выдерживает никакой критики, поскольку выработать единую шкалу соотношения разных переживаний пока никому не удавалось даже чисто теоретически, не то что в приложении к эмоционально значимым вещам. Как считать соотношение бессонной ночи у ребенка и дня на работе, боли при родах и удовольствия при зачатии, приготовленного обеда и проездного на месяц? Может быть, будущие наши дети и сумеют выработать такую шкалу для выработки универсальной или хотя бы местной справедливости (я представляю ее себе в деньгах: каждому переживанию и действию надо будет назначить единую цену, скажем,

за бессонную ночь у ребенка одного с тобой пола до пяти лет – 1000 рублей, за секс с оргазмом после трех лет совместной жизни – 3000 р., а за приготовление супа... - в общем, можете дофантазировать за меня).

Но пока я такой шкалы не знаю, как не знает ее никто из алчущих «справедливости». Алчут они, как правило, лучших условий жизни, перекладывания забот и ответственности, в общем, нормальных человеческих вещей. Дай им, как говорится, Бог удачи. (Потому что удача людям вполне доступна, в отличие от этой совершенно неземной Правой богини.)

Вот частный случай, где сказка о справедливости действительно оказывается реальной в семейных войнах. Это принцип благодарности и мести, то есть древняя тема «око за око, зуб за зуб». Когда человеку делают хорошо, у него рождается импульс сделать хорошо в ответ, и то же самое с плохим. Это, в общем, вполне себе справедливость на эмоциональном уровне. В эту сказку, как лучшую приправу, можно прибавить поправку на любовь: и если нам сделали хорошо, мы можем (внутри семьи) сделать в ответ хорошо и чуточку лучше, а если нам сделали плохо, то мы вольны в ответ сделать плохо, но чуточку менее плохо. В семье, где такой принцип будет соблюдаться, волны конфликтов будут стремиться к затуханию. В семьях с противоположной тенденцией – где платят «за зуб», только со скидкой в сторону мести и наказания – волны конфликтов, понятно, будут увеличиваться по закону положительной обратной связи.

Супружеские долги: любовь (-)

Есть такие сказки, которые трудно изучать, потому что они уж слишком сакральны. Как будто глаза слепит чересчур яркий свет. Бог, смерть, любовь, вечность – плохо поддаются осознанию. Если я беру на себя смелость забираться в такое место, то это только потому, что я действительно хочу ограничиться единственным вопросом: должны ли супруги любить друг друга. Это вопрос семейного порядка, а не какой-то великой экзистенции.

Чтобы ответить на него, я думаю, уместно вспомнить, что в человеческой культуре, в близко-доступном ее диапазоне, есть две сказки на эту тему, не совсем одинаковые.

Сказка номер один: юноша и девушка влюбляются друг в друга, сходятся, женятся, живут долго и счастливо, рожают детей, согласно их

воспитывают, проводят друг около друга основную часть своей взрослой жизни. Сказка архетипическая, потому что ее все знают, хотя никто не придумывал. Осмыслению и анализу она не поддается; критикой ее занимались половина лучших умов человечества, но – вот она, недвижимая как хрустальный небосвод, живая и невредимая в каждом новом поколении.

Сказка номер два: юношу и девушку, не испытывающих неприязни друг к другу, женят родственники и родители (обычно с помощью третьих лиц, специалистов). Они живут долго, притираются друг к другу, рожают детей, согласно их воспитывают, проводят друг около друга основную часть своей взрослой жизни. Эта сказка была крайне популярна многие-многие столетия, но в последние сто лет резко утратила популярность в европейских культурах. Она и по сей час является основополагающей во многих культурах – например, в Индии, или в религиозном Израиле, и еще много где.

Разница в этих сказках вроде не велика, но в реальности оказывается огромной. *De jure*, в первую сказку вписаны «индивидуальность», «свободный выбор» и «любовь», любимые священные коровы европейского гуманизма. Во вторую вписаны сильные родовые связи, подчинение традиции и старшим, священные коровы «менее цивилизованных» народов. *De facto*, у поклонников первой сказки быстро распадаются два брака из трех или больше, и можете себе представить, в атмосфере каких страданий. Детей внутри этой сказки рождается мало, один-два, редко трое, и не меньше половины этих детей растет без одного родителя. У поклонников второй сказки процент разводов гораздо меньше, и если им выпадают равные страдания (которые, конечно, нам никак не измерить), то они должны приходиться в основном на ограничение свободы. Детей в этой сказке часто больше трех, самое меньшее – двое.

(Эти сказки очень плотно прописаны в культурах, и мы можем сравнивать их только теоретически, в реальности выбора между ними ни у кого из нас нет. Если человек из второй сказки, прельстившись любовью и свободой, еще может сбежать в первую, и она его вполне может принять (коли мозги с катушек не слетят от переизбытка страсти), то из первой сказки во вторую перейти еще труднее – нет культуры, традиции, специалистов-сводников и т.п.)

Нет выбора – вот и ладушки. В принципе, я упомянул об этих двух основных сказках образования семьи только для того, чтобы показать, что вопрос о любви как основе брака и «супружеском долге» отнюдь не праздный, а имеет две хорошо разработанные формы ответа. Во

«второй сказке» ответ на него однозначен: нет, любви супруги друг другу не должны. Это желательно, мило, заманчиво, прекрасно, но сама сказка строится таким образом, чтобы брак был основой любви, но никак не наоборот.

А вот в первой сказке, где брак строится на основе любви, очень возможно именно такое подспудное правило: ты мой партнер, следовательно, ты должен меня любить. Ты должен быть ко мне гипер-внимателен. Ты должен мне тот сок, который течет по родовому дереву. Ты должен относиться ко мне как к своим родителям или детям (миллион людей тут воскликнут: «Лучше!») И если ты перестанешь выделять этот сок, нектар и всё такое – на голову и плечи твои да обрушится та самая вина, что призвана карать нарушителей Родовых законов.

Очень трудно рассмотреть эту сказку беспристрастно, но кажется очевидным, что такой «долг любви» - очень рискованный порядок. Можно представить (*de arche*, по прекрасному выражению Лены Прудиус, то есть не фактически и не юридически, а мифологически) богиню любви Афродиту, закованную в цепи – ни одного подобного изображения не дошло до нас из древнего мира, и это что-то да значит. В народных сказках сюжет насильной любви встречается не редко, но кончается обычно разрывом и смертью. Афродита бежит из оков или умирает. И, что во многих смыслах еще важнее, при этом умирает сам брак, избалованный шикарным началом, но не выдержавший натиска чувств. Что и показывает современная статистика разводов.

Вероятно, «первая сказка» - это все-таки жизнеспособный сюжет, но примеров удачного его прохождения не много. Возможно, это является характерной способностью нашей культуры: она предпочитает ориентироваться на «идеалы», а не на «простые реальные вещи».

Как бы то ни было, я бы советовал своим детям относиться к браку как к сюжету, в котором «долг» прописан, а к любви как к сюжету, где «все равны» и «свободны».

6. Магическое мышление в семье

Многие реалии семейной жизни очень трудно понимать, если пытаться следовать «логичному мышлению». Очень многие процессы

слишком противоречат поведению «логичных существ, которые стремятся к здоровью и счастью».

Но есть другой формат мышления, в таких делах значительно более адекватный. Назовем его «магическим», потому что «магия» является достаточно общеизвестным производным того же типа мышления.

«Магическое мышление» не нуждается в «материальных носителях» для связывания существ и их воздействия друг на друга. В этом мире всё связано со всем, и никаких «отдельных монад» быть не может. Оно может считать двух людей одним и тем же человеком, и считать одного человека ответственным за грехи другого. Оно часто очень аккуратно ведет «бухгалтерию», где учитываются и подсчитываются вопросы долга, вины, разрешений на счастье, деторождение или убийство, и так далее, только эта логика остается неизвестной «рациональному мышлению», чаще всего из-за того, что последнее «не хочет иметь ничего общего» с «магией» и «первобытной глупостью».

Этот сюжет взаимоотношений «магического» и «рационального» вам, вероятно, знаком. В ряду гидравлических метафор я бы нарисовал его так: представьте себе сад, который поливается из двух водопроводов. Один из них старый, мощный и питается из подземного русла реки (поэтому вода очень вкусная). Второй водопровод построили совсем недавно, трубы там подчеркнута блестящие, проводочка одно заглядение, а питается он из водохранилища, сделанного из реки надземной. Водички в нем гораздо меньше, да и качества она слегка городского, да и денег она стоит ощутимо за каждый кубометр, зато все видно, красиво, и «не зависит от природы». Первый-то водопровод от природы зависит, у него какая-то сложная собственная жизнь, в результате которой вода то идет потоком, то исчезает. Из первого бабушка поливает – даже иногда заливает – сад и огород. От второго работает стиральная машина и питьевой фонтанчик у входа, которые поставил зять.

Основные важные для семейной жизни принципы «магического мышления» примерно такие:

Все члены одного рода связаны в единое существо. Однажды попавший «внутри» уже никогда не выберется «наружу», разве что будет изгнан (это частая угроза, которая очень редко реализуется).

Внутри Рода – магически «застрахованное» пространство, в котором вероятность «страшных вещей» гораздо меньше, чем во

«внешнем мире». «Во внешнем мире» человек, например, может случайно и безвозвратно погибнуть. «Внутри Рода» даже смерть подлежит компенсации: тебя продолжат, заменят, выкупят, за смерть отомстят, оплачат и т.д.

Младшие члены Рода получают от Старших «наследство»: вместе с жизнью и заботой в него входят семейные долги и «незаконченные» дела, которые младшие должны стараться «закрыть» и «закончить» (например, отомстить, воздать, сделать успешно когда-то неудавшееся дело и т.п.)

Тяжелая судьба, большие долги или вообще некая мощная внешняя сила могут быть «подкуплены» принесением жертв – счастья, здоровья, детей, жизни.

Один из семьи может собою расплатиться за своих близких (чаще всего – ребенок за родителей).

Если мы всё делаем правильно, то Бог на нашей стороне.

И так далее. Я хочу подчеркнуть, что даже если сторонникам «рационального мышления» претит и кажется не логичной любая из «магических» конструкций, это ничего особо не меняет. В пьесе взаимоотношений этих двух форматов мышления «рациональность» слишком часто страдает высокомерием и стремлением к вытеснению «соперника» без его изучения – причем именно страдает. Наиболее рациональная часть нашей популяции – взрослые мужчины – явно подвержены сильной смертности и многим иррациональным бедам (вроде алкоголизма и гипертонии). Эта пьеса может протекать гораздо веселее и интереснее, когда ее участники своими знаниями делятся, обмениваются, и понимая ограниченность каждой модели, стараются найти «общий курс».

Те люди, которым «общий курс» удается, говорят, становятся сильными и гармоничными.

Все основные понятия этой книги – замещение, идентификация, слияние, вина, любовь, жертва – это попытки обозначить «магические реалии» в семье и как-то в них разобраться.

Идентификация

Психологи придумали такую странную сказку: что какой-то человек может бессознательно ощущать себя не собой, а кем-то

другим. Вот именно на полном серьезе (и человек, и психологи). Не похож на кого-то, что прилично и привычно, а считает себя кем-то.

Как сказал бы грубый Трикстер, такие предьявы доказывают.

Ну, давайте докажем. Почему нет.

Давайте даже попробуем сделать это полноформатно и красиво. Устроим диспут наподобие университетского. Выходят на сцену Нормальный Человек и Глубинный Психолог. Или, даже, скажем, как в КВН: команда Нормальных Людей и команда Глубинных Психологов. Сокращенно, команда НоЛ и команда ГлуП.

Капитан ГЛУП: Мы тут до чего в своем психоанализе додумались. Вот у нас есть девочка (*берет какую-то девушку из команды*), так она так живет, что кажется, что она думает, что она не как она, а как ее бабушка, которая умерла, когда ей был годик.

Бабушку вначале выбирают, а потом выносят. Через почетную минуту возвращают уже как экспонат.

Капитан НоЛ: а у нас есть такая сказочка, что вот эта девочка Глубинная Психология (*выбирает худшую из своих девушек*) живет и думает, что она вся из себя такая молодая и продвинутая Глубинная Психология, а потом оказывается, что она ее древняя бабушка по имени Чушь. Собачья.

ГЛУП (*обрадовано*): То есть вы понимаете, как можно считать себя собственной бабушкой?

НоЛ: Только в партикулярном смысле вышеуказанного примера!

ГЛУП: Вот только без грубостей, пожалуйста! Все равно ж встретимся, дружок – запьешь, и до белой горячки. И ко мне. Но тогда уже только на назидание потомкам.

НоЛ: А че бабушка – пила?

ГЛУП (*обрадовано*): Начинаешь понимать! Вот это бабушка. Скажем, для театра, баба Галя. Так вот, баба Галя – пила! (*В руку бабы Гали вставляется бутылка*). Она много пила, и ее дочь, хорошая девочка, ее у нас звали Света (*ставит еще одну девочку из своей команды*) – Света не хотела быть такой, как ее мама. Ну, к примеру, понимаешь?

НоЛ: Нет, так не понимаю, а к примеру немножко лучше понимаю.

ГЛУП: Галя пила, Света изо всех сил не пила, она что угодно делала, только чтоб не быть такой как ее мама. Она вместо этого – родила! Она родила девочку Гулю.

НоЛ: Татарка, что ли?

ГЛУП: Почему татарка? Русская. Да и какая разница. Нормальное русское имя Гуля.

НОЛ: Ну предположим.

ГЛУП: А Галя умерла. От запоев. Или от внезапной опухоли. Это неважно. А дальше происходит вот что: Гуля вырастает такой же, как Галя.

НОЛ: В смысле, похожей на собственную бабушку?

ГЛУП: Да, очень похожей. Но, на самом деле, это больше чем похожесть: она действительно представляет себя бабушкой Галей. И это проявляется в том, что самые важные вещи в своей жизни она делает так, как их сделала бы бабушка Галя. О которой, кстати, в этой семье почти никогда не говорили. Потому что, например, умерла она именно от запоев и этого все стыдились.

НОЛ: То есть с бабой Галей она совсем не общалась.

ГЛУП: Видела пять раз в жизни в возрасте до года.

НОЛ: И как вы это узнали, что она считает себя бабой Галей?

ГЛУП: Когда в 18 лет она умерла от наркомании.

Теперь выносят девочку Гулю.

НОЛ (*удивленно*) Это вам вскрытие показало? Разрезают Гулю – а там Галя?

ГЛУП: (*в сторону*) Вот тупой народ! (*Громко*) Нет, без вскрытия! Просто! Потому что это логично!

НОЛ: Как логично? Мета-логично? Или пара-логично?

ГЛУП: Нет, логично в смысле сюжета истории. Вот умерла девочка Гуля. От наркотиков. Как полная дура. Хотя была очень не глупой девочкой. А тут она вдруг как будто бы повторила судьбу своей бабушки. Которую она не знала.

НОЛ: Но это ничего не доказывает!

ГЛУП: Ладно, пусть, это теория. Но она красивая. Она стройная. Она логичная.

НОЛ: Это все чисто эстетические факторы! «Красивая» и «стройная» - это не про познание реальности. Это скорее про бабу. (*Оглядывает экспонат*). Галю.

ГЛУП: Ну ладно. Ну, не обязательно мне верить. Но (*орет*) ОТЧЕГО УМЕРЛА ДЕВОЧКА ГУЛЯ?

НОЛ (*пяťась, примирительно*): От наркотиков.

ГЛУП: Нет, на самом деле отчего? Ну, наркотики – это же хрень такая, ужасно неприятная, зачем-то же их надо принимать? Вот быть умным

человеком, а наша Гуля была (*стучит ее по голове*) умной! На олимпиадах побеждала!

НОЛ (*успокоительно*) Ей волю парализовало.

ГЛУП: Кто? Кто ей волю парализовал?

НОЛ: Наркотик. У него такое качество. Внутримозговое.

ГЛУП: То есть у вас такая версия: живет девочка, а потом к себе в голову запускает такое существо Наркотик. Оно маленькое?

НОЛ: Д-да...

ГЛУП (*берет самого маленького члена команды и ставит перед собой*): То есть она говорит Наркотику: «Иди сюда!» Ну, давай, Гуля, говори!

Гуля манит Наркотика пальцем, ласково подмигивая и причмокивая языком.

И Наркотик походит к ней... Так... И залезает к ней в голову (*Наркотик залезает на Гулю*)... и теперь оттуда командует: Принеси мне вот то! И еще меня побольше! Давай-давай! А теперь умри! Вот пофиг, прямо сейчас умри!

НОЛ: Ну, может, не совсем так...

ГЛУП: А как? А вы покажите, вот прямо на наших актерах покажите!

НОЛ: Я и на своих актерах могу отыгаться, спасибо. Я вообще не понимаю – чего вы мне навязываете какой-то спектакль?

ГЛУП: А потому что надо же понять, отчего умерла девочка Гуля!

НОЛ: От наркотиков!

Наркотик спрыгивает с Гали, по-балетному подбегает и целует Капитана Нормальных в щеку.

ГЛУП: Так, хорошо, смотрите. Должен быть сюжет. История. Понимаете разницу? Должны быть события и актеры. Вот я вам поставил спектакль. Он гладко идет, он внутренне логичен, в нем есть актеры и события. И драма. И смысл. А у вас тоже, может быть, есть драма и сюжет и смысл, только про него ничего не понятно! Как вы историю эту представляете, понимаете? Ис-ТО-рию!

НОЛ: Я вообще глубоко сомневаюсь в вашей невербальной пресуппозиции, что понимать можно только через историю. Монадно и объективно тоже можно понимать, кто философию учил! Но извольте, раз уж вам иначе не объяснить, я вам покажу историю. Кто там у нас? Груня?

ГЛУП (*мстительно улыбаясь*): Пусть Груня.

НОЛ (*расставляет на сцене*): Вот Груня, вот Галя, вот Света. Галя умерла.

ГЛУП: Почему?

НОЛ: От тяжелой судьбы. Военное детство.

ГЛУП: Изобразите!

НОЛ: (*ставит несколько мужчин вокруг Гали*). Вот: нищета, голод, разруха. Муж погиб на войне (*хватает за руку паренька, который играл Наркотика*) – Вот! Молоденький муж! Погиб на войне! (*Актер падает*) Ну, и пила, конечно!

ГЛУП: Конечно, действительно, что же может быть логичнее!

НОЛ (*не замечая иронии*): Она пила, у нее был цирроз печени, она умерла. Ее дочка Света была хорошим человеком. Она работала. В свой срок родила дочь. Воспитала как смогла. Но Света много работала, времени у нее было мало. Дочке она внимания уделяла недостаточно. Гуля выросла во дворе. Там ее научили плохому.

ГЛУП: Курить...

НОЛ (*не замечая иронии*): Курить. И... ну, не знаю, что еще. Что-то ужасное. Показывать сиськи!

ГЛУП: Требую иллюстрации!

Гуля убегает, половина мужского состава за ней гонится, включая Наркотика.

НОЛ: Нет, ну так же невозможно работать! Ваши иллюстрации – жуть собачья. Но я закончу, чтоб ВАМ не казалось, что я не могу построить логичную историю! Ее во дворе приобщили к наркотикам.

ГЛУП: Кто?

НОЛ: Я не знаю!

ГЛУП: Ну придумайте!

НОЛ: Какие-то подростки.

ГЛУП: О Господи, конечно, подростки! Она сама подросток. КАКИЕ подростки?

НОЛ: Не знаю. Жуткие.

ГЛУП: Тогда спектакль у нас идет полным ходом, отлично иллюстрируя вашу историю.

За это время Гуля обегала сцену три раза, нагоняемая мужской толпой. Наконец они ее хватают.

А зачем они наркотик стали ей давать?

НОЛ: О Господи, не знаю. Ну, так ее удобней контролировать.

ГЛУП: А зачем ее контролировать?

НОЛ: Ну, чтобы трахнуть.

ГЛУП: Логично! Давайте, ребята!

Публика ревет.

НОЛ (*тревожась*): Подождите! Не здесь! Это нас не интересует!

ГЛУП: Почему же не интересует? Очень даже!

НОЛ: Вы же мыслящий человек! Дело не в этом!

ГЛУП: А в чем?

НОЛ: Ну... дело не в сексе! От этого, в конце концов, не умирают! Умерла она от Наркотика!

ГЛУП: Так!

НОЛ: Да! Поэтому для нас главное – Наркотик, а не секс!

ГЛУП: Ну-ну, пожалуйста, ставьте, что вам надо!

НОЛ (*возбужденный фантазией*): Она сама даже первый раз попробовала этот наркотик. Из чистого любопытства. Девчонки пробовали, и она попробовала.

ГЛУП: Она протянула к нему руки...

Гуля протягивает к Наркотику руки.

НОЛ: Да, она протянула к нему руки...

ГЛУП: И сказала: «Иди ко мне, мой сладкий!»

НОЛ: Да, почему нет, то есть в реальности она ничего не говорила, но в вашем дурацком спектакле она могла бы сказать: «Иди ко мне, мой милый!...»

Гуля (*повторяет*): «Иди ко мне, мой милый...»

ГЛУП: «...мой ласковый, любимый муженек!»

Гуля (*повторяет*): «...мой ласковый, любимый муженек!»

НОЛ: Постойте! Это же муженек из сцены бабы Гали!

ГЛУП: Вот именно.

НОЛ стоит. ГЛУП молчит. НОЛ молчит – ГЛУП стоит.

ГЛУП: Повторяем фразу: «Это – муженек – из сцены – бабы Гали». Это именно то, что я вам хотел показать.

НОЛ (*слегка понимая*) Что этот дурацкий наркотик может быть мужем бабы Гали? Убитым на войне? Но это полная чушь!

ГЛУП: Но эту фразу сказали вы!

НОЛ: Смотря в каком смысле! (*Сдается*). Впрочем, понимаю. С философской точки зрения вы правы. Я прихожу к одинаковому с вами выводу в результате неких непротиворечивых рассуждений, этот же вывод изначально пытаюсь опровергнуть. И единственным аргументом в свою пользу я числю невозможность представить себе это.

ГЛУП: Что наркотик и человек могут быть одним и тем же?

НОЛ: Да.

ГЛУП: Но это в сюжетном смысле. Они просто играют одинаковые роли в одинаковых спектаклях. Но один про бабу Галю, а другой про ее внучку Гулю. Кстати, не Груню, а Гулю!

НОЛ: Вы, кажется, считаете, что детали здесь могут быть заменяемы на многие другие? Раз это архетипическая история? Почему вам так важно это имя?

ГЛУП: Потому что «Гуля» очень похоже на «Галя». Это раз.

НОЛ: И это еще один якобы аргумент в вашу пользу...

ГЛУП: Чем богаты, тем и рады. А что еще может сделать логика, как не собирать доступную информацию и выделять доступный нашему пониманию смысл?

НОЛ: Тут мне опять нечего возразить.

ГЛУП: Кроме того, «Гуля» по определенной логике будет гулящей. А теперь посмотрите на мужчин, которые у вас играли всякие невзгоды – как вы их вокруг бабы Гали поставили? И эти же кадры по странной случайности бегали за Гулей, чтобы ее изнасиловать.

НОЛ: Да, формальное сходство...

ГЛУП: Но ведь этот спектакль полностью придумывали вы! Ну хорошо, имена придумал я, а вы переврали. Понимаете, да? Вы, как капитан команды, своей личной фантазией создали спектакль, который совершенно и полностью мне на руку! Вы предали команду! Наверное, я вам заплатил до игры!

*Команда **НОЛ** волнуется. Наконец решается, набрасывается на своего **Капитана** и увлакивает его за кулисы.*

ГЛУП: Спор окончен. Мы победили.

Спор не окончен. Мы не победили. Сказка остается сказкой. Но я много раз в жизни видел спектакли, подобные описанному выше. То есть в этом споре между идеей, что внутренняя логика может быть вот такой странной – символической – родовой, и что этой внутренней логики вообще нет (потому что как «нормально» можно сказать, что запыленный солдат сороковых годов и плохоочищенный героин девяностых – одно и то же?) – в этом споре я много раз видел победы вот этой странной логики. И долго аргументом против этой логики «тайной идентификации» я возражал только потому, что как-то она в голове не укладывается. Но это не аргумент. Тем более что это все сказки, и они и не должны в голове укладываться, им разрешено быть волшебными.

Я бы не настаивал, что речь идет о чем-то большем, чем о сказке, но эта сказка очень интересная, и с далеко идущими последствиями. Согласно этой сказке, важные (даже именно самые важные) детали жизни одного человека могут определяться не случайным набором событий с миллионом вероятностей, а тем, что этот человек повторяет судьбу кого-то из своего Рода, причем чаще всего человека, которого он лично не знает. Способ передачи информации при этом получается вроде бы совсем мистическим, и это тоже аргумент «нормальных людей» «против». Но и как передается электрическое поле, мы не знаем – как-то так вот передается, по своим волновым законам, и все привыкли, и не выпендриваются, дескать не буду в розетку ничего вставлять, пока не пойму, как ко мне пришло напряжение. Кто к тебе пришел? Ток! Ампер! И начинается аналогичный спектакль: как пришел к мужику в гости Ампер и началось... То есть, другими словами, привычное – не финальный аргумент правильности. К электрическому току привыкли, никто не понимает (ну, кроме каких-то супер физиков) – и ничего, у всех электрическое поле распространяется. Потому что это модель, которая работает. И у нас модель. Ну, не такая большая, мощная модель (так и хочется показать на бабу Галю, но мы уже сошли со сцены, так что нельзя, не по правилам). А так, маленькая такая моделька. С гулькин нос. Такая сказочка. Про бессознательную идентификацию.

В каждом отдельном случае эти идентификации нужно изучать отдельно. Похоже, человек может идентифицироваться с разными людьми из Рода, не то чтобы всегда только с бабушкой. Как вам такая картинка: с абортированным ребенком этой бабушки? Или с дедушкой противоположного пола? Это ужас, на что психика способна – в

смысле, способна извращенная фантазия тех, кто так строит семейные модели. Хотя фантазия – тоже психика, с другой стороны.

Только смотреть и безжалостно сверять, и чтобы несколько важных деталей сходилось. Наркомания, погибший муж, имя – это важные детали. Хотя бы три? Пять? Сколько их надо, этих деталей? Три – точно нужны, по трем точкам строят плоскость. И почти все нормальные психотерапевты вам добавляют что-нибудь вроде: и еще нужно вот такое чувство в животе. Но мы-то с вами, в такой серьезной книге, о таком писать не будем. Просто для честности надо добавить: и еще вот такое чувство где-то в животе, или в сердце, и где там у кого анатомически располагается интуиция...

Иногда мне кажется, что я могу понять, какая родовая (и следовательно, магическая) логика лежит под этим. Представьте себе, что Род хочет, чтобы все его члены целиком и полноценно прожили свои жизни. Не знаю зачем. Ну, может есть какой-то набор этих историй, и они должны повторяться, в определенном роду определенные истории. А если человек свою историю недопрожил – Род ее хочет разыграть еще раз. Чтобы целиком. Родить нового члена и чтобы он проиграл эту модель поведения до конца.

Ведь практика в основном показывает, что объектами идентификации служат скорее «самые слабые» члены Рода, а вовсе не самые сильные (что было бы гораздо логичнее с точки зрения выживаемости). Ну, может быть, сильные не приходят к нам на изучение, ОК. Но, все-таки, важно, что в практической работе обычно находят идентификации с: плодами абортотворения и выкидышей; рано умершими (как баба Галя в этом полностью надуманном примере); самоубийцами (как та же баба Галя, в сущности); жертвами уж очень несправедливых (и потому редких) событий вроде массовых убийств...

Таким образом, можно сказать: идентификация – это как бы попытка родить в семью заново того, кто «не состоялся»; другими словами – раскрутить полный потенциал определенной поведенческой модели. Не нам решать, какая модель успешна, а какая нет. Решать Богу и эволюции. Эволюционно, выживают самые приспособленные. А вы знаете, кто такие самые приспособленные? Я знаю только одно определение: это те, которые выживают.

И то, что я помню из теории эволюции, мне говорит, что модель бессознательной идентификации с одним из предков может быть совершенно логичной в том числе и биологически – потому что отбор идет не на уровне особи, а на уровне популяции. Хорошо понимаете?

Любой отдельный экземпляр для большой эволюции вполне безразличен, решают массы. Ген имеет смысл только будучи распространен среди большого количества особей, то есть когда он «растворен» в популяции. И оказывать свой эффект он таким образом может только на уровне популяции. Даже если отдельной особи этот ген приносит кучу неприятностей, и даже если смерть. И поэтому, например, животных с очень коротким жизненным циклом больше, чем животных с длинным, хотя пожить, наверное, в одном теле всем бы хотелось. И поэтому, например, пчелы собирают мед для не родных детей, или вот жалят толстокожих неприятелей, при этом погибая сами. Одна особь погибает, но для рода это выгодно – и ген такого камикадзе будет выигрышным, и потомство его размножится как песок речной. Хотя лично ему это неприятно, и он даже, наверное, не знает, почему он так поступает, этот пчел.

Так и мы – мы не знаем, но смысл, скорее всего, есть. Или был, так тоже эволюционно может случиться. Но, если по чувству внизу живота (хотя, раз я мужчина, какие у меня там чувства? так, ерунда одна), то смысл есть. Но это уже как природа электрического поля – такой высокочастотный туман, что никому не интересно.

Лишь бы работало.

Невидимые члены семьи

Центральной метафорой психоанализа является, на мой взгляд, такая картинка: темное пространство (бессознательное) и лучи света (сознания), пронизывающие тьму. И в хорошем варианте эти лучи могут быть направлены куда угодно. Но почему-то в этом темном пространстве особенно выделяются некие зоны, как будто особенно темные. А лучи сознания, обычно вполне прямые, при приближении к этим зонам начинают странным образом изгибаться, кривиться и разбегаться в стороны, вопреки нормальным своим привычкам. Эти зоны как бы не просто невидимые, а специально невидимые. Во многих смыслах их можно назвать черными дырами сознания (в частности, потому, что они поглощают большое количество энергии, то есть сознание во многом «работает» на свои «черные дыры», вечно их подкармливая и никогда не замечая).

То есть простое наличие невидимых элементов системы никому особо не важно. В комнате, где я сейчас сижу, полно невидимых мне сущностей, но пока они не пересекаются с моим миром (то есть зоной

моего осознания), мне до них нет дела, и я с ними отлично уживаюсь. Тут у нас и бактерии, и духи, и волны, и электромагнитные поля, и социокультурные феномены. Но. Если какая-нибудь, например, бактерия, коварно в моем теле размножившись, вызывает, например, его заболевание, то она «входит» в мой мир, и тогда я уже постараюсь ее осознать. Эта бактерия невидима, но важна.

Так и «невидимые члены семьи» - важны именно потому, что играют в системе важную роль. Причем не в прошлом, а в настоящем. Поэтому мы и пытаемся их изучать.

Ну и кто бы это мог быть, такой невидимый?

Попробую рассказать вам сказку-историю, чтобы дать пример.

Жизнь такая штука, Мэри...

Жили-были Иван да Марья – горячие любовники, но пока не муж и не жена. Все вокруг, впрочем, были уверены, что они поженятся. Оба учились: он в педагогическом институте, она в медицинском. Своей жилплощади у них не было, встречались где придется.

Ну, разное происходило, жизнь, месяцы, годы. Как-то жарким летом Ваня и Маша поссорились. После этой ссоры Ваня уехал в турпоход. И там он встретился с девушкой Настей. И показалась она ему очень мила, и он ей оказался люб. Весь поход они счастливо спали в одной палатке, не вспоминая про свою жизнь в городе.

А в сентябре, уже в том самом городе, оказалось, что Настя беременна. Как говорится, угадайте с трех раз, от кого. Ну-ка, Ваня, на ковер! И начал Ваня на том ковре корячиться, и не было ему там ни единой удобной позы, не то, что в палатке. А он был хорошим парнем, между прочим. Просто ситуация оказалась нехорошей. Ведь он-то правда любил Машу! Как только вернулся он из этого чертового похода, так они сразу бросились друг к другу и помирились. И Маша тоже по-настоящему его любила. Но теперь с этой любовью что-то нужно было делать, она уже не текла медовой рекой, а вспенилась бурунами. Настю Ванины уговоры не трогали: она его любила, и делать аборт категорически не хотела. Пока Ваня колебался, маялся и мучился, Настя встретилась с Машей, они вдвоем о чем-то поговорили, а затем Маша исчезла. Срочно ушла в академотпуск и уехала к родственникам в далекий край.

Ваня, зажатый в угол совестью и родственниками, обессиленный и несчастный, женился на Насте. Он страдал от любви к Маше, пытался ее найти, но Маша непреклонно обрывала все его попытки. И

постепенно ситуация кое-как успокоилась. И приблизились выпускные экзамены.

В мае Настя родила девочку. Ваня, сам не свой, почти не обратил на это внимания, он по-прежнему метался, сдавал экзамены и страдал. Но его новые родственники не очень-то и ждали его горячего участия: они привезли маму с ребенком в отремонтированную квартиру, выпили и погуляли, нарекли девочку именем Мария и вообще бесстыдно продолжали заниматься той мышью, возней, что у мещан именуется жизнью. Ваня стал жить в этой квартире только уже осенью, вначале, конечно, с ссорами, а потом постепенно привязываясь к новой жене и ребенку. Девочку папа с мамой стали называть почему-то на английский манер: Мэри. Может быть, из-за популярной песни Пугачевой, которую любила в то время напевать Настя.

Никто и никогда не вспоминал больше в этой семье о Маше. В смысле, наверняка это делал Ваня, но, конечно же, втайне от всех.

В таинственное и прекрасное время раннего детства Мэри влюбилась в своего папу. Она говорила, что хочет на нем жениться, и все родственники покатывались со смеху. Но что-то же было в этой странной детской любви, и многие психологи даже думают, что именно она положила основы сексуального развития Мэри. Как тонко чувствующая влюбленная женщина, Мэри учуяла, что у Вани в сердце кто-то есть. Не мама, а кто-то другой, кого он любит сильно и тайно. И явная и смешная любовь Мэри к папе внешне оборвалась, когда она решила, что будет любить его точно так же, как он ее – сильно и тайно. Пусть, решила она, он живет с мамой, но любит ее.

В таких темах наше обычное сознание не срабатывает. Любовь приходит к нам как сон, мы не знаем откуда, и не знаем, куда она потом девается. Мэри выросла в нормальную хорошую девочку. Правда, она сильно ссорилась с мамой. Когда она стала подростком, они стали ссориться невыносимо, отвратительно сильно. Иногда казалось, что Мэри мстит своей маме Насте – но за что? С папой у Мэри, между тем, отношения были довольно хорошие, пока он не пытался мирить своих женщин.

Мэри превратилась в девушку, а дела в семье шли все хуже. Как-то в сентябре мама с дочкой устроили жуткий скандал, и семья затрещала по швам. Иван начал серьезно думать о разводе. Мэри стала требовать разделения квартиры. Развод становился все более и более реальным, и наконец произошел. Квартиру действительно поделили на две, и Мэри получила возможность жить в каждой из них. Вначале она жила с папой, но потом у него появилась любовница, и Мэри перекочевала к

маме, но там они стали очень ссориться, и Мэри ушла в общежитие, потом к мужчине, потом уехала в другую страну, потом вернулась и стала жить с мамой, а затем ушла к третьему мужчине... Она как будто не могла найти себе места. Мама снилась ей в виде ведьмы, с зубов которой капает кровь, и ей казалось, что то ли она сама одержима каким-то бесом, то ли все-таки мама... Ее мучила совесть, что она развела своих родителей. Она думала о самоубийстве.

Лет в 25 Мэри была симпатичной молодой женщиной. Она работала психологом в центре детского развития. Целыми днями Мэри возилась с малышами и считалась, да и была очень хорошим и душевным специалистом.

Лет в 28, расставшись с очередным мужчиной, она попыталась-таки совершить самоубийство. Была зима, и Мэри бросилась с моста в ледяную речку. Ее спасли, но она тяжело заболела. В горячке и в соплях она валялась в областной больнице, где ею особенно занималась добрый врач Мария Евдокимовна. Когда Мэри выписалась из больницы, она просто влюбилась в эту прекрасную пожилую женщину. Она продолжала приходить к ней в больницу, а затем и домой. Они общались как подруги, и Мэри постепенно рассказала Марии Евдокимовне про всю свою сложную жизнь. В какой-то момент очередного рассказа Мария Евдокимовна начала рыдать, и вот тут-то она призналась Мэри о своем почти тридцатилетней давности романе с ее отцом. Она вынесла фотокарточки и рассказала за раз все, о чем помнила.

В конце этого разговора Мэри сказала:

«Мария Евдокимовна, у меня такое чувство, как будто я всю жизнь знала о вас, и была на вашей стороне. Даже больше: как будто я сама была вами, в своей собственной семье, которую всю жизнь я ведь своей как будто и не считала. Я любила папу и ненавидела маму. То есть я ее тоже любила, но – понятно... И у меня никогда не было своего места, даже когда у меня была комната у папы в доме и комната у мамы, а мне все равно было негде жить. И когда мне мама говорила: «За что ты мне мстишь?» - я не знала, а теперь такое чувство, что знаю. Я мстила за вас, за то, что вы тогда ушли, и в папином сердце осталась дыра, и я старалась ее залатать. И как хорошо, что мы встретили с вами друг друга! А то я бы так и продолжала делать всю свою жизнь!»

И Мэри-Маша тоже заплакала, и наша сказка закончилась счастливо, и еще много лет она ходила в гости к незамужней и бездетной Марии Евдокимовне и ухаживала за ней, как будто была ее дочерью.

Стоит посмотреть на психодраматические сцены или семейные расстановки на психологических группах и увидеть, как быстро и сильно люди «входят в роль», так, что через полчаса им трудно из них выйти, чтобы понять, как быстро и сильно может «попасть в роль» маленький ребенок, оказавшись в среде семейных переплетений. Ребенок ни в чем не виноват – он идет в эту роль по доброй воле и по любви. Для девочки естественно любить папу, и естественно хотеть стать той, кого папа любит. По такой логике она может «играть в маму», а может «играть» и в папину любовницу, бывшую или нынешнюю, придуманную или настоящую. А если заиграться и забыть, кто есть кто, то вот вам и бессознательная идентификация, коварная ведьма этой драмы. В которой участвует, конечно, не только сама девочка, но каждый в семье понемножку. Например, кто и почему дал Марии имя маминой соперницы – это не известно, но очень вероятно, что это сделала сама Настя, осознанно или нет воздавая должное сопернице, отыгрывая свое чувство вины от разрушения чужой любви.

Магическая уловка, в которую попала Мэри, заключается в том, что одно место (как одно имя) занимают два человека. Человека два, а играется спектакль так, как будто он один. Невидимый член семьи опасен как раз тем, что кто-нибудь с приличной вероятностью занимает его место – потому что место есть, а человека как бы не видно (например, о нем, как о Маше, никто никогда в семье не говорит). А разрешение этой ситуации может наступить тогда, когда на сцену выходят два этих человека одновременно (наподобие того, чего изо всех сил не допускал «Слуга двух господ» из пьесы Гольдони). Тогда каждый из них автоматически понимает, что их двое, и младший претендент понимает, что пытается занять не свое место, прожить не свою судьбу. В общем смысле эти слова «прожить не свою жизнь» особого смысла не имеют, а в конкретном – имеют даже очень. Мэри получает возможность оставить жизнь старшей Марии ей самой, а со своей жизнью делать тогда что-то другое. Например, родить ребенка, чего она в первоначальной роли, скорее всего, не сделала бы. Так и возилась бы с чужими.

Невидимые члены семьи (продолжение)

Кто может быть невидимым, но важным членом семьи? Вообще говоря, кто угодно; главное условие – этот человек, живой или мертвый, должен быть достаточно активно «забыт». Самыми распространенными случаями я бы назвал такие:

- Убийца, преступник, дезертир, выкрест, гомосексуалист и прочий нарушитель важных родовых законов. Его «забывают» потому, что семья не хочет иметь с ним ничего общего и не хочет «пятнать» свое честное имя.

- «Опасный» член семьи, который может поставить под угрозу безопасность всех остальных. Например, дворянин после революции 1917 года; репрессированный в Советское время (где был специальный термин: ЧСВР, член семьи врага народа, и это была практически готовая уголовная статья); эмигрант в стан врагов. Этого «забывают», чтобы уцелеть.

- Слишком болезненно умерший. Например, маленький ребенок (чья роль в семье тогда скорее всего достается младшему брату или сестре). Или очень несправедливо и трагично убитый. Этого «забывают», потому что «слишком больно».

- Жертва внутрисемейной драмы. Например, брат, погибший от руки брата. Причем это может быть только сильным подозрением других членов семьи, не обязательно твердым фактом. Это может быть и кто-то «исключенный», скажем, не допущенный в семью ребенок от предыдущего брака. Этих «забывают», чтобы «сор из избы не выносить» и внутрисемейный конфликт утихомирить.

- Абортированный ребенок. Здесь может быть и внутрисемейная драма (одни хотят ребенка, другие не хотят), и «слишком болезненность», и природный инстинкт недоношенный плод «не считать». Его судьба скорее всего отразится только на его же родителях и их последующих детях, вряд ли дальше.

- Другие партнеры мужа и жены, достаточно сильные их любви. Их «забывают» из ревности, и чтобы, опять же, успокоить реальный или потенциальный внутрисемейный конфликт.

В результате такой работы по активному забыванию получается интересная картина. В семейной расстановке это выглядит обычно так: семья несогласно топчется и смотрит в разные стороны, пока не появляется ОН (или она). Он приковывает всеобщие взгляды и внимание, вокруг него выстраивается очень определенная и взаимосвязанная структура. Очень часто это выглядит как

сложившийся пазл – все члены семьи внезапно находят свое место. Приходится признать, что с большой вероятностью так и устроена живая семья: все распределены около общего центра, главного источника опасности, вины или боли. Но поскольку главный виновник драмы невидим, какие бы то ни было целительные изменения крайне затруднены. С большой вероятностью как раз на такое место попадает ребенок, чистосердечно желающий свою семью исцелить, залатать дырку, да и просто быть в центре всеобщего внимания.

Самым простым магическим лекарством от этого является напоминание. Например, висящая на достаточно видном месте фотография – чудесный оберег от «забывания» (то есть вытеснения, говоря языком психоанализа). Во всех случаях, кроме реальной опасности для жизни семьи, напоминание уместно хотя бы как профилактика. Это может быть больно и не приятно, но боль и тем более неприятность не опасна для души ни всей семьи, ни отдельного человека. Боль о пережитом и принятом прошлом гораздо легче, чем разыгрывание той же драмы опять и опять.

Неприкаянные души

Есть такие люди, которым если тепло и сытно – то они спокойно сидят на месте и даже более-менее этим счастливы. Такие бывают (я видел). Так вот, эта глава – не про них.

Есть другие люди – которых, говорят, «точит бес», у которых «ногам нет покоя», «шило в заднице» зудит и все такое. Кем «овладело беспокойство, охота к перемене мест...» Да, скорее «овладело», чем «есть такие люди» - потому что правильнее, наверное, говорить о сюжете неприкаянности, в который разные из нас попадают, кто на год, кто на десять, кто и на дольше, чем делить людей на постоянно таких и эдаких.

В этом сюжете понятно «откуда», но непонятно «куда». И «выталкивающая» сила имеет обычно совершенно таинственные причины. Я не хотел бы обобщать, как будто все подобные случаи имеют понятную мне природу, но хочу показать схему сюжета, как «неприкаянная душа» может возникнуть в семье.

По родовой логике это очень просто: человек занимает такое же место в мире, которое он занимает в своей семье. И, соответственно, нет места в мире тому, кто из семьи, по какой-то причине, почти или совсем изгнан.

Каин стал скитаться после того, как убил своего брата. Онегиным «овладело беспокойство» после убийства своего друга Ленского. Когда пропадает Иванушка, его сестра дает зарок «семь пар железных сапог истоптать», пока не найдет брата. Здесь, мне кажется, ясна магическая подоплека: виновный лишается своего места в социуме и становится бродягой, то есть как будто уходит в бескрайний карантин, где его вина исправится или выветрится, или закончится смертью. Тут надо вспомнить, что судьба бродяги во все древние и прошлые времена в основном была крайне опасной и незавидной: по многим местным обычаям и законам его гораздо проще было убить, чем местного жителя, по разным причинам, включая принесение в жертву (у многих народов как раз чужестранцами с духами и расплачивались); я уже не говорю, как просто ему было пасть жертвой грабежа, непогоды и голода. Изгнанием во многих сказках и мифах милостиво заменяют смерть, обычно полагая, что одно не сильно отличается от другого.

Магически, *de arce*, изгнание – это почти смерть, только на шаг ближе. Разница, наверное, только в возможности вернуться – в тот же сюжет, в то же место и в ту же семью.

Я хочу сказать, что «неприкаянной душой» становится тот, кто принимает на себя (вольно или невольно) большое количество вины, такое, что он уже не может спокойно занимать свое место в семье.

Я бы отличал такой сюжет от «путешествий» младшего ребенка», которого нередко «выбрасывают из семьи» просто как «агента». В классическом сюжете ему не достается достаточной доли наследства и он уходит «добирать на стороне»; большинство сказок про младшего сына (Ивана-дурака, например) заканчиваются тем, что он «свою долю» находит и – возвращается домой! Где очень часто еще и делится добычей со своими. То есть это скорее похоже на вопрос экономики и воспитания, а не «заклятья». Солдат, уволенный из армии, герой многих европейских сказок, – персонаж подобного же сюжета: за душой у него ни гроша, и шагает он как выходец с «того света», настолько мала и социально незначима его возможность остаться в живых. Он шагает не куда-нибудь, а «домой», хотя реальная вероятность существования этого дома сильно под вопросом. То есть психологически=сюжетно=магически «дом» у него есть.

В отличие от «неприкаянной души», у которой если и есть дом, то там для нее нет места. Хотя и у Каина, и у Онегина, и у Аленушки свое место было, но психологически они уже не могли его занимать.

Я также отделил бы сюжет «компенсаторный», когда из семьи бегут от гипер-опеки. В такой сюжет нередко попадают, например,

единственные дети: занимать «свое место» в семье им настолько трудно, там на них столько навешано, что единственным возможным выходом оказывается побег. В этом сюжете, если он проходит не патологично, «неприкаянность» длится не долго, а примерно до тех пор, когда человек не находит свое, относительно независимое от семьи, место. Тут, вместе с внутренним ощущением, что семья больше «света не застит» и не так уж опасна, отступает и «неприкаянность».

На языке родовой логики, настоящая «неприкаянность» следует за «исключением». «Неприкаянный» «не имеет права» на родовые ценности – прежде всего любовь, а также внимание, собственное пространство, имущество. Сюжеты «одиночки», «блудного сына», «сиротинушки», «неуловимого Джо», «непризнанного гения», «монаха», «блудницы» и прочих очень могут иметь именно такое происхождение. Все эти ребята могут не осознанно чувствовать, что они исключены из семейной песочницы, на время или навсегда.

Но если пресловутые Онегин, Каин и Аленушка хоть понимали, за что страдают, то многие из нас, простых беспризорников, расплачиваются совершенно непонятно за что. Вроде никаких особых личных грехов на многих подобных персонажах нет. Ну, может, когда убежал на дискотеку, а бабушка сбросилась с крыши. Шучу, таких историй я не знаю. Бабушки обычно только грозятся.

Но родовая логика не индивидуалистична, и вполне спокойно «исключенность» одного (старшего в Роду) переносит на другого (младшего). «Дети отвечают за грехи отцов», кажется, не по моральным соображениям, а из-за безличной родовой системной динамики. По каким-то странным причинам, например, родовые структуры имеют тенденцию повторяться от поколению к поколению. Таких примеров у меня так много, что это кажется законом: семейные структуры наследуются. В семье, где отец бросил ребенка, этот ребенок, в свою очередь, с большой вероятностью, оставит своего, причем часто в том же самом возрасте, хотя и с другими обстоятельствами; и тот, уже внук, будет очень склонен повторить тот же «фокус». Очень трудно разбирать причины таких повторов; я думаю, причин в реальности много, как вообще бывает с наследственными факторами. Это и генетика, и воспитание, и заклятие, и называйте как хотите.

Итак, честно говоря, я часто не вижу иной причины исключенности человека, чем повторение судьбы старшего по Роду. (Конечно, чаще в результате того, что удобно описывать как

бессознательную идентификацию, а не в результате сознательного выбора.)

Вторая возможная причина – человек «берет» исключенность «на себя», то есть «замещает» другого. Самый распространенный случай – когда ребенок решает «уйти» вместо родителя. Хеллингер на расстановках часто вкладывает в уста человека фразу: «Мамочка, я сделаю это вместо тебя». Это вполне возможная ситуация – и потому, что ребенок любит родителей, как нередко говорят, «больше жизни», и здесь это может получить буквальное выражение. И потому, что жизнь ребенка (маленького), биологически говоря, дешевле жизни родителя (среднего возраста).

Чтобы «неприкаянная душа» нашла успокоение, могут произойти несколько вещей. Вероятно, какие-то сюжеты, подобно уголовным кодексам многих стран, пересчитывают степень вины в первую очередь на время. То есть вину в таком сюжете можно «избыть» (какое интересное слово!) временем, как «отсидеть свое». Скитальчество может иметь свое начало и свой конец. Перед смертью, говорят, многих отпускает. Какую-то вину можно «отработать», и вероятно, многие навязчиво добрые люди пытаются заниматься именно этим. Ну, и мы в психотерапии, полагаем, что в поисках успокоения хорошо бывает понять, за что, собственно, и чья вина положила начало сюжету «неприкаянности». С увеличением осознанности увеличиваются и наши возможности «завершить гештальт». При этом, кажется, нужно только помнить, что речь, как правило, идет не об обмане, а о любви.

Не пускай еврея в свое сердце

«Дорогие мои, любимые мама и папа, и Настюша, и Митенька, и дядя с тетей, и все мои дорогие, родные люди!

Я знаю, что читать вам эти строчки трудно; а уж каково мне писать их! Но ведь лучше хоть какая-то весточка, чем такое внезапное исчезновение. Это письмо будет только одно, во всяком случае, надолго. Поэтому я постараюсь объяснить всё-всё в этом одном письме, и на все ваши вопросы – я знаю, их будет много – я уже не смогу ответить. Во всяком случае, не сейчас. Дай мне Б-г справиться с такой задачей.

Я начну с начала, и вы его знаете – это мой роман с Олегом и наша свадьба. Я помню, что почти все вы были против наших

отношений, и все по разным причинам. Почти все вы могли потом сказать мне: «Вот видишь, мы были правы, теперь мучайся, непослушная!», да и говорили, всякий по-своему. А знаете, кто правда едва не отговорил меня? Бабушка Фрося. Она была тогда уже в почти полном параличе, вы помните, и она не разговаривала, а тут вот сказала, когда я была возле ее кровати: «Не пускай еврея в свое сердце. Он поселит там печаль». Я вскинулась: «Что, бабушка?» - а она лежит как раньше, и ни у кого уже не допросишься, может, мне привиделось. Вообще в этой истории мне самой много раз казалось, что это просто мне видится, и я сошла с ума, но только теперь я решила рассказать вам обо всем. Вы бы потащили, наверняка, меня к психиатру; вот поэтому-то, на самом деле, я и пишу вам сейчас это письмо, а не говорю напрямую. Испугалась, смалодушничала; но ведь и правда, наверное, быть мне сейчас в больнице психиатрии, а не под пальмой. Все-таки голова моя работает логично, пусть даже чувства ведут себя так странно.

Конечно, я сошла с ума, еще когда влюбилась в Олега, и когда вышла за него, и когда поселилась в том доме. Я думала тогда, что это нормально – раз влюбилась, то стать с любимым одним целым. (Я и сейчас не вижу в этом ничего плохого, представляете, даже сейчас – не вижу.) Я же только Настеньке немного рассказывала, что я стала тогда чувствовать сильнее раз в триста. Не только любовь, и уколы ревности, и все такое, но и погоду на завтра, и мысли Олеговой мамы. Вот это было просто особенно сильно, и как меня это злило, прости Г-дь! Я не только знала, когда она хочет чая или думает сходить в магазин; я вообще иногда смотрела на мир ее глазами, и точно знала, что это глаза – ее! Я про Олегово детство столько всего узнала, что, когда ему рассказывала, чуть с ним не поссорилась; и не хотела, да видела. Мне уже тогда пришлось сильно ограничиться, кому чего рассказывать, а то прослыла бы совсем странной. Прямо вижу, как вы мне киваете: дескать, думаешь, мы не видели, мы всё видели! Ох, любимые мои, надо было вам со мной побольше разговаривать, не про цены в магазине, а вот про это, про страшное и манящее! Ну так, я боялась, а вы тем более, что ж я на вас-то перекидываю.

Я не спала по ночам часто. Я лежала и видела странные сны, и не спала, пока их видела, и не высыпалась, и уставала ужасно. Я так хотела родить побыстрее, чтобы уже уйти с работы, и заняться малюткой, и я знала еще, что когда забеременею, меня отпустит от всех этих видений и чувств. Ну, вы не все, да знаете: первого я не выносила.

Не буду вспоминать. До Тошеньки я мучилась еще два года, иначе это не назовешь.

Я и не помнила, что они – то есть тогда уже мы – евреи. Никто не соблюдал еврейских праздников, не делал кашрута. Олег учил иврит месяца три, потом бросил. Честно говоря, тогда я и забеременела – когда он занимался ивритом, и я думаю, что он счел это подарком Б-га за правильный шаг, потому и бросил, как маленький мальчик, получивший конфетку. Ну, может это опять моя галлюцинация, но ведь не опасная. Мне вообще было все равно, как забеременеть, в какой позе и с какой идеологией. Олегу было гораздо сложнее.

Я так много пишу, не лишнее, но не главное, постараюсь короче. Тошенька родилась, у меня было года полтора чистого счастья. Г-ди Б-же мой, я и не вспоминала ни о чем, пока кормила малютку, и мне снились коровы и ангелы, и я была счастлива в любом из миров. А потом Тошенька по ночам стала плакать, просто надрываться, а я сбилась с ног, чтобы понять ее и вылечить. Однажды я села возле ее кровати и сказала, прямо вслух, что я хочу видеть того, кто обижает мою малютку. Что вместо всякой чужой ерунды, которую я наблюдала в этом доме тоннами, я хочу увидеть только одно – кто обижает мою малютку.

Вот тогда я сошла с ума гораздо сильнее, но ведь я хотела этого. Я увидела маленькую девочку, лет четырех. Она стояла в тонком мире возле детской кроватки и ничего не делала, но Тоша ужасно ее боялась. Я взяла ребенка на руки и ушла в другую комнату, и она замолчала. Через несколько дней я уговорила Олега перебраться в другую комнату, но эта девочка стала приходить и туда. Впрочем, Тошенька стала гораздо меньше ее бояться, с тех пор, как я стала ее видеть и успокаивать не абы как, а рассказывая ей про эту девочку. Вот, скажете, сошла с ума, и ребенка туда же потянула. Но она правда успокаивалась.

Девочку звали Циля. Я с ней разговаривала. Не при ребенке, а сама, когда Тоша спала, а я лежала в бессоннице. Она мне говорила «да» или «нет», одними губами. Она была совершенно потерянная, иногда топталась в углу, как будто идет по дороге, или переносила с места на место свою сумочку. Я знать не знала, кто она такая, и честно говоря, мне видеть этого ребенка было веселее, чем мысли мамы Олега или картины каких-то побоищ, как раньше. Нет, не веселее, конечно, потому что, на самом деле, это всё было очень грустно. Просто я уже привыкла к грусти, не зря у меня уже была, как говорил папа, «еврейская печаль в глазах», как обручальное кольцо. Бабушка была

права, если, конечно, она это говорила, про то, что еврей поселит печаль в сердце.

Если бы у Тошеньки не испортился характер, если бы она не стала ранить себя как будто нарочно, если бы не началась эта странная ее болезнь, я бы, может, так и осталась со своими тихими галлюцинациями в мире. Доктора не знали, а я знала, что эта болезнь – не эпилепсия и не все их умные слова, а вызывает их Циля, причем не нарочно. Ей просто было одиноко и страшно, и она затягивала мою Тошу к себе. Но нарочно или нет, мне было все равно. Я ничего в этой жизни хорошо не умею, была плохой – да-да, мне так кажется – дочкой, никаким специалистом на работе, но мама я хорошая, или во всяком случае, стараюсь.

И тогда я стала разговаривать с Цилей. Она приходила, и я ей говорила: Циля, не смотри на Тошу, ей от этого плохо, смотри на меня. Пожалуйста, рассказывай мне, как ты живешь. Она не говорила словами, она показывала мне картинки, и это были такие ужасы, что только ради своего ребенка я могла это вытерпеть. Это была война и убийства евреев. Я так поняла, что в ее семье убили всех. А она выжила, и где-то пряталась, и может быть, до меня постепенно стало доходить, прямо в этом доме.

Я поняла, что ничего не знаю про семью своего мужа. Я спросила его маму: а как звали ее родителей, ведь никто никогда не упоминал их? Она ничего мне не сказала, а сказал уже Олег поздно ночью, что она выросла в детдоме, ее потом забрали оттуда родственники, но она все равно ничего не знает, кроме того, что почти все погибли в войну, а мама, хотя и выжила, сошла с ума и исчезла, когда ее родила. Жуть! Но имя мамы, то есть своей бабушки, он знал. Ее звали Циля.

И, родные мои, это был не последний ужас в том доме. Я всё, всё пропущу, и расскажу вам только, что однажды Циля пришла за моей дочкой. И я схватила ее за руку и стала уводить из дома. Было трудно ее тащить, совсем как маленького насмерть испуганного ребенка, но я сама была такой же, только физически сильнее. Я привела ее на опушку леса и там уже отпустила. Тогда она сказала: «Сюда меня привела Фрося».

Правда, вы тоже не знаете никого с таким именем, кроме нашей бабушки? Может быть, это все привиделось мне, но в моей голове вышло так, что маленькую Цилю в войну кто-то прятал, а моя бабушка, соседка, так боялась, что однажды взяла ее за руку ночью и отвела в лес, и там бросила. Вот и всё, больше у меня не было «глюков». Поэтому Циля хотела забрать мою дочку. Может быть, поэтому я

влюбилась в Олега. Может быть, как раз из-за этого в моей жизни произошло столько необычного.

Я бежала в Израиль, вместе с мужем и ребенком, потому что обещала так тогда на опушке леса этому маленькому ребенку. Она очень хотела, чтобы мы стали евреями, хотя она не знала, что это значит. Теперь я зато это уже знаю. У меня теперь другое имя, и у Тошеньки тоже, и у Олега, и мы живем хорошо – честно-честно! И дочка моя совершенно здоровая, хотя здесь мы вообще не ходили по врачам. Я взяла ее болезнь на себя, так мне кажется. И моего сумасшествия тоже никакого нет, так кажется. Я работаю, учусь. Хочу забеременеть, пока не получается, но обязательно получится.

Почему я уехала тайно – вы, наверное, понимаете. Простите меня. Мой раввин говорит, что мне не нужно писать вам какое-то время, чтобы мне было легче войти в свою новую жизнь. И я думаю, он прав. Б-г даст, пройдет сколько-то времени, и мы увидимся, и вы удивитесь и посмеетесь моему новому виду. И хочется верить, тогда уже в глазах моих уже будет счастье, потому что где-то есть край боли, даже такой большой, как еврейская.

Здесь никто не вспоминает о Холокосте – ну, о гибели евреев в ту войну. Как-то не принято.

Я тоже забываю эту историю стремительно. Когда-то расскажу ее Лее, то есть Тошеньке? Не знаю.

Будьте счастливы, мои родные! Наша семья – большая и здоровая, и мне кажется, мы можем себе позволить отдать одного из нас в еврейство, как раньше отдавали в монастырь. Ну, я шучу. Знайте только, что я не пропала, а вполне жива-здоровая.

Ваша М.»

7. Как оно неправильно

Слияние с матерью

Если помните среди образов этой книги такую вроде бы физическую модель про людей в семье как частицы в общем поле, то у этих частиц есть несколько рисков, в основном – из поля вылететь, либо слипнуться. Почему слипнуться плохо – не совсем очевидно. Так же как почему господь Бог создал нас в виде одиночных существ со

вполне индивидуальным телом и психикой. Почему-то это так. Для меня это не вопрос теории, скорее то, что я наблюдал в жизни и работе, меня настроило на такой лад. Как-то слишком много боли и искореженности я видел в людях, слишком (психологически) сросшихся с другими.

Эти «другие», впрочем, почти всегда – мамы.

Есть как будто какая-то заколдованность в том, что с мамой очень трудно установить «правильное» расстояние. Там очень и очень часто – или слияние, или отвержение. Или «два в одном флаконе», вообще смесь не для здоровой жизни.

Я давно работаю не с детьми, а со «взрослыми», и потому верю в сказку, что сепарация – нормальный и необходимый процесс. Другой вопрос, что сказки про «правильную сепарацию» не существует.

Иногда возникает такое ощущение, что «быть правым» перед собственной мамой в принципе невозможно. Можно по-разному быть неправым.

Я написал два наброска, один «получше», про более-менее часто встречающуюся форму слияния с мамой, в виде такой бескрайней тоски, разлитой по жизни, и никогда никуда не приводящей. Второй отрывок – из более жесткого формата слияния.

Мамочка, долюби меня!

В этой сказке нас трое: я, моя мама... и еще кто-то, кого моя мама любила, но не долюбила. Наверное, это я – но тогда я ничего не понимаю! Почему иссяк тот поток? Почему я сижу как у высохшего русла, где еле струится какая-то мутная фигня и ковыряюсь в камешках и отбросах, а я ведь помню, что здесь была чудесная здоровенная река? Или я не помню, но знаю, что она должна здесь быть?

Здесь где-то чего-то не хватает, и я ничего не понимаю. Я только знаю, что мне больно, что мне нужна моя мамочка, чтобы любила меня, а ее нет, есть совсем другой человек. Да и меня, наверное, нет – той, которую мама могла бы любить! Что же – во мне память другого человека? Нет, это моя собственная память, память маленького ребенка. Мне просто где-то не хватило, не хватило любви!

Мамочка! Долюби меня!

Я не уйду – мне некуда идти! Никто не будет так меня любить, я знаю. Уж это-то я точно знаю, я пробовала! Я вытягиваю к тебе руки и

говорю: мама! мамочка! – а мне в ответ ничего не протягивается, потому что всё, поезд ушел, уже никто никогда не вернется.

Даже малюсенького шанса – нет!

Я злая и подлая, я пойду и расскажу сотне людей, что ты меня не любишь и не любила, что ты мне столько всего испортила, что ты дура, что ты столько всего потеряла и всё по своей вине. Я буду им рассказывать про то, как ты потеряла папу и как ты потеряла работу, и мое уважение, и все такое, а на дне своей маленькой души я буду помнить, что на самом деле это ты – меня, мамочка, потеряла, и это самая главная загадка, почему же и как. Почему ты меня не долюбила? Ну что тебе стоило? Я же была такая маленькая и ничего особенного не хотела!

Я просто хотела, чтобы ты меня любила, любила все время, как свою руку и свое сердце, постоянно, неотрывно, переплетясь каналами, мамочка!

Долюби меня, а?

"Мамино тело", бред, безумие

У меня нет своего тела. У меня тело моей мамы. У моей мамы два тела - свое и мое.

Не знаю, что она делает со своим (и знать не хочу!), а моё она запирает на ключ.

Потому что она не хочет, чтобы мои соки доставались другим. Она хочет всё забрать себе, мою молодость, мою красоту. Она высасывает это через пуповину, которая так и осталась между нами.

Я смотрю в зеркало и вижу ее лицо.

Я ложусь под мужчину и знаю, что он трахает мою маму.

Поэтому мои мужчины - ммм... - мне они кажутся уродами. До или после, или во время, какая разница? Они трахают мою маму, а я не хочу, чтобы ей было хорошо.

Мне сладко быть блядью, потому что моя мама такая чистенькая, такая спаси Господи, такая закрытая на все замки в своей башне вечной дурацкой правоты, которая тысячу раз растоптала моего бедного папу.

Пусть, пусть ее жизнь бьет по жопе - хотя бы и по моей, мне себя не жалко, у меня нет тела.

Ты меня, мамочка, так и не смогла родить целиком.

Ты, получается, и не мама вовсе.

... А вы, мужчина, отойдите. Извини, ты хороший парень, но мне не до тебя.

Я люблю только свою маму.

Третий отрывок – из переписки мужчины и женщины. Она рассказывает ему о том, как пыталась покончить с собой. Он говорит, что это было не хорошо – прежде всего потому, что у нее маленький ребенок. Она отвечает:

«Я поняла, почему меня невозможно вытащить из не очень хороших состояний апелляцией к тому, что «у тебя же ребенок». Обвинovatить – можно, с большим успехом. А заставить что-то делать – нет, увы.

Это потому, что я не отделяю ребенка от себя. Я не прошла сепарацию (дважды не прошла – ни как ребенок, ни как мать), и ребенок мне представляется частью меня самой. А если это так, то ради него не можешь захотеть жить. Когда не хочешь жить ради себя, то можешь захотеть ради другого; но не ради того, кого от себя не отделяешь. И, если так, то понятно, почему с ним, оставаясь вдвоем, тоже не живешь – кажется, что живешь только на людях, а если он – это часть меня, то с ним я не на людях, естественно. Мне кажется, я стала понимать Медею. Я не об оправдании, а об объяснении. Я думаю, что Медея убивает детей не для того, чтобы отомстить. Медея убивает детей потому, что не отделяет их от себя; это такой способ самоубийства, когда для собственно самоубийства чего-то не хватает. И самоубийство лучше. Чем такая жизнь с ребенком изо дня в день.

Да, если ребенок воспринимается как часть себя, а себя не любишь... - что тут говорить, все понятно...»

Вот из-за подобных раскладов я и стерегусь слияния, и предпочитаю сепарацию при всей ее неприятности и болезненности.

Так ведь я мужчина.

Это вообще кажется мне одним из тех мест, где следует уважать мужчин. Мы изначально склонны рассматривать другого человека – пусть собственного ребенка – как другого человека. Мамы к этому изначально не склонны, и многих людей спокойное и «отдельное» отношение отца кормит во взрослой жизни не меньше, чем мамино

слияние кормило в детстве.

Статусные нарушения: «Победа над родителями»

Про этот сюжет немного трудно писать, потому что он настолько распространен вокруг, что в каком-то смысле является нормой. Его главный симптом, наверное, можно описать очень просто: это когда ребенок думает, что он умнее своих родителей.

Слово «умнее» здесь не очень принципиально, но это просто самая понятная и распространенная форма симптома. Дело здесь, конечно, не в уме, который у всех разный бывает, и в общем, у всех довольно одинаковый. На место «умнее» можно поставить «сильнее», «лучше», «старше». Дело не в уме, а в статусе, который «магически» таким образом заявляется. А статус заявляется очень интересный: ребенок – главное своих родителей.

Говорят, в древнем Китае был культ предков, и предки изначально считались ближе к «благородному прообразу» и выше потомков во всех важных качествах. Для нашей культуры эта сказка кажется просто дикой, под такую лапшу даже первоклассник не подпишется. «Мир прогрессирует» и «дети лучше родителей» - это очень родственные сказки. Такова культуральная установка, здесь мы во многих смыслах бессильны.

Мы можем только наблюдать, куда приводит такой сюжет.

Конечно, для разных из нас, кто попал в него, существует разные обстоятельства. Кто-то расскажет, что для родителей он был не важен, роли свои они исполняли плохо, и поэтому ему пришлось стать «родителем самому себе». Кто-то объяснит, что родители – люди со слишком тяжелой судьбой, на них и оглядываться-то не хочется, не то что признавать главенство. Есть истории про «тупых» и «жестоких» родителей, из-под власти которых еле живой ушел – тот, кто теперь о них слышать не хочет. Есть истории про «совсем глупых» родителей, которые и в своей-то жизни не могут разобраться, не то что в нашей. Есть истории такие и истории сякие, но вывод из них один – родители авторитетами не считаются. Да, есть еще много историй, где о них самих приходится заботиться, то на работу устраивать, то замуж выдавать. Какие уж тут авторитеты.

Пока вы «нормально» беседуете с «нормальными» людьми, все эти истории проходят перед взором вполне спокойно. Ну, надо же, как

жизнь сложилась. А начинаешь разбираться в этой жизни, исследовать ее базис и отправные точки – а там всё орет: «Папа! Мама!»

И оказывается, что в этой сказке первым эпизодом является «опускание» родителей, а вторым – пустота и тревожность, что «не на кого опереться», вой по поводу одиночества, жалобы на невероятные тяжести, которые приходится тащить. Узнаете сказочку, нет? Герои этой сказки вначале слишком много берут на себя, совершая «акт отрицания родителей», а затем оказывается, что столько они тащить не могут.

«Генерал, мы столько всего завоевали, что непонятно, что с этим делать»

«Не отдавать же назад. Грузите обоз».

Сюжет «победы над родителями» часто вытекает из известных нам уже сюжетов. Например, из сюжета «Обиды-на-родителей», только в такой форме, когда обиды хоронятся под компенсаторным слоем «я уже выше этого» и «обижаться не на кого». Или из сюжета «Супружеских войн», где ребенок вначале побеждает одного родителя в союзе с другим, а потом всю жизнь не может переварить эту победу. Это же очень вероятное продолжение «Эдипова треугольника», где «победа» оборачивается долгой и жестокой расплатой (зарисованной, например, в скорой главе про «Комнату Небесной Милиции»). В сюжете «Безотцовщины» ребенок не признает одного родителя из солидарности с другим, но потом с большой вероятностью из союзника становится мстителем – и таким образом, теряет обоих. Из сюжета «Гипер-опеки» выросший ребенок может бежать, спасая остатки разума и самоидентичности, и попасть сюда же.

На выходе из такого сюжета – часто сюжет «Неприкаянной души». Еще одно возможное продолжение – «Бездетность»: детей легко рожать в мирной череде поколений, опираясь на помощь старших (и материальную, и психологическую), и трудно – в одиночку; а еще труднее, когда ты «на себе» «тянешь» мало того, что себя, так еще и собственных родителей.

Это, впрочем, отдельный разговор – про «парентификацию», «родителей своих родителей». «Победа над родителями» - сюжет тривиальный и вполне демократический; «парентификация» - экзотичнее и круче.

Честности ради, я хочу признать, что люди, которых я встречал в сюжете «Победы над родителями» очень часто казались мне

прекрасными людьми. Например, по уровню взрослости, ума, ответственности. Как говорят в Белоруссии, «А может, так и надо?»

Откуда рождаются дети

(Эскиз о парентификации)

За последнее время несколько десятков человек на моих глазах (и ушах) сочинили сказки про то, как родились-появились разные сказочные персонажи. И электрочайники, и гладиаторы, и мать-терезы, и прочие интереснейшие герои. Конечно, легко прослеживаются основные варианты.

Сейчас хочу рассказать про одну вариацию, которая встречалась во всех группах, и по-моему, достойна восхищения и мифологического изучения. Речь идет о сюжетах, в которых герой родился – сам. Безо всяких родителей. В разных сказках это обыгрывается по-разному: он просто появился посреди леса или дома, его принес ангел или аист, он сам себя сложил из разноцветного песка и так далее. Родители, даже если и есть в такой сказке, уже знакомятся с героем пост-фактум. Еще одна нередкий вариант – те родители, которые есть, - «не настоящие», а где-то есть другая пара, «родителей истинных». (Прекрасная была сказка про «Профессиональный Праздник Грузовых Аистов», где они все напились и в тот день перепутали множество младенцев.)

Что объединяет авторов этих сказок? Мне кажется, общая их настроенность в отношении своей родительской семьи, легко вычисляемая из таких сюжетов. Тот, кто родился из ниоткуда, никому ничего не должен. Особенно он не должен две вещи: во-первых, признание-почтение-уважение; и во-вторых, знание о том, как (была) устроена родительская семья. Почти всегда человек говорит что-то вроде: там был такой ужас, что вспоминать не хочется.

А в своей семье, очень часто говорит такой персонаж, я построю всё совсем-совсем по-другому.

Можно в рамках сказкотерапии много рассказать о такой сюжетике: и ее героическую жанровую устремленность, и ее очевидную теневую сторону (соответствующую зонам бессознательности у самого человека), и привести мощные мифологические примеры подобных благодатных сюжетов (рождение героя-спасителя, вроде Моисея). Не здесь. Меня в рамках изучения семейных структур заинтересовало другое.

Понятно, что это, с «высокой» точки зрения, в основном наглость и глупость, обычные атрибуты героического жанра. Глупость, в основном, потому, что «в своей семье» вся основная структура с большущей вероятностью будет слепком с родительской. И чтобы этого не произошло, то родительскую структуру как раз стоит изучать, а не забывать.

Но меня в этой «наглости и глупости» заинтересовало другое. Люди, которые рассказывали подобные сказки, уж никак дураками не выглядели. И, так или иначе, они имели на руках козыри, откуда-то им доставшиеся. Ну, они, понятно, обычно говорят, что собственным умом, но ум-то на то и ум, что знает свои границы, и что источники энергии – они не в уме.

А я смотрю на семейные расстановки и ловлю там присутствие какой-то фигуры, обычно чрезвычайно властной и благожелательной. Она нередко и в сказках видна: кто-то же их родил, этих, которые «сами по себе»? Тут у нас двое из троих скажут: «Господь Бог!» Здравствуй, как говорится, дедушка Мороз, мы тебя ждали!

И получается там часто такая картина: прямая связь с дедушкой Морозом... ну то есть, извините, с Богом. То есть формулировать-то это можно по-разному, и по-православному, и по-язычески, и как хочется. Фея-крестная из сказки про Золушку – тот же персонаж, кстати, из той же оперы. Не зря Эрик Берн интересовался ее отношениями с Золушкиным папой, «чем они там занимались, пока Золушку отправили на бал?» Почему? – потому что такое место она занимает в семейной системе. Нет, конечно, не папиной любовницы. «Высокий предок», как говорили китайцы, тот, «через которого проявляет свою волю небо».

Так вот в чем я часто вижу тайную семейную структуру таких людей: они считают, что у них более прямая и лучшая связь с Господом Богом, чем у их родителей. Из такой позиции сразу следует много выводов – и что родителей можно не слушаться, это только самый тривиальный. А позицию их, получается, можно назвать родительской над собственными родителями. Может быть, просто как очень плотный «договор» с тем дедушкой (или бабушкой), которые действительно находятся в позиции родителя над родителями. То есть настолько «плотный» договор, что действует в обход, а не через родителей. А то и покруче – как личное замещение фигуры деда Мороза (тут важно слово «деда», как вы уже, наверное, заметили).

Деда Мороза = деда Лао Цзы = деда Ошо = бабушки Арины.

И тут в некоторых случаях можно только развести руками: удобно устроились! Конечно, если тебе покровительствует Сам, то можно неплохо жить и кое на что с прибором положить!

Но гораздо чаще хочется подойти и пожалеть, и мозги (которые у этих персонажей обычно очень умные) почистить. Потому что с раннего детства играть родителей, и за собственными родителями стоять как за детьми – это тяжелая ноша! Особенно при том, что часто ничем, кроме собственной гордыни, она не оправдана и не подтверждена.

А уж когда они сочиняют сказки, в которых «я – бог», тут уж совсем становится... неловко, что ли... перед богами... или так просто, перед своими-такими-же-людьми... и хочется сказать: не бейте их, люди, ибо не ведают что творят!

Но люди, по базовой схеме – это глас божий. Если бьют, значит, так надо.

Собственно, за гордыню что и получать, как не побои. Каков запрос – таков ответ.

Но крутимся помаленьку, тяжковато, но привычно. Годам к сорока (своим) многие даже воспитывать родителей перестают.

Комната Небесной Милиции

«У меня заявление. Про сексуальность».

«Ну, давай. Пол, возраст, жалобы?»

«Тридцать пять. Женский. Жалобы... Как-то оно у меня тяжело. Большею частью не надо. Я себя завожу...»

«А не встает. Ясно. Ну-к, постой в стороночке, сейчас разберемся. Анализы кто делал?»

«Нормально все. Только вина зашкаливает».

«Ничё себе только! А на какой предмет?»

«На фаллосообразный! Я откуда знаю. Так на всех мужиков. А там и очень ничё себе попадались».

«Значит, не на них. Ну, историю болезни тащите! Ага... Ой, ё! Слышь, девушка, выйди из помещения, покури там на лестнице».

«А можно я здесь постою?»

«Тогда не мешай разговорами. Слышь, Габриэль, у нее первый – отчим!»

«Херово дело. Не извращенка? Не самоубийца? Так пусть, наверное, так и дотянет. С таким анамнезом – куда ей в дамки...»

«Не, подожди. Давай чуток покрутим. Отчим – третий, если от родного отца считать. Ну, уже не такой прямо инцест-инцест».

«А, один хрен – победительница Эдипова треугольника. Успешная соперница мамы. Победа с виной сцеплены на всю жизнь».

«Ну че, давай маму притащим. Попробуем все-таки. Так, повесточка... Ага, здравствуйте, уважаемая. Мы тут с вашей дочкой разбираемся. Скажите, пожалуйста, тот ваш муж образца 92-го года...»

«Мне мужем не был. Мы с ним не расписывались».

«Это не важно. Какие у вас были отношения?»

«Он мне здорово помог. Во-первых, уйти от мужа...»

«... образца 89-го года, это ясно. А еще?»

«У меня были большие долги. Он помогал мне их выплачивать».

«Ага. А как у вас с ним было – в плане секса?»

«А почти никак. Вначале было, потом не было. Грубая скотина, хоть и с двумя образованиями...»

«Вот оно как. А то, что он с дочкой вашей спал, вам известно?»

«Когда узнала, чуть его не убила».

«И выгнала».

«И выгнала».

«Но долгов уже особо к тому времени не осталось».

«Что-то осталось, я уже сама доплатила».

«Вот и получается у нас такая история. Влезла ваша дочка, получается, не туда. Не в свой огород, так сказать. Мы это можем как ее вину прописать – конкуренция с мамой, месть за второго отчима – он же был ее самым любимым, я так понимаю? И в свете такого обвинения захлопнуть ее половые органы до старости. Так?»

«А вы бы как наказали мерзавца?»

«А мерзавца здесь нету, и это – не наше дело. Я про дочку, она у нас в наказанных получается».

«От меня вы что хотите?»

«Сейчас объясню – а потом назову. Другая точка зрения: дочка все это делала ради вас. Ради семьи, скажем. Выплачивая ваш долг этому мужчине. А то ведь как – он столько для вас делал, а вы ему – не давали. Нехорошо. Да и семью надо было спасать – а то бы ушел и этот, как трое до него. Она и спасала. Как умела. С вашего тихого ведома».

«С моего ведома?»

«С вашего – скажем – попустительства. Там за полтора года сколько сцен было, так сказать, наводящих. Вы же их не видели. У кого на работе с кем роман – видели, а тут почему-то нет. Дочку как козырь выложили – и успокоились. И по такой схеме – у вас теперь перед ней один должок. Который вам стоит дешево, а ей – очень дорого».

«Это - ?»

«Это ваше исконное глубинное материнское благословение. Чтобы стала дочь взрослой сексуальной женщиной».

«А у меня от этого не убудет? Давайте по-честному – это не такая палочка-выручалочка, что я ее отдам, и сама взрослой сексуальной женщиной быть перестану? Превращусь в бабушку?»

«Вот народ дремучий, я поражаюсь! Габриэль, ты запиши в программу: сказки народные читать! Ритуалы блюсти! Оно ж всё в народной мудрости прописано, ёклмн! Нет, уважаемая, от вас – не убудет. Благословение – не деньги».

«Хорошо, я попробую».

«Так, девица, материализуйся поближе. Готовы ли вы, мама, в наконец-то здоровом уме и твердой памяти, дать ей свое благословение на сексуальную жизнь, свободную от вины за вашего четвертого мужа? Забрать его, так сказать, себе, куда он и принадлежит?»

«Готова, да... Подождите... Да, готова. Люби, девочка моя, кого хочешь. Счастья ты все равно с ними не найдешь...»

«Не, Габриэль, я от этой работы сдохну раньше вечности! Ты слышишь, что она ей говорит?»

«А что она еще может сказать? Сама счастья не видела – так она его дочке пропишет? Спасибо, если ту вину снимет. Всё, всем большое спасибо! Распишитесь тут: благословение дано – благословение получено. Это формальность, да, но работает именно она. Теперь оно есть, даже если вы хотите в нем еще полжизни сомневаться. Все, милые мои, до свиданья! Через месяц я вам, гражданочка, советую сходить на анализ – что там с уровнем вины. Впрочем, вы и так узнаете, если чувства (улыбается) – в том месте – разморозите».

Статусные нарушения: «Продление молодости»

(Писано под Трикстера, который напевал свое любимое: «Не расстанусь с комсомолом! Буду вечно молодым!»...)

Зябко мне писать об этом сюжете, поскольку сам я еще не вошел в тот возраст, который пугает близостью к старости, и который хочется изо всех сил подзадержать. Но, как честный человек, я обязан сказать,

что такой сюжет нередок, и есть в нем потенциально драматичные моменты для семейной структуры.

Так-то оно очень невинно выглядит – ну, хочет человек продлить время молодости – то есть, в принципе, время сексуальной привлекательности и активности. А тут как раз крема привезли. А какие крема? Да известно какие – из девственниц, да из детей. Мифологически самое верное средство продления молодости – это сексуальные отношения с младшими.

И это пока еще вполне невинно выглядит. Приличные люди ведь этих младших не насилуют: добром берут. Берут козырями статуса, опыта, опеки. Берут заниманием родительской роли, ведь родители – это драгоценнейший товар для молодых (тех, кто с собственными родителями не дружит). И вот здесь мы уже ближе подходим к тому, что же, собственно, происходит в семейной структуре от этого невинного трюка. Происходит статусное нарушение: на один психологически возрастной уровень становятся люди сильно разных возрастов.

Другими словами, происходит символический инцест. Или, чтоб не пугать такими страшными словами, происходит обращение вспять нормального родительски-детского потока любви. В «нормальном» течении родители заботятся о детях, но не хотят ничего подобного взамен – они отдают долг, полученный от своих родителей. Здесь родители уже таки хотят от детей, причем очень важных и осязаемых вещей. И дети, которые пытаются им это обеспечить, попадают, как правило, в очень трудное положение.

Я хочу подчеркнуть, что речь совсем не обязательно идет о людях, которые находят себе значимых партнеров возраста своих детей. Речь может идти о людях, которые, например, сильно оттягивают наступление настоящей половозрелости у собственных детей, потому что явно или тайно не хотят «сдавать позиции». Они не дают детям «благословения» на сексуальную свободу и привлекательность. Они так сильно лезут в «дела молодых», что по многим параметрам (не обязательно буквально) занимают место их сексуальных партнеров. Они бегут статусов «бабушек» и «дедушек», иногда игриво, а иногда очень жестко.

В этом и заключается трудность детей «нарушителей» - они получают слишком много сигналов, указующих им не взростеть, не выходить замуж, не беременеть. Они склонны приносить свои молодые отношения и семьи «к ногам» старшего поколения, которые изливают заботу совместно с очень деструктивным контролем.

В народных сказках мы можем увидеть множество примеров этого сюжета. В эти игры играет каждая вторая Ведьма и Мачеха, ревниво спрашивая, например, у зеркальца: «Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?» - и пытаюсь уничтожить «входящую в силу» падчерицу. Это как раз один из ликов «Темной матери», которая хочет высосать из этого мира побольше сладкого сока, и потому оказывается деструктивной по отношению к собственным детям. В тех рядах и Снежная Королева, и ведьма-колдунья во многих народных мифологических сюжетах, и – иллюстраций хватает, и везде сюжет примерно одинаковый, такой себе вампирский.

Увы, увы! Статусные нарушения обычно не проходят даром. Платить за них обычно приходится дважды. В таком сюжете – за продленную, скажем, в два раза молодость платой может являться: 1) собственная счастливая (или, во всяком случае, спокойная) старость и – 2) молодость детей.

Еще раз извините, надеюсь, никому не помешал.

Эта страшная химера: ЖЕРТВА

Как говорил мой давний учитель Михал Михалыч, в каждой семье идет борьба за стул жертвы. Это такой волшебный стул: кто на него сядет – тот и самый несчастный. С этой борьбой связано огромное количество жалоб, нытья, настоящего и фальшивого самопожертвования, ревности, неудач, болезней, недомоганий, депрессии, и даже, вполне вероятно, некоторое количество самоубийств. Со стороны это может показаться странным, но изнутри это ощущается как совершенно нормальное дело.

Магия этого не совсем понятна – почему столь прекрасно быть самым несчастным? В нашей культуре это кажется самоочевидным, но все же присутствует ведь где-то и другая логика, более простая, по которой прекрасно быть счастливым. Так что дело не так просто.

Большинство сказок про жертв (а я выслушал их страшное количество) показывают, что жертву не очень волнует «реальное» количество несчастий. «Семь бед – один ответ», на какую там болезнь больше или на сколько денег меньше – это не так важно; часто кажется, что все подобные беды, к которым жертва заранее готова, служат чем-то вроде топлива для костра или ингредиентов для супа: все беды и несчастья как будто складываются куда-то и идут на общее дело. Эрик Берн, мне кажется, говорил о том же, когда писал о «купонах», которые жертва «накапливает».

Так вот, чем жертва реально озабочена – так это вопросом «кто виноват?». В принципе, если в сказке значимо стоит такой вопрос – можно не сомневаться, что разворачивается история трагедийного жанра. Это обычно слышно с самого начала сказки: ни герой, ни трикстер не задаются серьезно вопросом вины и невинности, а жертва вот именно всегда напирает на то, что она не виновата. Если в начале сказки человек говорит что-нибудь вроде: «Суслик никого не просил себя рожать», то вы можете быть уверены, что в конце этой сказки будет плохо.

Лет десять назад я думал, что жертва – это тот, кто много сталкивается с несчастьями. Но постепенно такая модель стала казаться не рабочей. Последние несколько лет я представляю себе жертву скорее как комбайнера, главное дело которого – распределение чувства вины. Он как будто сидит в такой своей кабине за рычагами и ловко орудует ковшом, разбрасывая чувство вины куда угодно, хоть властям, хоть близким, хоть прохожим.

Как и зачем работает этот механизм? Вероятно, он «включается», когда в семье накапливается много вины. Реальной или придуманной, это вряд ли возможно легко разобрать. Скорее всего, «в начале» (если вообще возможно разобрать, где тут «начало») вина имеет реальную причину, а затем начинается процесс ее «переваривания», когда на ее место ставится вина уже полу-придуманная, как бы заместительная, с которой магически легче справиться. (Если вы представляете себе, как эволюционировали ритуалы жертвоприношения, когда на место человеческой жертвы все более гуманные поколения ставили овечку, а затем чучело или изображение, то вы можете представить, как и почему это делается). Так вот, сюжет «борьбы за стул жертвы» начинается с того, что имеется много вины, а жертва обладает тем магическим (трудно назвать это реальным) преимуществом, что вину перекидывает на другого члена семьи, и таким образом от нее освобождается.

И что же получает жертва при удачном распределении чувства вины? Ясно: собственную невинность (то есть, конечно, и возможность отлынить от работы, или иногда «ковер и телевизор» и прочие приятные вещи, но ради этого вряд ли городился бы такой серьезный огород. Хотя все эти мелкие выигрыши тоже никто не отменял.)

А зачем, наконец, так нужна собственная невинность? Основной ответ, который я вижу, имеет опять-таки «родовую» природу: невинность гарантирует принадлежность (к семье). Вина ставит

принадлежность под вопрос, и большое ее количество, вероятно, как раз и отражает вероятность «вылететь» из рода, стать исключенным. Невинность же – это место в середине, оно магически защищено. Жертва страдает, но сохраняет связи со своими. Счастливый (открыто) по такой странной логике скорее рискует свое место в роду потерять.

Мифологически жертва, таким образом, занимается «перевариванием» бед и несчастий. Возможно, семьи, составленные из жертв, занимаются обработкой большого количества вины, вызванного какими-то серьезными грехами в прошлом. И не будь у них так развита система «процентов на проценты», может быть, они бы эти грехи вполне успешно отмывали, перепасовывая чувство вины друг другу и постепенно растворяя. Может быть, в хорошем варианте эта система так и должна работать.

Мифологическая основа сюжета жертвы: жертвоприношение.

Жертвоприношение (ж/п) – очень значимая часть человеческой культуры, и если вы что-то хотите понять в магии и мифологии, вы должны хорошо понимать эту тему. Основа ж/п – идея «зуб за зуб», базис торговли, юрисдикции и мести. Но это с людьми можно торговаться или судиться, а с духами приходится общаться при помощи жертв, и в любой системе магии или религии есть целая область, описывающая, как это нужно делать.

Ж/п становится актуальным тогда, когда мы пытаемся общаться с силой, возможности которой сильно превышают наши собственные. Эти силы мы обычно называем богами или духами, и эта же логика вполне применима к роду (предкам). Мы совершаем ж/п в двух основных случаях: чтобы расплатиться за прошлый грех или чтобы добиться благодеяния в будущем. В принципе, это одна логика, близкие вещи.

Посмотрите (мысленно) на погребение значимого человека, главы сильного рода, в какой-нибудь древности. Вы увидите, например, костер, на который вместе с телом покойного возлагаются ценные для него (и для оставшихся в живых) предметы, а часто и некоторые люди – его жена, рабы, пленники. Для чего древние долгими тысячелетиями сжигали и закапывали столько добра (до сих пор гробокопателям хватает)? Чтобы обеспечить себе хорошие взаимоотношения с миром духов. Они хотели, чтобы ушедший человек не держал зла на

оставшихся (а уверенным в этом можно быть только если человек ушел осознанно по собственному желанию – причем это не самоубийство – а таких всегда, вероятно, было мало; ушедшие же с той или иной долей насилия всегда опасны). И поэтому они старались «обнулить» счет ушедшего, воздать ему, оплатить его долги, чтобы он правда ушел, а не затесался среди живущих и не мешал бы им жить. Итак: жены, рабы и драгоценности в гробнице – это старания «обнулить счет», чтобы ушедший правда ушел. (А уже когда он правда уходит в мир мертвых, он может по родственной любви благодетельствовать живым, но это другая история.)

Итак, ж/п – это магическая попытка «обнулить счет», искупить вину, умиротворить конфликт.

Теперь история.

Морской Змей и Дельфин

История эта начинается с детского вранья. Жила-была девочка Света, которая больше любила представляться мальчиком. И пока она играла в войнушки в своем дворе, она всем плела, наверное, чтобы повысить свой статус, что у нее есть – нет, не пенис – а старший брат. Но этот старший брат живет где-то не в их доме, а в таком специальном интернате, где учат молодых боксеров и бойцов.

Психолог поучил бы ее разделять правду и фантазии, психоаналитик с удовольствием поговорил бы про зависть к пенису, но Светочка в детстве их не встречала. За разные художественные небылицы в пятом классе она даже получила премию. В переходном возрасте Светик носила телогрейку и злилась на сиськи, мешавшие бегать. В ее веселой и хипповатой компании ее звали «Свет». Так ей больше нравилось.

А в четырнадцать лет Свет узнала, что старший брат у нее действительно был. Что ее папа, перед тем, как жениться на маме, жил в другой семье, и там у него был ребенок. Но уход его из той семьи был таким болезненным и все так сильно поссорились, что ни о каком общении тогда и речи не шло. И Свет даже увидела своего невозможного старшего, и был он красив и статен (она, вообще-то высокая, доставала ему до подмышки). Она с удовольствием встретила бы с ним еще, но он как раз уехал в другой город, куда поступил учиться в военный институт и жил там в интернате. Вот кто бы мне объяснил, как она это-то предвидела?

Свет была умненькой девочкой, и с мальчиковостью своей как-то постепенно разобралась, когда влюбилась и вышла замуж. Правда, на

всю жизнь осталась в ней такая сильная энергичность, как бы молодцеватость, напористость... ну да ведь это не грех. Первого своего мужа она как бы задолбала, он-то, наоборот, был тихий, как будто щуплый, ей под мышку годился. Но когда развелась и успокоилась, настала ей прекрасная молодость, сто путей открыты. Свет и выучилась хорошо, и зарабатывать прилично стала. Ну, правда, что значит прилично? Квартиру и машину все равно ей купил папа. Папа же вытаскивал ее из странных залетов-кризисов, которые случались с ней не раз, когда она вдруг теряла уйму денег, бросала работы, уходила в депрессию.

Папа купил, папа вытаскивал... Папа очень редко, но все же рассказывал ей, как поживает «старший брат». Поживал он хреново. Вылетел из института, стал сильно пить и уходить в уголовницу. Чтобы вытаскивать его, папе приходилось несколько раз напрягаться куда сильнее. Еще один раз в жизни Свет увидела его: встретились в кабаке, вроде хотел поговорить, да так и не собрался. Пьяный, злой, но по-прежнему красивый. Друзья звали его «Черт», и как-то ему это шло. Была в нем залихватская прелесть человека, которому завтрашний день безразличен, и поэтому сегодня так насыщенно и огромно.

Через семь лет после этой странной встречи-невстречи Черт погиб в пьяной драке.

Уже близка развязка, с которой, собственно, эта история начала проследиваться. Когда умер Черт, Свет держала это далеко на периферии сознания. Она в это время вышла замуж во второй раз, родила, и была беременна вторым. Конечно, она не была на похоронах Черта, и вообще не знала, где та могила. Ей было за что волноваться и без этого. Когда она родила и стала выходить из дома, оказалось, что папа стал пить совсем сильно. Он всегда увлекался, но теперь стал вести, как он же и выразился, «огонь на поражение». У него был сахарный диабет, с алкоголем в одном теле несовместимый. Последние два месяца Свет знала, что он скоро умрет, пожалуй, одна-единственная знала.

«Светка, нарисуй мне картину, - как-то тогда сказал ей папа. (Она рисовала.) – Чтобы на ней было море, такое довольно бурное, в барашках. А среди моря – дельфин. А к хвосту дельфина чтоб привязан морской змей, тоже хвостом. Как-то они так связаны хвостами, понимаешь? Оба здоровые, и оба плывут в разные стороны. Можешь?»

Какая картина в такой суеде. Свет ссорилась с мужем, впадала в тоску, чувствовала себя забитой и никому не нужной, разрывалась на два дома.

А когда папа умер, произошла самая странная история в ее жизни.

На следующую ночь после похорон муж кончил в нее, чего делать никак нельзя было. Она узнала, что беременна, через неделю. Мгновенно в ее голове слились такие мыслеформы: душа умершего может переселиться в ребенка, и так она может задержать с собой, возродить отца; муж месяц назад купил статуэтку морского змея, и конечно, вот он – этот змей, связанный теперь намертво с ее отцом-дельфином через ее тело. Свет была в шоке, а мужа возненавидела. Аборт она сделала накануне сорокового дня от отцовской смерти.

Можно было сойти с ума, мужа просто хотелось убить, в доме не утихали скандалы. Только тогда, чтобы не случилось еще худшего, Свет села писать ту морскую картину. Она рисовала и разговаривала сама с собой (детей забрала к себе свекровь). Она сидела перед холстом, водила карандашами и кисточкой, плакала и говорила:

«Вот папа, это ты, такой сильный и красивый. Ты всю жизнь помогал мне как дельфин, выносил меня из стольких бурь... Я плачу, это соленая вода, тебе от нее хорошо, и мне тоже. Я счастлива плакать по тебе. Папа, что я натворила! Я убила ребеночка, в котором могла быть твоя душа! Или это глупости, папа? Я страшно запуталась. Мне совсем не время сейчас рожать, у меня так плохо с мужем, он меня ужасно злит, я просто уничтожаю его, он так может уйти из дома, я знаю... И с деньгами теперь стало гораздо труднее. Может быть, пусть уходит? А зачем? Я люблю его, у нас с ним хорошие дети. Это он хочет еще ребенка, я бы, наверное, уже не рожала. Он меня использовал, я так чувствую. Но почему сейчас? Сейчас ты ушел. Ты хотел уйти, я знаю, тебе было так тяжело. Ты всех нас тянул. Ты не только мне был дельфином... Почему ты попросил меня нарисовать эту картину? Если ты дельфин, то кто так мешал тебе плыть? Ведь не я, папа? Но ведь и не мой муж, он ведь тебе нравился, да и, на самом деле, тебе не было до него дела, живет со мной хорошо – и ладно? Какой такой морской змей? Получается, он висел на тебе хуже, чем камнем? Папа, это твой старший сын? Это Черт? Он не давал тебе покоя, да, папа? Он мучил тебя? Он всю жизнь на тебя страшно злился, конечно. Он-то вырос без папы. И он всю свою жизнь пустил под откос. Неужели чтобы только отомстить тебе? Бедный папочка! А ты не мог уплыть от него. Один только раз уплыл, и то ведь, наверное, не от него, а от его мамы. А от него так никогда никуда и не делся. А я не замечала, я только свое с тебя тянула. Я плачу, теперь мне ужасно стыдно. Я не сняла с тебя этот груз, я сама была таким же грузом. Я хотела быть как мой брат. Слава Богу, не стала. Я все-таки была хорошей дочерью, пап. Ведь

правда? Мне кажется, ты улыбаешься мне и киваешь. Сейчас я немного схожу с ума, но ничего, сейчас можно. Так что же это был за ребеночек, папа? Может быть, это был ребеночек от тебя? Или я опять заговариваюсь? Ты как будто улыбаешься мне и говоришь: успокойся, все не так тяжело, соберись, улыбнись мне. Да, папочка. Ты мне советуешь на все посмотреть просто, да? Просто: конечно, это не твой ребенок, это мой ребенок, мой и моего мужа. Почему мы зачали его после твоих похорон? Во-первых, случайно. Во-вторых, я не могла расстаться с тобой, я хотела родить себе маленького папу. Фу, прости меня, это плохо. Я все это поняла, когда сделала аборт. Знаешь, что я сделала? Я отдала его тебе. Папа, если это чушь, то, что я говорю, то перестань улыбаться, дай мне понять. Это серьезно. Я отдала его тебе, чтобы вы были вместе. Господи, это еще один змей на твоем хвосте, да, папа? Нет? Ты прощаешь меня? Я же тоже не ангел, я злая, я хотела быть как брат. Прости меня, родимый, родной! Ведь это уже не утяжелит тебя! Теперь ты оттуда смотришь, и тебе все живые, и мертвые, и живые – отсюда разные, а для тебя одинаковые? Все, я уже ничего не понимаю. Я только хочу, чтобы все это кончилось. Чтобы ты и брат простили друг друга. Мне это важно, потому что я ваша наследница, и его, и твоя. И тогда я смогу простить своего мужа. И чтобы ты простил меня, и этого ребеночка, и чтобы он тоже простил меня. Ведь ему было бы так тяжело родиться в таком бедламе. Я потом, когда все заживет, лучше рожу. Я сильная, да, папа? Ты так и будешь моим любимым дельфином, потому что мы любим друг друга, а любовь не умирает. Умирают всякие обиды и тяжести, и наши тела, но любовь так просто не умирает. Вот, я угадала, папа, да? Все, я перестану сейчас болтать, я успокоюсь и нарисую то, что ты просил.»

Заключение

Я заканчиваю эту книгу. Она была подобна в моей жизни большому путешествию – скорее не в далекое, а в глубокое, когда

вдруг обнаруживаются невероятно важные вещи прямо там, где живешь; вот так жил-жил, не замечал, а тут как начал замечать, так было трудно остановиться. Я начинал эту книгу как описание архетипических сюжетов, давно задуманный мной труд по сказкотерапии. По дороге я «ушел в одну тему», которая оказалась такой обширной, что я понимаю, что ни в коем случае ее так и не исчерпал. Ненаписанными остались главы про развод и про смерть – наверное, слишком болезненные для меня на сегодня темы; главы про подростковый бунт и уход из семьи, про «партнеров для любви и партнеров для брака» и несколько прочих я так и не осилил. Может быть, пройдет сколько-то времени и накопится опыт работы с семейными структурами разных людей, и я напишу продолжение.

Я думал, что в книге будет много сказок. Но по сравнению с историями, которые я сюда записал, сказки мне стали казаться какими-то слишком бледными и воздушными, и их здесь почти нет.

Пока эта книга писалась, я сам понял много нового. Частично потому, что мои старые и разрозненные мысли сложились в цельную картину (эта картина в основном выписана в шестой главе о «Магическом мышлении в семье»). Но во многом потому, что в потоке этих слов я чувствовал себя не автором, а писцом, который внимает диктовке и расшифровывает услышанное на языке своих соплеменников. Это было одновременно очень интересное и довольно грозное занятие. Много раз я уставал, и под конец стал просить, чтобы поток приутих. Материал этой книги остался для меня «магическим» в разных смыслах, и многие тайны остались тайнами, как горы остаются горами, когда на них поднимаешься – вершины растут, на самый верх выйти невозможно (я и не хочу, меня сказки про отороженных спортсменов или блаженных архатов на Эвересте никогда особо не радовали), и чем больше видишь, тем больше чувствуешь, как мал твой горизонт, но оттого он и более дорог.

У этой книги было много вариантов названий. Например, одним из первых было «Возвращение в семью» - и это и есть в основном мой личный смысл этой книги. Который я не буду сейчас особо разбирать, все довольно обычно: в молодом возрасте борешься за свободу, а в зрелом, завоевав свободы сколько влезет (а много ни в кого из нас не влезает), начинаешь ценить расклады «долгие» и «надежные», осознавать корни своего Рода и свое в нем место. «Как это правильно и как это скучно» - мог бы вздохнуть Вечный Подросток, но я, склонный гораздо больше к архетипу Вечного Дитяти, совсем не нахожу скучным

разбираться в этих хитросплетениях, на которых семьи стоят, и о которых почти никогда ничего толком не знают.

Конечно, некоторые истории в этой книге – из моей собственной жизни.

Пока я писал эти тексты, я много общался с очень разными людьми, которые поделились со мной историями своих жизней и семей. Малая толика этих откровенностей напечатана в книге. Я хочу сказать Большое Спасибо всем тем, кто вместе со мной во всем этом разбирался.

И вот я беру большой ключ и делаю «Заключение». Такие правила, как у хирургов: мы вначале достаем там что-то из живота, потом изучаем-режем, а потом запихиваем обратно, и пусть работает как работает. После хорошей психотерапии должна наступать простая хорошая жизнь.

Чего и вам желаем.